

2019
N 2 (48)

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA

18+

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально.

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGOLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, associate
professor, honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ВАНЮШИН Я.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

VANUSHIN Ya.L.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БЕЗРУКОВ А.В.,
доктор юридических наук, доцент,
Сибирский юридический институт
МВД России

BEZRUKOV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Siberian Law Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

ГАНАИМ Х.,
LLD, профессор,
Хайфский университет
(Израиль)

GHANAYIM Kh.,
LLD, professor, University of Haifa
(Israel)

ГЕРАСИМЕНКО Ю.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Омская академия МВД России

GERASIMENKO Yu.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

ГРИШКО А.Я.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

GRISHKO A.Ya.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

ГУЧОК А.Е.,
доктор юридических наук, доцент,
Высшая аттестационная комиссия
Республики Беларусь

GUCHOK A.E.,
Doctor of Legal Sciences, associate professor,
The Higher Attestation Commission
of the Republic of Belarus (Belarus)

ЗИГМУНТ О.А.,
PhD,
Университет Фехта
(Германия)

SIEGMUNT O.A.,
PhD,
Vechta University
(Germany)

ИЛЬЯШЕНКО А.Н.,
доктор юридических наук, профессор,
Кубанский государственный университет

IL'YASHENKO A.N.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Kuban State University

КЛЕАНДРОВ М.И.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
член-корреспондент РАН,
заслуженный юрист Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

KLEANDROV M.I.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences, honoured lawyer
of the Russian Federation, honoured worker
of science of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

КОЗАЧЕНКО И.Я.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Уральский государственный
юридический университет

KOZACHENKO I.Ya.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Ural State Law University

ЛАВРОВ В.П.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Академия управления МВД России

LAVROV V.P.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Academy of Management of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

ЛИПИНСКИЙ Д.А.,
доктор юридических наук, профессор,
Тольяттинский государственный университет

LIPINSKIY D.A.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Togliatti State University

ЛУНЕЕВ В.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

LUNEEV V.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

МАЙОРОВ В.И.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

MAYOROV V.I.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

СЕРГЕЕВ А.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SERGEEV A.B.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

СУМАЧЕВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

**Включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов и изданий (2015)**

**Included in the list of the Russian reviewed scientific
journals (2015)**

Партнеры:

Международная ассоциация содействия правосудию;
Международная полицейская ассоциация;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:

International Union of Assistance to Justice;
International Police Association;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:

625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Address of the Editorial Board, Publisher

and Printing House: Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

**Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России»: 81271**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-51965 от 29.11.2012 г.

Редактор Е.В. Карнаухова.

Технический редактор Е.К. Булатова.

Перевод на английский язык: М.И. Лыскова.

Подписано в печать 21.06.2019. Дата выхода в свет 28.06.2019.

Формат 60x84/8. Усл. п. л. 18,8. Уч.-изд. л. 17,8.

Тираж 300 экз. Заказ N 049. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2019.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности	Section 1. Methodology of law enforcement activities
ЛИПИНСКИЙ Д.А. Юридическая ответственность и безответственность как парные юридические категории	LIPINSKY D.A. Legal liability and irresponsibility as paired legal categories
Раздел 2. Охрана и защита прав человека	Section 2. Human rights protection
БЕЗРУКОВ А.В., САВОСЬКИН А.В. Особенности реализации в органах внутренних дел Российской Федерации конституционного права граждан на обращение	BEZRUKOV A.V., SAVOSKIN A.V. Peculiarities of the implementation of the constitutional right of citizens to appeal in the internal affairs bodies of the Russian Federation
Раздел 3. Административная деликтология	Section 3. Administrative delictology
ДЕРЮГА А.Н., ШАКЛЕИН С.Н. Пенологический аспект малозначительности административного правонарушения	DERYUGA A.N., SHAKLEIN S.N. The penological aspect of the insignificance of an administrative offence
ГОРОВЕНКО С.В. Административная ответственность за нарушение требований законодательства о получении информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство	GOROVENKO S.V. Administrative liability for violation of the requirements of the legislation on obtaining informed voluntary consent to medical intervention
Раздел 4. Уголовный закон	Section 4. Criminal Law
МАЛЫХИНА Т.А. Уголовно-правовое значение признаков объективной стороны преступлений, предусмотренных статьей 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации	MALYKHINA T.A. Criminal law characteristics of the elements of the objective side of the crimes provided by article 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation
БЕЛЕЦКИЙ И.А. Незаконный оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции: характеристика объективной стороны	BELETSKY I.A. Illegal trafficking of ethyl alcohol and products containing alcohol: characteristics of the objective side
Раздел 5. Криминологическая наука	Section 5. Criminology
ЮЗИХАНОВА Э.Г. Тенденции преступности в Ямало-Ненецком автономном округе	YUZIKHANOVA E.G. Crime trends in Yamalo-Nenets Autonomous District
Раздел 6. Правоохранительная политика	Section 6. Law enforcement policy
УРДА М.Н. Фиктивная постановка на миграционный и регистрационный учеты в контексте межотраслевого взаимодействия	URDA M.N. Fictitious registration and migration registration in the context of intersectoral cooperation

Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение

ЧЕРНОВА С.С. Допрос несовершеннолетнего потерпевшего: процессуальные аспекты

92

Section 7. Criminal procedural review

CHERNOVA S.S. The interrogation of a minor victim: procedural aspects

Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики

РАВНЮШКИН А.В., НАГОРНЫЙ А.П., ПОПОВ А.Н.
Проблемы правового регулирования и осуществления досмотра физического лица сотрудниками полиции, обеспечивающими охрану общественного порядка

103

Section 8. Improving law enforcement practice

RAVNYUSHKIN A.V., NAGORNY A.P., POPOV A.N. Problems of legal regulation and carrying out the external examination and personal search of an individual by police officers ensuring the protection of public order

ЗАБАВКО Р.А. Дифференциация уголовной ответственности за неоконченную преступную деятельность при совершении экологических преступлений

113

ZABAVKO R.A. Differentiation of the criminal liability for not completed criminal activity when committing environmental crimes

Раздел 9. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ГОРБУНОВА М.Ю. Принципы установления и применения поощрений в праве как основные правила юридической техники

122

Section 9. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

GORBUNOVA M.Yu. Principles of establishing and application of encouragements measures in the law as the basic rules of legal technique

САРАНЧИН Д.В. Объект и предмет преступления, предусмотренного статьей 151.2 Уголовного кодекса Российской Федерации

130

SARANCHIN D.V. Object and subject of the crime provided by article 151.2 of the Criminal Code of the Russian Federation

ХОЛОДНЯК И.В. Криминалистическая характеристика кражи природного газа из газопровода

139

KHOLODNYAK I.V. Criminalistic characteristics of the theft of natural gas from a gas pipeline

Раздел 10. Обзоры, рецензии, критика

МАЙОРОВ В.И., ЛЕТАЕВА Е.А.
Рецензия на диссертацию М.Ю. Водяной «Административная ответственность граждан за появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения»

146

Section 10. Reviews, reviews, criticism

MAYOROV V.I., LETAEVA E.A. Review of the thesis by M.Yu. Vodyanaya "Administrative responsibility of citizens for appearance in public places while intoxicated"

СУМАЧЕВ А.В. Отзыв на диссертацию Т.Р. Сабитова «Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды»

152

SUMACHEV A.V. Review of the thesis by T.R. Sabitov "Criminal law principles: concept, system and types"

Раздел 11. Спецтема: Обсуждаем законопроект

СЕРГЕЕВ А.Б. Критический анализ отдельных положений проекта Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»

156

Section 11. Special topic: Discussing the draft law

SERGEEV A.B. Critical analysis of the certain provisions of the draft federal law "On forensic activities in the Russian Federation"

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Dmitri8@yandex.ru Департамент магистратуры; Тольяттинский государственный университет, 445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14	LIPINSKY D.A., Doctor of Legal Sciences, professor, Dmitri8@yandex.ru Graduate Department; Tolyatti State University, Belorusskaya St. 14, Tolyatti, 445020, Russian Federation

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ПАРНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ*

Аннотация. В статье исследуются смежные с юридической безответственностью понятия: «правовая аномия», «правовой нигилизм» и «правонарушение». Определяются их общие и отличительные характеристики с целью выявления места юридической безответственности в системе смежных правовых понятий. Рассматриваются различные проявления юридической безответственности, делаются выводы о ее признаках в сравнении с характеристиками юридической ответственности как целостного правового явления, включающего позитивный и негативный аспекты реализации. По мнению автора, юридическая безответственность на институциональном уровне – это состояние отсутствия либо декларативности норм юридической ответственности или иное несовершенство законодательства, исключающее возможность привлечения к юридической ответственности и ее реализацию, а на уровне реализации норм права – состояние общественных отношений, характеризующееся совершением правонарушений, уходом правонарушителя от ответственности, назначением юридического наказания, которое не соответствует характеру и степени общественной опасности правонарушения и личности виновного. Юридическая безответственность связана с такими явлениями, как правонарушение, правовой нигилизм, правовой идеализм, правовая аномия, но не тождественна им. Отсутствие эффективного функционирования правоприменительного процесса может приводить к фактической юридической безответственности правонарушителя. В связи с этим необходимо различать формальную юридическую ответственность и фактическую юридическую безответственность.

Ключевые слова: юридическая ответственность; юридическая безответственность; правонарушение; правомерное поведение; правовая аномия; правовой нигилизм; позитивная юридическая ответственность; негативная юридическая ответственность; нормативность; парность категорий.

LEGAL LIABILITY AND IRRESPONSIBILITY AS PAIRED LEGAL CATEGORIES**

Annotation. The article examines the concepts related to legal irresponsibility: “legal anomie”, “legal nihilism” and “offence”. The author defines their common and distinctive characteristics in order to identify the place of legal irresponsibility in the system of the related legal concepts. Various manifestations of legal irresponsibility are considered. The conclusions about its features in comparison with the characteristics of legal liability as a holistic legal phenomenon, including the positive and negative aspects of implementation, are made. According to the author’s opinion, legal irresponsibility at the institutional level is the lack or declarative character of the norms of legal responsibility or other imperfection of the legislation, that excludes the possibility of bringing to legal responsibility and its implementation. Legal irresponsibility at the level of implementation of the rules of law is the state of public relations, characterized by the commission of offences, avoiding the liability by the offender, the appointment of legal punishment that does not correspond to the nature and degree of social danger of the offence and the personality of the offender. Legal irresponsibility is connected with such phenomena as an offence, legal nihilism, legal idealism, legal anomie, but is not identical to them. The lack of effective law enforcement can lead to actual legal irresponsibility of the offender. In this regard, it is necessary to distinguish between formal legal liability and actual legal irresponsibility.

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект N 19-011-00083 А «Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности».

** The article was supported by the Russian Fundamental Research Fund (RFRF), project No. 19-011-00083 A “Legal Liability in the Mechanism of Ensuring National Security”.

Keywords: legal liability; legal irresponsibility; offence; lawful behavior; legal anomie; legal nihilism; positive legal liability; negative legal liability; normativity; paired categories.

Прежде чем приступить к исследованию юридической ответственности и безответственности как парных юридических категорий, необходимо разрешить ряд методологически важных вопросов. Во-первых, определить понятия юридической ответственности и безответственности. Во-вторых, проанализировать методологию и алгоритм исследования парных юридических категорий. Кроме того, в самом процессе познания юридической ответственности и безответственности будут дополняться и признаки данных явлений, так как методология парности позволяет глубже проникнуть в сущность исследуемого объекта.

Следует отметить, что проблема понятия юридической ответственности длительное время находится под пристальным вниманием ученых-юристов, но, несмотря на более чем полувековую дискуссию о ней, до настоящего времени не выработано общепризнанное определение данного понятия, нет единства во мнениях и о количестве признаков, формах реализации, наличии или отсутствии позитивного аспекта юридической ответственности. Да и практически любая фундаментальная проблема, связанная с юридической ответственностью, вызывает оживленные дискуссии (в частности, ее основания, цели, принципы, соотношение со смежными правовыми категориями и другие).

Подчеркнем, что сам предмет исследования вполне ясно и недвусмысленно очерчен в названии статьи, а относительно понятия юридической ответственности нами неоднократно высказывалась собственная позиция (Липинский Д.А., 2004; Липинский Д.А., Мусаткина А.А., 2017). В связи с этим многие дискуссионные положения будем использовать как должное, развивая дальше наши воззрения и отвечая на критику о том, что «в исследовании позитивной юридической ответственности ученые не ушли дальше дискуссий о ее понятии».

Однако считаем необходимым отметить ряд важных положений, которые ранее нами были уже разработаны. Во-первых, юридическая ответственность единая, нормативная, институциональная и обла-

дает различными формами (аспектами) реализации – позитивным и негативным. Во-вторых, она основывается на государственном убеждении, принуждении и поощрении, а основанием ее реализации выступает правовое поведение. В-третьих, ее характеристиками являются формальная определенность, четкость, детализированность, а также общеобязательность. Последствиями реализации ответственности являются поощрение, одобрение или наказание [1, с. 47]. Перечисленные признаки характеризуют юридическую ответственность как целостное правовое явление, а те признаки, которые свойственны исключительно той или иной форме (аспекту) ее реализации, будут раскрыты позже при сопоставлении с характеристиками юридической безответственности.

Если проблемам юридической ответственности посвящена обширная общетеоретическая и отраслевая литература, то относительно самого понятия «юридическая безответственность» исследователи находятся еще только на начальном этапе его осмысления. Среди наиболее значимых работ следует назвать монографию А.С. Бондарева [2], а также ряд научных статей [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. В других работах термин «безответственность» употребляется в контексте характеристики монархической формы правления (Алексеев А.С., 1907) либо в аспекте отсутствия привлечения субъекта к юридической ответственности, без раскрытия самих признаков юридической безответственности. В отличие от юриспруденции в других отраслях научного знания проблема безответственности находится под пристальным вниманием ученых. Так, ее исследуют в философии, социологии, политологии, психологии, этике [10; 11]. Анализ работ показывает, что безответственность определяют с позиции внутреннего отношения субъектов к существующим нормативным предписаниям, их неприятия или безразличного и попустительского к ним отношения. При этом четкого ответа на вопрос о том, что же представляет собой безответственность как социальная и философская категория, в указанных работах не содержится.

В аспекте исследования безответственности интересно понятие «аномия», введенное в научный оборот известным социологом Э. Дюркгеймом и определяемое им как безнормативность. В самом простом виде аномия — это социальное состояние, характеризующееся ослаблением или распадом норм (Дюркгейм Э, 1991). Воззрения Э. Дюркгейма интересны также тем, что аномия исследовалась как с внешней, так и с внутренней стороны. С внутренней стороны она рассматривалась как отношение индивидов к социальным нормам, а с внешней — как отсутствие закона, то есть эталонов и стандартов для сопоставления собственного поведения.

В дальнейшем теория аномии была развита в работах Р. Мертон, которым было введено понятие девиантного (отклоняющегося) поведения. В понятие аномии им включались: расплывчатость, неустойчивость нормативных требований; слабое воздействие, исходящее от социальных норм; полное или частичное отсутствие нормативного регулирования (Мертон Р., 2006). Между тем понятие аномии не тождественно юридической безответственности по ряду оснований. Во-первых, оно раскрывает только одну из ее сторон, отмечая слабость или недостаточность нормативного регулирования. При этом нормативность рассматривается с широких позиций, она представлена совокупностью всех разновидностей социальных норм, а также с учетом того, что сами общественные отношения нормативны. Во-вторых, под аномией, как правило, понимается не единичное явление, а массовые процессы, характеризующие особое состояние общества в переходный для него период.

Еще в дореволюционной литературе понятие безответственности употреблялось в противовес ответственности и означало отсутствие нормативных оснований юридической ответственности монарха. Так, А.С. Алексеев пишет: «Безответственность монарха вытекает из его суверенитета, который понимается в смысле полноты и неограниченности власти» (Алексеев А.С., 1907). Однако «правонарушитель не перестает быть таковым, если он не привлекается к ответственности; пятно, которое кладет на человека совершенное им беззаконие, не смывается тем, что это беззаконие

остается без возмездия» (Алексеев А.С., 1907). В своем выводе ученый фактически заложил развитое позже в трудах советских юристов положение о возникновении правоотношений юридической ответственности с момента совершения правонарушения, но суть заключается в том, что уже в дореволюционной литературе безответственность противопоставлялась юридической ответственности, хотя о парности категорий речи в тот период развития юридической науки как таковая не было.

Обратимся к анализу немногочисленных исследований, посвященных юридической безответственности. А.С. Бондарев указывает, что «антиподом юридической ответственности является безответственность субъектов права, выражающаяся вовне в неправомерном поведении (правонарушениях). Внутренний “психологический” аспект юридической безответственности субъектов права выражается в незнании либо в недостаточном осознании ими ценности правовых требований, установленных обязывающими и запрещающими нормами права, пренебрежении к ним, а то и в прямой отрицательной правовой установке и волевом направлении своего поведения в противоправное русло» [2, с. 15]. Далее он рассматривает безответственность как правовую антикультуру субъектов общественных отношений, которая обладает двумя сторонами. «Видимая сторона правовой антикультуры — это неправомерное поведение субъектов права, а невидимая ее сторона находится внутри правосознания последних в форме несформированных правовых знаний, правовых предубеждений, мотивирующих и направляющих их неправомерную деятельность» [2, с. 90].

По мнению М.М. Бринчук, «...безответственность имеет очевидные признаки, характеристики, носит юридический характер. Следовательно, об этом феномене можно говорить как о юридической безответственности, являющейся, в частности, обратной стороной юридической ответственности» [6, с. 57]. В своей статье автор не раскрывает признаки безответственности, но из его суждений следует, что она сводится к неисполнению обязанностей и к латентным правонарушениям [6]. В.Н. Борков феномен безответственности видит в

либерализации самой ответственности за экономические правонарушения и уходе от нее коррупционеров [7]. С.Б. Поляков связывает феномен безответственности с отсутствием санкций или механизма их реализации [9, с. 37].

А.В. Маркин полагает, что негативная юридическая ответственность тождественна безответственности [5, с. 82]. В другой работе он отмечает, что «юридическая безответственность — это непропорциональное или правомерное освобождение совершившего правонарушение субъекта от применения к нему мер юридической ответственности» [12, с. 101]. Если не принимать во внимание чрезмерно категорические суждения некоторых ученых (об этом несколько позже), то в них раскрывается отдельная черта или характеристика юридической безответственности. Но проблема усложнена еще и тем, что каждый из авторов неоднозначно определяет саму юридическую ответственность, от чего зависит и обратное суждение о юридической безответственности. Так, по мнению А.В. Маркина, юридическая ответственность во всех ее проявлениях носит позитивный характер ввиду того, что государство закрепляет ее как ценность в правовых нормах [12, с. 95].

Однако, если обратиться к другой стороне правоотношения — правонарушителю, то вряд ли для него негативная юридическая ответственность носит позитивный характер. В противном случае субъекты, воспринимая ее как ценность, сразу после совершения правонарушения обращались бы в правоохранительные органы с заявлением о чистосердечном раскаянии (стремясь получить эту ценность), латентная правонарушаемость в нашей стране была бы нулевой, а раскрываемость преступлений — стопроцентной. Ценность последствий в виде их претерпевания безусловна для общества и государства, но не для правонарушителя. В таких суждениях отчетливо видится логика цивилистических конструкций, в которых принимается во внимание только одна сторона правоотношения — кредитор или потерпевший и упускается из виду вторая сторона правовой связи либо сам институциональный аспект юридической ответственности. Подобный подход сродни тому, как отрица-

ется в гражданском праве существование карательной функции на том основании, что всегда происходит восстановление имущественной сферы кредитора (потерпевшего); при этом забывается, что сам правонарушитель несет урон, который для последнего выступает как кара.

Противоречивость таких суждений очевидна и потому, что в одной работе автор признает негативную юридическую ответственность тождественной безответственности, а в другой связывает последнюю с «непропорциональным уклонением». Из логики парных категорий возникает вопрос о том, может ли быть правомерным уклонение от юридической ответственности. Можно предположить, что автор имел в виду использование различных способов защиты, но защита — не есть уклонение от юридической ответственности. «Правомерное уклонение» от юридической ответственности — это искусственная и ложная конструкция, не согласующаяся с самим механизмом реализации и привлечения к юридической ответственности, который как раз и направлен на кару правонарушителя, восстановление общественных отношений и достижение иных целей. Не согласуется оно и с представлением автора об исключительной позитивности юридической ответственности как ценности и блага. Получается, что правонарушителю предоставляют благо и ценность, а он «правомерными способами» уклоняется от нее. Ввиду этого опять очевидна замкнутость отраслевой методологии, которую пытаются применить к обобщениям, свойственным для теории государства и права, а тем более для философии права.

Вызывает возражения и введение А.В. Маркиным понятия «позитивная безответственность», рассматриваемого им как правомерное освобождение от юридической ответственности, которое предлагается без учета проведенных ранее исследований, отмечающих наличие осуждения как универсального способа порицания правонарушителя. Осуждение содержится в правоприменительном акте, на основе которого субъект освобождается от ответственности, но он также содержит отрицательную оценку деятельности правонарушителя и порицает как личность, так и деяние. Кроме того, осуждение происхо-

дит по нереабилитирующим основаниям. Поэтому о безответственности в полном объеме здесь вряд ли можно утверждать.

Думается, что анализ понятия «безответственность» можно начать с этимологического значения данного слова. В Толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова отсутствует слово «безответственность», но раскрывается значение слова «безответственный» — «не несущий ответственности; не сдерживаемый сознанием ответственности». Приставка «без... или (бес...)» употребляется при образовании существительных, обозначающих отсутствие или недостаток чего-либо». Вполне понятно, что научные понятия не могут формироваться исключительно на основе этимологического значения того или иного слова, но оно должно учитываться при его формулировании. Как из этимологического значения слова, так и из родовых (философских, социологических) значений термина «безответственность» следует ее первая характеристика, заключающаяся в отсутствии юридической ответственности. Причем анализ этого отсутствия должен начинаться не с реализации санкции и не с уклонения от юридической ответственности, а с наличия нормативности. Прежде всего, ответственность нормативна и, если не учитывать понимание нормативности как закона общественного развития, то она выражается в существующей системе юридических норм. Следовательно, первое проявление юридической безответственности — это отсутствие правовых норм, устанавливающих юридическую ответственность. В связи с этим может возникнуть вопрос о тождественности понятий, ответ на который будет дан несколько позже.

Следует отметить, что понятие «аномия» уже используется в таких юридических науках, как криминология и уголовное право, но преимущественно в аспекте объяснения правового нигилизма или маргинального поведения, то есть в аспекте ее внутренней (психологической) стороны. Зарубежный психолог Р. Макайвер отмечает, что «психологическая аномия — это состояние сознания, в котором чувство социальной сплоченности — движущая

сила морали индивида — разрушается или совершенно ослабевает. Аномия — это духовная опустошенность, неизбывная тоска, которая толкает или к преступлению, или к алкоголю и наркотикам, или к самоубийству» [цит. по: 13, с. 32]. Тогда и возникает вопрос о возможной тождественности понятий «юридическая безответственность» и «правовая аномия». В классическом виде аномия представляет собой не только статическое состояние (отсутствие тех или иных норм или их разрушение), но и сам процесс, когда значительная часть общества нарушает существующие правила поведения и внутренне не принимает их. В этом смысле понятие аномии расплывчато и вряд ли приемлемо в его традиционном понимании (в западных правовых и социологических учениях) для отечественной юриспруденции, которой свойственны строгие юридические конструкции, вытекающие из принадлежности нашей правовой системы к романо-германской правовой семье.

В обоснование данного тезиса приведем следующие доводы. Во-первых, сами исследователи аномии признают отсутствие ее четкого определения и в большей степени пишут о ее проявлениях. Так, отмечается, что в течение двадцати лет едва ли не половина статей в журнале «СОЦИС» «...затрагивала проблему аномии той или иной социокультурной общности в России, но даже само понятие, обозначающее это явление, почти не применяется» [14, с. 5]. Автор приведенной цитаты, посвятивший аномии монографию, предпочел не формулировать определение ее понятия, а сконцентрировался на ее проявлениях без указания существенных признаков. Тогда логично возникает вопрос о том, как можно рассматривать различные проявления того или иного явления, не зная его точного понятия.

Д.И. Геращенко, подготовивший по правовой аномии кандидатскую диссертацию (по социологическим наукам), отмечает, что им «конкретизировано понятие правовой аномии как состояния российской общественной жизни, характеризующееся рассогласованностью правовых норм» [15, с. 9]. Далее он пишет: «...правовая аномия характеризует состояние рассогласованности поведения индивидов с

* Толковый словарь / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ЭТС, 2006. С. 300.

нормами права в условиях нестабильности и неэффективности правовой системы, отклонения правомерного поведения под влиянием традиционных или социально эффективных образцов» [15, с. 12]. Из выводов исследователя логично возникает вопрос о том, чем рассогласованность правовых норм отличается от отсутствия их системности или несовершенства, коллизий и противоречий между существующими правовыми нормами. Ответа на данный вопрос автор не предлагает, поскольку для этого необходимо обладать как минимум профессиональным правосознанием и как максимум научным. Любое научное понятие имеет право на существование, если четко определить не только признаки, но и характеристики, отличающие его от смежных категорий. Остается неясным, чем «рассогласованность поведения индивидов с нормами права» отличается от правонарушения, злоупотребления правом, неисполнения обязанностей или несоблюдения запретов.

Отсутствует и четкость терминологии. Так, Д.И. Герашенко отмечает, что существует «отклонение правомерного поведения». Если мы утверждаем об отклонении поведения от эталонов, закрепленных в нормах права, то такое поведение уже не является правомерным. Можно предположить, что автор имел в виду маргинальное правомерное поведение как пограничную форму с правонарушающей деятельностью, но оно все равно является правомерным, а с внешней стороны не рассматривается как противоправное. Допустим, что это обусловлено различным пониманием маргинального поведения в социологии и юриспруденции. Такая методология, возможно, свойственна и приемлема для философии и социологии, но не для юриспруденции.

Далее, при характеристике аномии в философии и социологии акцент делается на внутренней (психологической) стороне проблемы. В связи с этим уместно напомнить известное изречение так критикуемого в настоящее время классика: «помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом» (К. Маркс). Однако не следует отвергать все тезисы о правовой аномии, наработанные другими науками. Речь

идет только о том, что в своем «чистом» виде они не могут быть экстраполированы в теорию государства и права, и тем более в отраслевые юридические науки.

На наш взгляд, признаки юридической безответственности целесообразно разделить на несколько групп:

- институциональные;
- правореализационные;
- находящиеся в сфере индивидуального и коллективного правосознания;
- обусловленные правонарушением или злоупотреблением правом.

Среди институциональных признаков юридической безответственности следует отметить: отсутствие норм, предусматривающих юридическую ответственность при существовании деяний, которые представляют общественную опасность; правовое декларирование юридической ответственности, которая не снабжена механизмами реализации; избыточность нормативности, представляющую собой зарегламентированность юридического процесса, фактически исключающую реальное привлечение к юридической ответственности; явное несоответствие санкций характеру и степени общественной опасности правонарушения; закрепление в правовых нормах легальных возможностей избежать юридической ответственности; формализацию в правовых нормах ценностей, чуждых нашему обществу, которые заранее обречены на массовое неприятие.

Как это ни парадоксально, избыточная нормативность также может породить юридическую безответственность, но, с другой стороны, сама избыточность правовых норм — это результат безответственности (сознательной или ошибочной) нормотворцев различных уровней. В.А. Толстик верно указывает, что «правовой тоталитаризм — это понятие, охватывающее своим объемом все формы чрезмерного, избыточного правового регулирования общественных отношений» [16, с. 760]. Автором называются такие его проявления, как «необоснованное расширение предмета правового регулирования; избыточное многообразие типичных нормативных правовых актов; излишне детальная регламентация общественных отношений; частая смена правил, бесконечное внесение изменений в действующую

щее законодательство; свобода высшего чиновника не исполнять закон, избирательное правосудие» [16, с. 762-763]. Остановимся только на некоторых проявлениях правового тоталитаризма, который является безответственностью чиновников всех уровней и, как следствие, приводит к формальной безответственности обычных адресатов правовых норм. Все закономерно – безответственность одних субъектов, пусть и искусственно, но порождает безответственность других субъектов общественных отношений.

В обоснование данного тезиса остановимся только на некоторых из проявлений правового тоталитаризма – излишней регламентации общественных отношений с их ненужной, часто доходящей до абсурда, с чрезмерно детальной конкретизацией. Например, сферу высшего образования буквально «захлестнула» волна бесконечной смены ФГОС. Не успели образовательные организации привыкнуть к стандартам третьего поколения, как начали принимать ФГОС «3+», а по некоторым направлениям подготовки – ФГОС «3++». Официальный принцип всех реформ в сфере высшего образования – больше свободы вузам в формировании образовательных программ, а в реальности – жесткая регламентация, буквальное толкование и детализация. В частности, в ФГОС-3 направления подготовки «Юриспруденция» (уровень магистратуры) предусмотрена таблица, носящая название «Структура ОПОП магистратуры». Таблица содержит следующие колонки: учебные циклы; трудоемкость; перечень дисциплин для разработки; коды формируемых компетенций.

В общенаучном цикле указана обязательная дисциплина «философия права» и коды общекультурных компетенций с ОК-1 по ОК-5 включительно, которые должны быть реализованы в рамках общенаучного цикла. Иначе говоря, все они должны быть реализованы в рамках преподавания дисциплины «Философия права», в том числе и ОК-4 (способность свободно пользоваться русским и иностранными языками как средством делового общения). Остается только догадываться, как в рамках философии права учить иностранному языку. Или обратимся к другой компетенции – ОК-5 (способность компетентно ис-

пользовать на практике умения и навыки в организации исследовательских работ и управлении коллективом). Можно согласиться с «привязкой» философии права к исследовательским работам, но связать философию права с управлением коллективом нельзя.

Любой ученый-юрист (руководитель программы магистратуры) и заведующий кафедрой, руководствуясь здравым смыслом, составляя учебный план и проставляя компетенции для каждой дисциплины, не будут указывать, что в процессе изучения дисциплины «Философия права» необходимо научиться общаться на иностранном языке и принимать управленческие решения. Однако специалисты Рособнадзора при проверке будут исходить из буквального толкования стандарта и сделают соответствующие замечания. Автор данной статьи несколько лет преподавал философию права и не прививал магистрантам компетенции по иностранному языку и управлению коллективом. Таким образом, фактически преподаватель нарушает ФГОС, то есть ведет себя безответственно, руководствуясь здравым смыслом и предназначением дисциплины. Однако такое положение создается Минобрнауки России непродуманным, необоснованным, а точнее, безответственным решением в виде «шедевра» педагогико-чиновничьей мысли, который носит название ФГОС по направлению подготовки «Юриспруденция» (уровень магистратуры). При этом формулировка «педагогико-чиновничьей мысли» не случайна, так как разработчиками ГОС-2 по специальности «Юриспруденция» являлись ученые-юристы, о чем свидетельствуют их подписи в заключительной части. Напротив, авторы ФГОС-3 – чиновники, сущность подзаконного нормотворчества которых заключается не в предоставлении свободы для творчества и инициативы, а в ее ограничении.

Другой пример. В пункте 2 приказа Минобрнауки России от 29 июня 2015 г. N 636 «Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета и программам магистратуры» указано: «государственная итоговая аттестация проводится государ-

ственными экзаменационными комиссиями в целях определения соответствия результатов освоения обучающимися основных образовательных программ требованиям федерального государственного образовательного стандарта или образовательного стандарта»*. Данный пункт положения был истолкован Рособрнадзором так, что в процессе государственной аттестации должны быть проверены все компетенции, в том числе и относящиеся к физической культуре, иностранному языку, философии и другим общим навыкам и умениям. При этом программа государственного экзамена должна содержать все компетенции, а фонд оценочных средств, соответственно, предусматривать задания по их проверке.

Одновременно с этим не принимается во внимание п. 11 настоящего приказа, устанавливающий, что «государственный экзамен проводится по одной или нескольким дисциплинам и (или) модулям образовательной программы, результаты освоения которых имеют определяющее значение для профессиональной деятельности выпускников». Если следовать этой логике, то в рамках нескольких предметов необходимо дать все компетенции, а затем их проверить и оценить.

При этом за все время существования ФГОС Минобрнауки России не были приняты официальные акты их толкования. Видимо, проще и целесообразнее проверять требования ФГОС, находя безответственность в деятельности профессорско-преподавательского состава и руководства высших образовательных организаций, которые во многом обусловлены зарегламентированностью и двояким толкованием.

В своей статье М.С. Бороздина фактически ставит знак равенства между правовым нигилизмом и аномией, отмечая, что нигилизм в России обладает глубокими историческими корнями [17, с. 121]. При этом сама идея не нова, о ней писалось и ранее, но мы все чаще сталкиваемся с ситуацией искусственного порождения правонарушений ведомственным нормотворчеством. В правовом государ-

стве должно существовать верховенство справедливого закона, а не подзаконного акта.

Как указано выше, данная статья выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта «Юридическая ответственность в механизме обеспечения национальной безопасности». В связи с этим может возникнуть вопрос о том, какое отношение образовательная деятельность и все требования, которые к ней предъявляются, имеют к тематике проекта. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N 683, наука, технологии и образование выделены в качестве приоритетов**. Однако в реальности качество образования превратилось в качество документации, что не согласуется с потребностями в подготовке специалистов. Зарегламентированностью на корню можно изжить творческое и рациональное, превратив все в обычный формализм, лишенный социальной полезности.

Для российского менталитета характерен не только правовой нигилизм (это следует признать фактом), в нем всегда существовало разумное сочетание формальных требований с социальной полезностью, а его ломка под западные «эталоны» не приносит пользы, а только разрушает существующую систему. Можно продекларировать образование и науку стратегическим направлением в обеспечении национальной безопасности, но не принимать во внимание, что центральными фигурами в образовательном процессе являются преподаватель и студент, а первому, прежде всего, необходимо качественно готовиться к занятиям и проводить научные исследования, а не заполнять бесчисленные отчетные формы, рабочие программы дисциплин, фонды оценочных средств и иную документацию, которая только отнимает время и снижает реальное качество образования.

Так или иначе все названные признаки юридической безответственности связа-

** О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 дек. 2015 г. N 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 1 (ч. II). Ст. 212.

* См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

ны с институтом юридической ответственности, представленным в системе права как совокупность (система) юридических норм, и его несовершенством, которое может быть обусловлено как умышленными, так и ошибочными действиями. Институциональные характеристики юридической безответственности можно объединить в рамках общего признака нормативности, который понимается в данном случае не только как наличие системы норм (некоторые из них могут и отсутствовать), но и как закон общественного развития, то есть своеобразный двигатель общественного прогресса, заключающийся в самой необходимости нормативного регулирования. Должного правового регулирования может и не быть, но сама необходимость в этом будет сохраняться. Данное положение вытекает и из тезиса о первичности общественных отношений и выполнении правом по отношению к ним регламентирующей, упорядочивающей и развивающей роли. Деяния, носящие общественно опасный характер, осуждаются обществом, то есть действуют другие виды социальной ответственности, которые необходимо облечь в правовую форму и перевести из неправовых видов в тот или иной вид юридической ответственности, но при условии наличия соответствующей необходимости и возможности регламентации общественных отношений.

В немногочисленной литературе, посвященной юридической безответственности, правонарушение называют одной из форм ее проявления [2, с. 180]. Общеизвестно, что признаком правонарушения является формальное наличие (предусмотренность) юридической ответственности или, по терминологии других авторов, наказуемость. В связи с этим возникает противоречие, выражающееся в том, что правонарушение, признаком которого является наказуемость, называют формой проявления безответственности. С общесоциальной стороны это, безусловно, акт безответственного поведения, но нас интересует юридическая сторона вопроса и понимание юридической безответственности, а не общесоциальной. Можно ли утверждать о существовании юридической безответственности в том случае, если за правонарушение предусмотрена ответ-

ственность, и ставить знак равенства между безответственностью и актом правонарушения?

Правонарушение и юридическая безответственность различны по своим характеристикам. Категорически утверждать о тождественности правонарушения и юридической безответственности недопустимо. Правонарушение разрывает (нарушает) нормальную неконфликтную социальную связь, в которой реализовывалась позитивная юридическая ответственность. С такой позиции юридическую безответственность можно рассматривать во взаимосвязи с правонарушением, которая не означает их тождества. При этом сама позитивная ответственность закреплена в правовых нормах, и в таких суждениях мы начинаем рассматривать переход от институционального аспекта к поведенческому (деятельностному). Необходимо учитывать и тот факт, что разрыв или нарушение одной социальной связи не означает исчезновение других регулятивных правоотношений, в которых реализуется позитивная юридическая ответственность. Следовательно, на уровне правонарушения о юридической безответственности можно утверждать только применительно к конкретному противоправному акту. Кроме того, если правонарушитель несет наказание или добровольно возмещает причиненный вред уже после совершения правонарушения, то его действия не имеют безответственного характера. Напротив, они направлены на восстановление позитивной юридической ответственности субъекта.

Юридическая безответственность не тождественна правонарушению и по другим основаниям. Так, признаком правонарушения выступает вина, под которой понимается психическое отношение субъекта к деянию и последствиям, а центральное место в ее определении занимает психическое отношение. Именно в психическом отношении проявляется отрицательная оценка субъектом существующих ценностей (жизни, здоровья, свободы, собственности и т.д.), которые формализованы в правовых нормах. Такое отношение со стороны общества и государства вызывает упрек, именно оно и носит юридически безответственный характер. Психическое

отношение проявляется в поведенческом акте субъекта. Вина правонарушителя — это одна из характеристик юридической безответственности, находящаяся в сфере правосознания. В данном случае, когда употребляется термин «юридически безответственное поведение», то подразумевается прежде всего внутренний (психолого-юридический) аспект.

Взаимосвязь правонарушения и юридической безответственности имеет сложный и неоднозначный характер, и методологически неверно по линейной схеме утверждать об их тождественности. Институциональный уровень соотношения правонарушения и безответственности не подчеркивает их тождество, скорее наоборот, правонарушение как формальная конструкция, закрепленная в законе, предусматривает наказание, которое, в свою очередь, является составной частью юридической ответственности. Если мы рассматриваем правонарушение как юридический факт (то есть переводим его с институционального уровня в плоскость конфликтного общественного отношения), то с его внутренней стороны это безответственное отношение к закрепленным ценностям, но это не означает полную потерю юридической ответственности, которая, по сути, была бы тождественна разрыву всех правоотношений и социальных связей. Субъект обретает юридическую ответственность с момента достижения возраста правосубъектности, а ее прекращение может быть обусловлено только его смертью либо утратой по различным основаниям деликтоспособности.

Правореализационные характеристики юридической безответственности тесно взаимодействуют с институциональными признаками, но обладают своими особенностями, которые и позволяют выделить их в отдельную группу. Известно, что формами реализации права выступают соблюдение, исполнение, использование и применение. Если рассматривать первые три формы реализации права, то нарушение запретов, неисполнение обязанностей и злоупотребление правом с их внутренней стороны — это проявление безответственного психического отношения субъекта к правовым предписаниям, а с внешней — конфликт с существующей системой ценностей. Как

уже указывалось, за нарушение запретов, злоупотребление правом или неисполнение обязанностей может наступать юридическая ответственность. Однако ее реальное воздействие возможно только в случае эффективного правоприменения. Правоприменительный процесс, в рамках которого реализуется юридическая ответственность, носит сложный характер и включает в себя множество стадий. Он направлен на выявление правонарушителя, получение доказательств, вынесение справедливого решения по делу и так далее. Отсутствие эффективного функционирования правоприменительного процесса может приводить к фактической юридической безответственности правонарушителя. В связи с этим необходимо различать формальную юридическую ответственность и фактическую юридическую безответственность.

Причины, по которым субъект не привлекается к юридической ответственности, разнообразны. Так, юридическая безответственность правонарушителя может быть обусловлена и преступлениями со стороны управомоченного субъекта, варьирующимися от халатности до получения взятки и иных злоупотреблений. Таким образом, юридическая безответственность одного субъекта порождает безответственность другого. Юридическая безответственность может быть обусловлена и преступным «профессионализмом», который сильно затрудняет выявление правонарушения или изобличение виновного лица. С другой стороны, недостаточный уровень профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов может привести к фактическому уходу субъекта от юридической ответственности. Следствием коррупционных действий должностных лиц выступает как фактический уход от ответственности виновного, так и назначение ему наказания, которое не соответствует общественной опасности правонарушения и личности правонарушителя.

На основании изложенного можно дать следующее определение понятия юридической безответственности. Юридическая безответственность на институциональном уровне — это состояние отсутствия либо декларативности норм юридической ответственности или иное несовершенство законодательства, исключаящее возмож-

ность привлечения к юридической ответственности и ее реализацию, а на уровне реализации норм права — состояние общественных отношений, характеризующееся совершением правонарушений, уходом от ответственности правонарушителя, назначением юридического наказания, которое не соответствует характеру и степени общественной опасности правонарушения и личности виновного. Рассматривая понятие юридической безответственности, необходимо отграничивать его от таких явлений, как правонарушение, правовой нигилизм, правовая аномия. Кроме того, следует учитывать, что в любом определении, в том числе и в определении понятия юридической безответственности, невозможно отразить все признаки и характеристики, иначе оно получится чрезмерно громоздким и трудным для восприятия.

Определив понятие и признаки юридической безответственности, необходимо указать сам алгоритм и методологию исследования парных юридических категорий. Прежде всего следует провести анализ правовых явлений, обосновав их самостоятельность. Далее необходимо провести сравнение противоположностей, определив их общие и отличительные признаки. Методология исследования парных юридических категорий предполагает также определение единства явлений. Следующий этап в исследовании логически вытекает из предыдущих и основывается на определении воздействия одной противоположности на другую, их взаимном влиянии с использованием философского закона отрицания отрицания [18, с. 86]. Следует «представить раскрытое взаимодействие как источник самодвижения, функционирования и развития, чем будет установлена внутренняя связь данной пары, взаимосвязь между указанными явлениями, их элементами (видами)» [18, с. 86]. Завершающий исследование парных категорий этап заключается в выявлении количественных и качественных неравноценностей [18, с. 86].

В.В. Нырковым в принципе верно указаны основные этапы исследования парных юридических категорий, но одновременно необходимо признать условность ряда стадий и отсутствие строгой последовательности. Так, определяя един-

ство, можно рассматривать и различия с противоположностями. Или анализировать тот или иной признак юридической ответственности можно сразу в сравнении с признаками юридической безответственности. Кроме того, исследование парных юридических категорий характеризуется выявлением взаимных переходов из одного состояния в другое, а также существованием пограничных форм. Сложность исследования парных юридических категорий обусловлена еще и тем, что такие понятия, как «единство», «взаимодействие», «противоречия», не столько юридические, сколько философские, а в философской литературе указывается на их тесную взаимосвязь. Например, когда единство выступает в качестве элемента взаимодействия. Следует указать и позицию А.В. Малько, отмечающего такой признак парности юридических категорий, как двоичность информации, выражающуюся в существовании противоположностей в виде: «+» и «-» или «0» и «1» [19, с. 88], то есть «разрешено» или «запрещено»; «наказуемо» либо «поощряемо». Двоичность информации вполне применима и к такой юридической паре, как ответственность и безответственность, причем в различных их проявлениях. В частности, правомерное поведение разрешено, а правонарушение запрещено; позитивная юридическая ответственность поощряема, а правонарушение наказуемо; юридическая ответственность разрешена, тогда как безответственность носит запрещенный характер.

В определенной степени часть исследования уже выполнена, когда определены признаки юридической ответственности и характеристики юридической безответственности на основе анализа каждой из категорий, самостоятельность которых не вызывает сомнения.

Нормативность является общим признаком как юридической ответственности, так и юридической безответственности. Она как интегрирующий признак не рассматривается нами по линейной схеме. В классическом виде одно из проявлений безответственности заключается в отсутствии правовых норм, предусматривающих юридическую ответственность, при наличии деяний, которые должны быть запрещены и, соответственно, являться

наказуемыми. Однако, если рассмотреть нормативность в широком смысле, определяя ее как закон общественного развития, то он указывает на саму необходимость наличия норм юридической ответственности. В этом смысле и отсутствие юридической ответственности носит нормативный характер и может выражаться также не в юридической, а в общесоциальной нормативности. Кроме того, отсутствие юридической ответственности на институциональном уровне — это только одно из проявлений юридической безответственности. Напомним, что ее проявлениями выступают: декларирование юридической ответственности; усложненность процедуры привлечения к ответственности (фактически исключающая привлечение к ней); низкий размер или предел наказания. Все указанные явления правовой действительности нормативны, так как предусмотрены в системе юридических норм, а также в различных законоположениях. По указанным выше основаниям формальная определенность является признаком как юридической ответственности, так и безответственности.

Причем в признаках формальной определенности, четкости и детализированности проявляется не только общность двух указанных пар, но и состояние перехода от одного явления к другому. Так, с одной стороны, применительно к такой характеристике юридической безответственности, как отсутствие правовых норм, ее предусматривающих, формальная определенность, четкость и детализированность будут отсутствовать ввиду того, что нет правовой нормы, но необходимость в ее наличии существует. В таком аспекте указанные признаки выступают прямой противоположностью характеристик юридической ответственности.

С другой стороны, учитывая, что проявления юридической безответственности могут существовать и при наличии формальной определенности с четкостью и детализированностью, а в ряде случаев и излишней, данные признаки на институциональном уровне характеризуют единство и борьбу противоположностей двух взаимоисключающих явлений. Одновременно они показывают и переходы от одного состояния к другому, которые условно мож-

но выразить по следующей схеме: отсутствие предусматривающих юридическую ответственность норм — наличие указанных норм (с присущими им признаками формальной определенности, четкости и детализированности) — наличие крайнего формализма, излишней регламентации, в том числе и чрезмерно усложняющей сам процесс привлечения к юридической ответственности. Таким образом, приходим к выводу, что одинаковые по внешней форме выражения признаки могут характеризовать как общность юридической ответственности и юридической безответственности, так и их противоположности с взаимными переходами. В этом находят свое проявление такие законы диалектики, как единство и борьба противоположностей, а также отрицания отрицания.

Взаимные переходы от одного состояния к другому разнообразны. Можно определить и несколько иные схемы, которые в конечном итоге приводят к безответственности, порождаемой самим государством. Например, наличие норм, предусматривающих юридическую ответственность, — многочисленные изменения посредством законодательной деятельности — очередные изменения, которые не обусловлены потребностями общественных отношений в их упорядочении. Такое частое «совершенствование» правовых норм ведет к потере их восприятия соответствующими адресатами, а также их истинного целевого предназначения. Следствием бессистемного и не обусловленного потребностями социального развития изменения правовых норм выступает их рассогласованность, утрата связей координации и субординации. В конечном итоге такая работа «законодательного принтера» может приводить к тому, что субъектам правоотношений сложно, а иногда практически невозможно будет определить цели правовых норм, механизм их действия, те ценности, которые в них заложены, а также само правило поведения. Могут возникать ситуации, когда, соблюдая одну норму, субъект нарушает другую. В особенности это характерно для подзаконного нормотворчества, которое часто искажает смысл закона. Избыточность правового регламентирования и бесконечная смена правил взаимодействия субъек-

тов порождают коллизионные ситуации, следствием которых может выступать и юридическая безответственность.

Ранее уже указывалось, что юридическая ответственность характеризуется такими признаками, как убеждение, принуждение и поощрение. Если продолжать рассматривать институциональный уровень юридической ответственности и безответственности, то в крайней форме юридической безответственности (отсутствии ответственности на институциональном уровне) нет убеждения, принуждения и (или) поощрения. Может существовать только сама потребность в их наличии. В иных характеристиках юридической безответственности в том или ином виде могут присутствовать все три вида государственно-правового воздействия. Причем в тех же крайних диапазонах, от наличия обычного декларирования до избыточности, которая сдерживает инициативу и созидательную правовую активность. В случаях преобладания одного государственного принуждения, исключающего возможность сочетания с поощрением при регламентации общественных отношений, которые не требуют жесткой регламентации, необходимо ставить вопрос о юридической безответственности и непродуманности решений со стороны самого законодателя.

Еще в 1994 году Н.И. Матузов писал о войне законов как об одной из форм правового нигилизма. Им отмечалось «издание противоречивых, параллельных или даже взаимоисключающих актов, которые как бы нейтрализуют друг друга, растрачивая понапрасну свою силу. Нередко подзаконные акты становятся надзаконными» [20, с. 42]. С момента выхода статьи Н.И. Матузова прошло уже 25 лет, но правовые реалии не изменились. В самих нормативных правовых актах закладывается будущая безответственность субъектов общественных отношений. И, как это ни парадоксально, она — нормативная, общеобязательная и обеспечена государственным принуждением, так как опосредована властью и исходит от государства. Юридическая ответственность и безответственность — два диалектически связанных между собой явления, характеризующихся взаимными переходами и отрицанием одного явления другим.

В связи со сказанным выше может возникнуть вопрос о тождественности правового нигилизма и юридической безответственности. Полагаем, что данные явления взаимосвязаны, но не равнозначны. В противном случае отпала бы сама необходимость в понятии «юридическая безответственность». Как отмечается в литературе, «правовой нигилизм — это разновидность социального нигилизма как родового понятия. Сущность его — в общем негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку, а с точки зрения корней, причин — в юридическом невежестве, косности, отсталости, правовой невоспитанности основной массы населения» [20, с. 43]. «Характерным признаком нигилизма является не объект отрицания, который может быть лишь определителем конкретного вида, а степень, интенсивность, категоричность этого отрицания — с преобладанием субъективного, точнее индивидуального начала» [20, с. 43].

Правовой нигилизм и юридическая безответственность — явления взаимосвязанные, но не тождественные ввиду многообразия их проявлений. Так, если рассматривается юридическая безответственность на институциональном уровне в виде отсутствия состояния урегулированности общественных отношений, то отсутствует как таковой сам объект отрицания, то есть конкретное правило поведения, закрепленное в правовой норме. Нельзя утверждать о правовом нигилизме и на институциональном уровне в виде декларирования юридической ответственности, усложненности процедур привлечения к ответственности, наличия пробелов и коллизий, которые позволяют законными и полузаконными способами уходить от юридической ответственности. В будущем такое состояние нормативно-правовой базы может приводить к нигилистическим проявлениям — различным правонарушениям, наличию атмосферы безнаказанности. В таком аспекте юридическая безответственность — это одно из условий или причин правового нигилизма. Крайне сложно формирование позитивного отношения к праву у обычного субъекта, когда отсутствует ясность, как его соблюдать, исполнять и использовать.

Избыточность нормативного регулирования, декларированность, нормативная «загроможденность», финансовая необеспеченность законов (в тех случаях, когда для их реализации необходимы финансовые ресурсы) близки по своим характеристикам к правовому идеализму, оборотной стороне правового нигилизма. Если при правовом нигилизме «...законы откровенно не уважаются, игнорируются, нарушаются; во втором, напротив, им придается значение некой чудодейственной силы, способной одним махом разрешить все наболевшие проблемы» [20, с. 46]. Это еще одна причина, по которой между юридической безответственностью и правовым нигилизмом нельзя поставить знак равенства. В особенности опасен правовой идеализм на уровне подзаконных актов, а бесконечное желание «улучшить», «регламентировать», «детализировать» не только не учитывает реальных общественных отношений, но и порождает в конечном итоге для обычных граждан непреодолимые преграды и препоны в реализации прав, что провоцирует их на поиск иных, нередко незаконных способов достижения собственных целей. Иными словами, правовой идеализм негативен, как и правовой нигилизм, приводя в результате к безответственности субъектов общественных отношений. Здесь приходится возвратиться к тезису о том, что безответственность одних субъектов порождает безответственность других. Принятие нормативных актов, которые не обусловлены общественными отношениями, — это явление безответственности за принятие решений со стороны законодателя.

Ранее в различных работах неоднократно отмечалось, что как позитивная, так и негативная юридическая ответственность характеризуются статическим и динамическим состоянием. В статическом состоянии позитивная ответственность предстает в виде обязанности по выполнению требований, изложенных в предписаниях правовых норм либо в предоставленном правомочии, реализуя которые субъект должен не злоупотреблять ими. В динамическом состоянии она выражается в правомерном поведении, а факультативно — и в применении мер поощрения [1, с. 47]. Негативная юридическая ответственность в

своем статическом состоянии заключается в обязанности правонарушителя подвергнуться осуждению и претерпеть правоограничения, которые предусмотрены в санкции правовой нормы, а также состояние наказанности. В динамической стадии она, соответственно, выражается в реализации обязанности [1, с. 48].

Сравним характеристики юридической безответственности и позитивной юридической ответственности. В случае самой крайней формы юридической безответственности юридическая обязанность действовать правомерно отсутствует как таковая. Возможно только существование обязанности, предусмотренной другими социальными нормами, что может являться своеобразным «сигналом» к действию законодателю по «переводу» обязанности в разряд юридических, то есть ее формализации.

На первый взгляд, может сложиться впечатление, что неисполнение обязанности, нарушение запретов и злоупотребление правами есть проявление безответственности, но, как уже отмечалось ранее, сложно утверждать о безответственности с внешней стороны, если за данные деяния предусмотрена юридическая ответственность. Только в плоскости позитивной ответственности совершение правонарушения означает разрыв социальной связи и возникновение конфликтного общественного отношения. Акт правонарушения является юридически безответственным по отношению к позитивной юридической ответственности. И здесь существуют совершенно противоположные признаки, характеризующие позитивную юридическую ответственность и юридическую безответственность, а именно: исполнение обязанностей (позитивная юридическая ответственность) — нарушение обязанностей (юридическая безответственность); соблюдение запретов (позитивная ответственность) — нарушение запретов (юридическая безответственность); реализация права — злоупотребление правом.

В правосознании субъекта в случае совершения правонарушения происходит трансформация субъективных признаков, свойственных позитивной юридической ответственности, в признаки правонарушения. Как отмечалось, «субъективное

содержание позитивной юридической ответственности и правоотношений, в которых она реализуется, характеризуется следующими признаками: во-первых, отсутствием вины (отрицательный признак) и наличием позитивного психического отношения; во-вторых, мотивами, целью, эмоциональным состоянием субъекта. Раздельное выделение указанных признаков носит достаточно условный характер, так как позитивное психическое отношение — это интегративный элемент, который включает в себя указанные составляющие» [1, с. 237]. С внутренней стороны признаки позитивной юридической ответственности противостоят в качестве противоположностей признакам, характеризующим юридическую безответственность, а именно: позитивное психическое отношение — вина субъекта, то есть негативное отношение к социальным ценностям; социально одобряемые мотивы и цели — мотивы и цели негативного, эгоистического или иного характера. При этом данные схемы носят весьма условный характер и возможно существование пограничных форм, что только подчеркивает взаимные переходы от одного состояния к другому и свидетельствует о парности рассматриваемых юридических категорий. Так, в соответствии с различными разновидностями правомерного поведения нами ранее выделялись социально активная, привычная, конформистская форма позитивного психического отношения, а также маргинальная форма, которая выступает как пограничная с виной и негативным психическим отношением [1, с. 240]. Аналогичное можно отметить и о мотивах субъекта, так как и в правомерном поведении он может руководствоваться эгоистическими мотивами, что характерно, как правило, для маргинального правомерного поведения субъекта.

Юридическая безответственность многообразна, ее признаки противопоставляются не только позитивной ответственности, но и негативной. Так, общепризнано, что правонарушение — это юридический факт, который порождает правоотношение юридической ответственности. Одним из центральных элементов данного правоотношения является обязанность правонарушителя претерпеть правоограничения, указанные в санкции нормы

права. Указанная обязанность возникает в момент совершения правонарушения, а у компетентных органов, соответственно, появляется право и обязанность привлечь субъекта к юридической ответственности [1, с. 440]. Различные обстоятельства могут приводить к тому, что обязанность не переводится из плоскости необходимости в реальную действительность. В идеальном варианте должна происходить реализация обязанности, что зависит от деятельности правоохранительных органов. В случае безответственности субъекта на уровне применения признаки противопоставляются следующим образом: реализация обязанности в полном объеме — отсутствие реализации обязанности правонарушителя. Можно продолжить противопоставлять признаки юридической ответственности и юридической безответственности на уровне их реализации: осуждение правонарушителя — отсутствие осуждения; наличие акта реализации юридической ответственности — отсутствие такового; динамика правоотношений ответственности — нахождение правоотношения в статическом состоянии как модели; изменение правового статуса — фактическое нахождение в прежнем статусе.

Как уже отмечалось, фактической безответственностью субъектов является реализация юридической ответственности в виде правоограничений, которые не соответствуют характеру и степени общественной опасности совершенного правонарушения. Таким образом, в данном аспекте могут противопоставляться следующие признаки: претерпевание правоограничений — правоограничения, которые не несут существенной кары для правонарушителя. Естественно, эффективным образом не реализуются и функции юридической ответственности, а также не достигаются ее цели. В связи с этим возможны следующие противоположные признаки: реализация функций — проявление дисфункций; достижение целей — отсутствие достижения целей. В случае несения субъектом юридической ответственности не в полном объеме ярко проявляются также признаки, характеризующие количественную и качественную неравноценность, поскольку качественная характеристика меры юридической ответственности и их

количественная составляющая могут не соответствовать той объективной необходимости, которая требуется для достижения целей юридической ответственности. Кроме того, если обратиться к понятию «неравноценность», то в своей крайней отрицающей точке оно будет означать и отсутствие ценности для общества. Юридическая безответственность — это прямая противоположность, так как не обладает ценностью для общества, а, напротив, наносит вред существующей системе общественных отношений.

Выводы:

1. Юридическая безответственность на институциональном уровне — это состояние отсутствия либо декларативности норм юридической ответственности или иное несовершенство законодательства, исключающее возможность привлечения к юридической ответственности и ее реализацию, а на уровне реализации норм права — состояние общественных отношений, характеризующееся совершением правонарушений, уходом правонарушителя от ответственности, назначением юридического наказания, которое не соответствует характеру и степени общественной опасности правонарушения и личности виновного. Юридическая безответственность связана с такими явлениями, как правонарушение, правовой нигилизм, правовой идеализм, правовая аномия, но не тождественна им. Отсутствие эффективного функционирования правоприменительного процесса может приводить к фактической юридической безответственности правонарушителя. В связи с этим необходимо различать формальную юридическую ответственность и фактическую юридическую безответственность.

2. Признаки юридической безответственности целесообразно разделить на несколько групп: институциональные; правореализационные; находящиеся в сфере индивидуального и коллективного правосознания; обусловленные правонарушением или злоупотреблением правом. К институциональным признакам юридической безответственности необходимо отнести: отсутствие норм, предусматривающих юридическую ответственность, при существовании деяний, которые представляют общественную опасность; правовое

декларирование юридической ответственности; избыточность нормативности, представляющую собой зарегламентированность юридического процесса, фактически исключающую реальное привлечение к юридической ответственности; явное несоответствие санкций характеру и степени общественной опасности правонарушения; закрепление в правовых нормах легальных возможностей избежать юридической ответственности; формализация в правовых нормах ценностей, чуждых нашему обществу, которые заранее обречены на их массовое неприятие.

3. Взаимосвязь правонарушения и юридической безответственности носит сложный и неоднозначный характер. Институциональный уровень соотношения правонарушения и безответственности не подчеркивает их тождество, скорее, наоборот, правонарушение как формальная конструкция, закрепленная в законе, предусматривает наказание, которое, в свою очередь, является составной частью юридической ответственности. Правонарушение и юридическая безответственность различны по своим характеристикам, недопустимо категорически утверждать о тождественности правонарушения и юридической безответственности. Правонарушение разрывает (нарушает) нормальную неконфликтную социальную связь, в которой реализовывалась позитивная юридическая ответственность. На уровне правонарушения о юридической безответственности можно утверждать только применительно к конкретному противоправному акту.

4. Если определять правонарушение как юридический факт, то с его внутренней стороны — это безответственное отношение к закрепленным ценностям, но не полная утрата юридической ответственности, которая, по сути, означала бы разрыв всех правоотношений, всех социальных связей. Субъект обретает юридическую ответственность с момента достижения возраста правосубъектности, а ее прекращение может быть обусловлено только его смертью либо утратой по различным основаниям деликтоспособности.

5. Нормативность является общим признаком как юридической ответственности, так и юридической безответствен-

ности, но ее недопустимо рассматривать в линейной схеме. Одно из проявлений безответственности заключается в отсутствии правовых норм, предусматривающих юридическую ответственность, но при определении нормативности с широких позиций — это закон общественного развития, который указывает на саму необходимость наличия норм юридической ответственности. В этом смысле и отсутствие юридической ответственности носит нормативный характер. Формальная определенность является признаком как юридической ответственности, так и безответственности.

6. В признаках формальной определенности, четкости и детализированности проявляется не только общность двух указанных пар, но и состояние перехода от одного явления к другому. Одинаковые по внешней форме выражения признаки (но не по содержанию) могут характеризовать как общность юридической ответственности и юридической безответственности, так и их противоположности с взаимными переходами. В этом находят свое проявление такие законы диалектики, как единство и борьба противоположностей, а также отрицания отрицания.

7. В крайней форме юридической безответственности (отсутствии ответственности на институциональном уровне) нет убеждения, принуждения и (или) поощрения. Может существовать только сама потребность в их наличии. В иных характеристиках юридической безответственности в том или ином виде могут присутствовать все три вида государственно-правового воздействия, причем в тех же крайних диапазонах — от наличия обычного декларирования до избыточности. В самих нормативных правовых актах может закладываться будущая безответственность субъектов общественных отношений. И, как это ни парадоксально, она — нормативная, общеобязательная и обеспеченная государственным принуждением, так как опосредована властью и исходит от госу-

дарства. Юридическая ответственность и безответственность — два диалектически связанных между собой явления, характеризующиеся взаимными переходами и отрицанием одного явления другим.

8. Юридически безответственным актом правонарушения является по отношению к позитивной юридической ответственности. И здесь существуют совершенно противоположные признаки, характеризующие позитивную юридическую ответственность и юридическую безответственность, а именно: исполнение обязанностей (позитивная юридическая ответственность) — нарушение обязанностей (юридическая безответственность); соблюдение запретов (позитивная ответственность) — нарушение запретов (юридическая безответственность); реализация права — злоупотребление правом. С внутренней стороны признакам позитивной юридической ответственности противостоят признаки, характеризующие юридическую безответственность, а именно: позитивное психическое отношение — вина субъекта, то есть негативное отношение к внутренним ценностям; социально одобряемые мотивы и цели — мотивы и цели негативного, эгоистического или иного характера.

9. Противопоставление признаков юридической ответственности и юридической безответственности на уровне ее реализации: осуждение правонарушителя — отсутствие осуждения; наличие акта реализации юридической ответственности — отсутствие такового; динамика правоотношений ответственности — нахождение правоотношения в статическом состоянии как модели; изменение правового статуса — фактическое нахождение в прежнем статусе; претерпевание правоограничений — правоограничения, которые не несут существенной кары для правонарушителя; реализация функций — проявление дисфункций; достижение целей — отсутствие достижения целей или достижение не в полной мере.

Список литературы

1. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. 910 с.
2. Бондарев А.С. Юридическая ответственность и безответственность — стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. 187 с.

3. Хачатуров Р.Л. О правонарушаемости, юридической ответственности и безответственности // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2008. N 2. С. 88-89.
4. Маркин А.В. Позитивная безответственность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. N 1. С. 50-52.
5. Маркин А.В. Фатальная природа безответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2011. N 1 (4). С. 80-83.
6. Бринчук М.М. Безответственность в современном экологическом праве // Государство и право. 2010. N 11. С. 56-66.
7. Борков В.Н. Право на безответственность // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. N 1 (26). С. 220-221.
8. Рябова В.Е. Безответственность или незнание, правовой нигилизм или менталитет // Охрана и экономика труда. 2013. N 4. С. 53-56.
9. Поляков С.Б. Антисаконодательство как результат безответственности судебной власти // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2017. N 3. С. 34-37.
10. Виттенберг Е.Я. От социальной безответственности к социальной ответственности // Россия и современный мир. 2009. N 1. С. 85-104.
11. Воронин А.А. Ответственность человека и безответственность техники // Философия и культура. 2011. N 1. С. 92-100.
12. Маркин А.В. Логика юридической ответственности. М.: Nota Bene, 2010. 218 с.
13. Феофанов К.А. Социальная аномия: обзор подходов американской социологии // СОЦИС. 1992. N 5. С. 30-41.
14. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. 264 с.
15. Геращенко Д.И. Правовая аномия в российском обществе: структурно-деятельностное измерение: дис. ... канд. социолог. наук. Ростов н/Д., 2011. 148 с.
16. Толстик В.А. Правовой тоталитаризм: стратегия правотворчества или движение по инерции // Юридическая техника. 2015. N 9. С. 760-763.
17. Бороздина М.С. Институты юридической аномии и правового нигилизма в либерально-демократической модернизации российской государственности // Философия права. 2009. N 3. С. 121-124.
18. Нырков В.В. Поощрение и наказание как парные юридические категории. Саратов: СГАП, 2006. 144 с.
19. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М.: Юристъ, 2004. 250 с.
20. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны одной медали // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1994. N 2. С. 40-49.

References

1. Hachaturov R.L., Lipinskiy D.A. Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti [General theory of legal liability]. St. Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 2007. 910 p.
2. Bondarev A.S. Yuridicheskaya otvetstvennost' i bezotvetstvennost' – storony pravovoy kul'tury i antikul'tury sub'ektov prava [Legal responsibility and irresponsibility are the sides of legal culture and anti-culture of legal entities]. St. Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 2008. 187 p.
3. Hachaturov R.L. O pravonarushaemosti, yuridicheskoy otvetstvennosti i bezotvetstvennosti [On offense, legal liability and irresponsibility]. Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Noveye humanitarnye issledovaniya – Bulletin of Orel State University. Series: New Humanitarian Research, 2008, no. 2, pp. 88-89.
4. Markin A.V. Pozitivnaya bezotvetstvennost' [Positive Irresponsibility]. Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki – Vector Science of Togliatti State University. Series: Jurisprudence, 2010, no. 1, pp. 50-52.
5. Markin A.V. Fatal'naya priroda bezotvetstvennosti [The fatal nature of irresponsibility]. Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki – Vector science of Togliatti State University. Series: Jurisprudence, 2011, no. 1 (4), pp. 80-83.
6. Brinchuk M.M. Bezotvetstvennost' v sovremennom ekologicheskom prave [Irresponsibility in modern environmental law]. Gosudarstvo i pravo – State and law, 2010, no. 11, pp. 56-66.
7. Borkov V.N. Pravo na bezotvetstvennost' [The right to irresponsibility]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo – Bulletin of Omsk University. Series: Right, 2011, no. 1 (26), pp. 220-221.
8. Ryabova V.E. Bezotvetstvennost' ili neznanie, pravovoy nigilizm ili mentalitet [Irresponsibility or ignorance, legal nihilism or mentality]. Ohrana i ekonomika truda – Protection and labor economics, 2013, no. 4, pp. 53-56.
9. Polyakov S.B. Antizakonodatel'stvo kak rezul'tat bezotvetstvennosti sudebnoy vlasti [Anti-law as a result of the irresponsibility of the judiciary]. Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki – Vector science of Togliatti State University. Series: Jurisprudence, 2017, no. 3, pp. 34-37.
10. Vittenberg E.Ya. Ot sotsial'noy bezotvetstvennosti k sotsial'noy otvetstvennosti [From social irresponsibility to social responsibility]. Rossiya i sovremenniy mir – Russia and the modern world, 2009, no. 1, pp. 85-104.

11. Voronin A.A. Otvetstvennost' cheloveka i bezotvetstvennost' tehniki [Responsibility of a person and irresponsibility of technology]. *Filosofiya i kul'tura – Philosophy and Culture*, 2011, no. 1, pp. 92-100.
12. Markin A.V. Logika yuridicheskoy otvetstvennosti [The logic of legal liability]. Moscow, Nota Bene Publ., 2010. 218 p.
13. Feofanov K.A. Sotsial'naya anomiya: obzor podhodov amerikanskoy sotsiologii [Social anomie: a review of the approaches of American sociology]. *SOTSIS*, 1992, no. 5, pp. 30-41.
14. Kara-Murza S.G. Anomiya v Rossii: prichiny i proyavleniya [Anomie in Russia: causes and manifestations]. Moscow, Nauchniy ekspert Publ., 2013. 264 p.
15. Gerashchenko D.I. Pravovaya anomiya v rossiyskom obshchestve: strukturno-deyatel'nostnoe izmerenie. Kand. Diss. [Legal anomie in Russian society: structural and activity dimension. Cand. Diss.]. Rostov-on-Don, 2011. 148 p.
16. Tolstik V.A. Pravovoy totalitarizm: strategiya pravotvorchestva ili dvizhenie po inertsii [Legal totalitarianism: the strategy of law-making or the inertial movement]. *Yuridicheskaya tehnika – Legal Engineering*, 2015, no. 9, pp. 760-763.
17. Borozdina M.S. Instituty yuridicheskoy anomii i pravovogo nigilizma v liberal'no-demokraticeskoy modernizatsii rossiyskoy gosudarstvennosti [Institutions of legal anomie and legal nihilism in the liberal-democratic modernization of Russian statehood]. *Filosofiya prava – Philosophy of Law*, 2009, no. 3, pp. 121-124.
18. Nyrkov V.V. Pooshchrenie i nakazanie kak parnye yuridicheskie kategorii [Encouragement and punishment as paired legal categories]. Saratov, 2006. 144 p.
19. Mal'ko A.V. Stimuly i ogranicheniya v prave [Incentives and restrictions in law]. Moscow, Yurist Publ., 2004. 250 p.
20. Matuzov N.I. Pravovoy nigilizm i pravovoy idealizm kak dve storony odnoy medali [Legal nihilism and legal idealism as two sides of the same coin]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedeniy. Pravovedenie – News of higher educational institutions. Jurisprudence*, 1994, no. 2, pp. 40-49.

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

БЕЗРУКОВ А.В., BEZRUKOV A.V.,
доктор юридических наук, доцент, Doctor of Legal Sciences,
abezrukov@bk.ru, associate professor,
abezrukov@bk.ru
Кафедра государственно-правовых дисциплин; Chair of state and legal disciplines;
Сибирский юридический институт Siberian Law Institute of the Ministry
Министерства внутренних дел of the Interior of the Russian Federation,
Российской Федерации, Rokossovskogo St. 20,
660131, г. Красноярск, Krasnoyarsk, 660131,
ул. Рокоссовского, 20 Russian Federation

САВОСЬКИН А.В., SAVOSKIN A.V.,
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,
savoskinav@yandex.ru, associate professor,
savoskinav@yandex.ru
Кафедра конституционного права; Chair of constitutional law;
Уральский государственный Ural State Law University,
юридический университет, Komsomolskaya St. 21,
620137, г. Екатеринбург, Yekaterinburg, 620137,
ул. Комсомольская, 21 Russian Federation

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ОБРАЩЕНИЕ

Аннотация. Конституционное право граждан на обращение является одним из основных субъективных прав в Российской Федерации, при этом его реализация существенно различается в зависимости от вида обращения и специфики адресата. В силу особенностей задач, стоящих перед органами внутренних дел Российской Федерации, механизм реализации конституционного права на обращение объективно отличается от универсального. Авторами статьи на основе анализа доктринальных, нормативных источников и практики реализации обращений выявляются особенности правового регулирования и работы с обращениями граждан, а также пределы действия конституционного права на обращение в органах внутренних дел, в том числе субъектный состав обязанной стороны, не характерные для большинства органов публичной власти способы подачи обращений, специфика процедуры рассмотрения обращений граждан и другие. По результатам анализа делается вывод о наличии специальных инструментов, обеспечивающих особый демократизм работы с обращениями граждан в органах внутренних дел, предусматривающих преднамеренное увеличение количества способов подачи обращений граждан и их упрощение, а также установление дополнительных гарантий, направленных на повышение качества рассмотрения обращений граждан.

Ключевые слова: конституционное право на обращение; органы внутренних дел; субъективное право; рассмотрение обращений граждан; заявитель; механизм реализации права.

PECULIARITIES OF THE IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT OF CITIZENS TO APPEAL IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The constitutional right of citizens to appeal is one of the main subjective rights in the Russian Federation, while its implementation differs significantly depending on the type of appeal and the specifics of the addressee. Due to the peculiarities of the tasks facing the internal affairs bodies of the Russian Federation, the mechanism of the implementation of the constitutional right to appeal objectively differs from the universal one. Basing on the analysis of the doctrines, legislation and the practice of implementation of appeals, the authors of the article reveal the peculiarities of the legal regulation and work with citizens' appeals, as well as the limits of the constitutional right to appeal to the internal affairs bodies, including the subjects of the obligated party, the methods of filing appeals

that are not typical for most public authorities, the specifics of the procedure of consideration of citizens' appeals, etc. According to the results of the analysis, it is concluded that there are special tools that ensure special democracy of working with citizens' appeals in the internal affairs bodies, which provide for a deliberate increase in the number of ways of appealing and their simplification, as well as the additional guarantees aimed at improving the quality of consideration of citizens' appeals.

Keywords: constitutional right to appeal; internal affairs bodies; subjective right; consideration of citizens' appeals; applicant; mechanism of implementation of the right.

Органы внутренних дел являются адресатами миллионов самых разнообразных обращений граждан и организаций. При этом порядок реализации полицией нормативных положений ст. 33 Конституции Российской Федерации несколько отличается от универсальных правил, предусмотренных Федеральным законом от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»* (далее — Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ»). В связи с этим целью настоящей работы является исследование особенностей реализации конституционного права граждан на обращение в органы внутренних дел.

Конституционное право граждан на обращение рассматривается как субъективное право, то есть мера дозволенного поведения субъекта [1, с. 8-21], обеспеченная юридическими обязанностями других лиц, поэтому отражает меру возможного (допустимого) поведения лица в обществе [2, с. 175], в том числе по свободному волеизъявлению граждан в адрес органов внутренних дел.

Опираясь на общетеоретические основы определения субъективного права, заметим, что одну из наиболее развернутых дефиниций субъективного права сформулировал М.С. Строгович: «Субъективное право лиц означает выраженные в норме права и закрепленные в ней: а) возможность пользования определенным социальным благом; б) полномочие совершать определенные действия и требовать соответствующих действий от других лиц; в) свободу поведения, поступков в границах, установленных нормой права» [3, с. 15].

* О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ: ред. от 27 дек. 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 19. Ст. 2060; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Между тем С.С. Алексеев явление субъективного права раскрывает посредством смежных категорий: как юридическую возможность, предоставленную субъекту (когда правовые нормы не предписывают лицу определенного поведения и лицо вправе, но не обязано действовать); и как меру допустимого поведения, которая обеспечена силой государства посредством возложения обязанностей на иных участников правоотношений [4, с. 298].

Согласно позиции Н.И. Матузова субъективное право предполагает наличие четырех возможностей: а) право определенного поведения самого управомоченного; б) право требовать соответствующего поведения от иных субъектов правоотношения; в) право прибегать к государственному принуждению; г) право пользоваться определенными социальными благами [5, с. 115-124].

Все вышеперечисленные трактовки в полной мере могут быть использованы и для определения субъективного конституционного права на обращение, однако требуют конкретизации (особенно в части перечня правомочий заявителя и соответствующих ему обязанностей адресата). Так, следует отметить наличие нескольких подходов к перечню правомочий конституционного права граждан на обращение, от весьма узких (например, Б.В. Маслов выделяет только «право на предложение, право на заявление, право на жалобу, право на иной вид обращения») [6, с. 9] до чрезмерно широких (например, К.А. Черкесов, исследуя право на обращения в странах СНГ и Балтии, выделяет свыше десяти правомочий) [7, с. 9-10].

М.В. Скрябина называет следующие правомочия: а) правомочие критического анализа деятельности органов власти; б) правомочие рекомендовать что-либо органам власти и их должностным лицам; в) правомочие инициировать принятие, отмену или изменение нормативных правовых актов или правоприменительных решений

органов власти; г) правомочие просить содействовать в реализации своих прав, свобод и законных интересов; д) правомочие на защиту; е) правомочие сообщать о фактах нарушения закона [8, с. 8]. Вряд ли можно согласиться с таким подходом. Во-первых, он раскрывает не содержание субъективного права, а потенциальное содержание обращений, а во-вторых, не предполагает полного перечня правомочий заявителя.

В доктринальном комментарии к Конституции Российской Федерации под редакцией В.Д. Зорькина выделяются три правомочия: «правомочие личного обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, правомочие направлять в названные органы индивидуальные и коллективные обращения; правомочия требования рассмотрения обращения в разумный срок компетентным лицом аппарата публичной власти и получения на него мотивированного и обоснованного, по существу поставленных в обращении вопросов, ответа, содержащего указание на конкретные обстоятельства, положенные в его основу» [9, с. 235].

Принимая возможность существования таких правомочий, отметим неполноту и некоторую несистемность данного перечня, так как первые два правомочия отражают способы подачи обращений, а третье — фактически содержит три правомочия — на рассмотрение по существу, на рассмотрение в срок и на мотивированный ответ. При этом авторы комментария добавляют, что «право на обращение охватывает инициирование, процесс и результат петиционных отношений личности и государства, а “выпадение” из его нормативного содержания хотя бы одного из названных элементов (их непризнание или необеспечение) неизбежно приводит к неэффективности названного конституционного права в целом» [9, с. 238].

Вместе с тем вне зависимости от выделяемого объема правомочий любому субъективному праву корреспондирует юридическая обязанность, то есть мера должного поведения. Можно говорить, что она заключается в необходимом поведении [10]. Необходимость при этом понимается как долженствование, основанное на требованиях правовых норм [11, с. 310].

Более удачными, но также неполными, представляются правомочия, предложенные в доктринальном комментарии к Конституции Российской Федерации под редакцией Ю.И. Скуратова: «права свободно (лично) обращаться в органы публичной власти; права свободно направлять в органы публичной власти личные и коллективные петиции (обращения); права требовать от государственных органов, органов муниципальной публичной власти и должностных лиц исполнения соответствующей обязанности по рассмотрению обращений и принятию по ним мотивированных решений; права обращаться к вышестоящим должностным лицам или в суд в случае неисполнения органами публичной власти обязанности по рассмотрению обращений граждан либо в случае неудовлетворительного, по мнению гражданина, исполнения указанной обязанности; право на возмещение убытков и компенсацию морального вреда, причиненных незаконным действием (бездействием) государственного органа, органа местного самоуправления или должностного лица при рассмотрении обращения, по решению суда» [12, с. 106].

Несмотря на многообразие общетеоретических подходов к структуре субъективного права в целом и к конституционному праву гражданина на обращение в частности, применительно к предмету нашего изыскания целесообразно выделить только три блока правомочий: а) на подачу обращения (в том числе устного) в орган внутренних дел; б) его рассмотрение органом внутренних дел по существу; в) информирование заявителя о результатах рассмотрения обращения. В связи с этим нами осознанно исключены из предмета исследования иные формы волеизъявления граждан, в реализации которых принимают участие органы внутренних дел (например, публичные мероприятия, забастовки, общественная экспертиза актов МВД России и др.).

В современной научной литературе общетеоретические вопросы реализации конституционного права на обращение исследованы недостаточно.

Исследователей механизма реализации субъективных конституционных прав можно условно подразделить на две груп-

пы: первые утверждают, что реализация субъективного конституционного права возможна только посредством отраслевых правоотношений; вторые обосновывают существование самостоятельного конституционного правоотношения. Например, А.Н. Кожухарь, последователь первого подхода, отмечает отсутствие необходимости конструировать конституционное правоотношения, поэтому суд, например, возбуждает конкретное дело лишь при условии, что лицо, требующее рассмотрения дела, располагает субъективным процессуальным правом [13, с. 48]. Последователи иного подхода отстаивают тезис об особом характере субъективного конституционного права, выделяя специальное общерегулятивное многостороннее правоотношение, складывающееся между человеком, обществом и государством. В частности, Н.А. Грачев отмечает, что конституционное субъективное право «порождает связи между всеми субъектами права и образует почву для реализации в конкретных правоотношениях» [14, с. 101].

Компромиссных взглядов придерживается П.М. Филиппов, рассматривающий субъективные конституционные права как отношения общего характера. Однако он добавляет, что «в таком виде они существуют до своей реализации, которая влечет новые правоотношения, урегулированные отраслевыми нормами» [15, с. 16].

Представляется, что конституционное право на обращение может реализовываться в правоотношениях двух типов: общерегулятивном, порождающем права и обязанности для человека, общества и государства в целом, и непосредственном, опосредующем отношения между конкретным гражданином (заявителем) и адресатом его обращения. Вместе с тем, учитывая предмет настоящей работы, наиболее верным будет остановиться на втором подходе, а именно непосредственном отношении, возникающем между заявителем и органом внутренних дел в связи с подачей обращения. Субъектами такого правоотношения являются: заявитель (лично, коллегиально, от имени организации) и орган внутренних дел, а также его должностные лица. Объектом правоотношения выступает волеизъявление лица, то есть требование (просьба) заявителя о предоставлении ему субъективного бла-

га или его защите. Содержание непосредственного (конкретного) правоотношения образуют: право заявителя сформулировать в соответствии с законодательно установленной процессуальной формой требование и обязанность органа внутренних дел рассмотреть его по существу поставленных в обращении вопросов.

Заметим, что в отечественной юридической науке предпринималось лишь несколько попыток исследовать механизм реализации непосредственно конституционного права на обращение. Так, Ю.Н. Алистратов выделяет следующие четыре составляющие механизма реализации права человека на обращение: «основные принципы правового механизма реализации субъективного права на обращение; нормативно-правовое регулирование публичных форм реализации гражданами конституционного права на обращение; нормативно-правовое регулирование механизма реализации права граждан на обращение в административном порядке; правовые гарантии реализации субъективного права на обращение» [16, с. 38]. Особо следует отметить вклад в разрешение этой проблемы С.А. Широбокова, который дифференцировал механизм реализации конституционного права на обращение на «механизм индивидуального права на обращение, механизм реализации коллективного права на обращение, механизм реализации позитивного права на обращение и механизм реализации права на обращение органами местного самоуправления» [17, с. 56].

Принимая во внимание назначение конституционно-правового механизма и основываясь на Конституции Российской Федерации и связанных с ней положениях Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» и иных нормативных правовых актов, выделим следующие его составные части: объект (отношения по поводу подачи и рассмотрения обращений граждан), субъекты (заявители и адресаты во всем их многообразии), содержание (деятельность субъектов по поводу подачи и рассмотрения обращений граждан). При этом под моделируемой конструкцией конституционно-правового механизма реализации конституционного права граждан на обращение следует понимать целостную систему взаимосвязан-

ных элементов, взаимодействующих друг с другом для достижения указанной основной цели — создания условий эффективного и полного удовлетворения субъективных прав и законных интересов человека посредством подачи обращений. С учетом сформированных фундаментальных методологических подходов к конструкции конституционно-правового механизма обеспечения правопорядка [18, с. 93-102; 19, с. 5-9] можно представить ее по аналогии в виде трех блоков: нормативно-ценностного (конституционно-правовое регулирование, реально обеспечивающее приоритет конституционных ценностей во взаимодействии личности и государства), институционального (непосредственно заявители и адресаты) и инструментально-процедурного (права и обязанности как заявителя, так и адресата, а также процедуры подачи и рассмотрения обращений граждан).

Здесь важно отметить, что конкретное наполнение механизма реализации конституционного права на обращение может существенно отличаться в зависимости от вида обращения и особенностей адресата, что особенно актуально для органов внутренних дел (в силу специфики решаемых ими задач и их характеристики в качестве правоохранительных). Полиция является основным субъектом системы обеспечения конституционных прав человека и гражданина.

Положения Конституции Российской Федерации ориентируют полицию на реализацию важнейших конституционных принципов, которые развиваются в действующем законодательстве. В статье 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» (далее — Федеральный закон «О полиции») установлено, что полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействия преступности, обеспечения общественной безопасности и правопорядка, охраны собственности, а в ст. 12 (обязанности полиции) указано, что полиция обязана принимать, регистрировать рассматривать в установленном порядке заявления и сообщения о преступлениях, об административных правонарушениях и о происшествиях*.

* О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ: ред. от 1 апр. 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Кроме того, органы внутренних дел, являясь правоохранительными органами, должны не только защищать права и свободы граждан по их обращениям, но и гарантировать надлежащую реализацию конституционного права на обращение органами внутренних дел и их подразделениями, то есть обеспечить различные способы получения обращений граждан (в том числе в электронной форме или по телефону) и надлежащие правовые и организационные условия их своевременного и всестороннего рассмотрения и разрешения. Как уже было отмечено выше, полиция является одним из наиболее востребованных адресатов при направлении обращений. Например, в 2018 г. только в адрес руководства МВД России поступило 221 560 обращений**.

С учетом вышеизложенного можно определить следующие объективно проявляющиеся особенности реализации субъективного конституционного права на обращение в органы внутренних дел. Во-первых, сложное и многоуровневое правовое регулирование обращений граждан. Работа органов внутренних дел с обращениями регулируется сразу несколькими федеральными законодательными актами: УПК РФ — при получении заявлений о совершении преступления, КоАП РФ — при получении заявлений о совершении административных правонарушений или жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях; Федеральным законом от 27 июля 2010 г. N 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»*** — при получении заявлений на оказание государственных услуг либо жалоб на ненадлежащее их оказание; Федеральным законом от 9 февраля 2009 г. N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»**** —

** МВД России: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф>

*** Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федер. закон от 27 июля 2010 г. N 210-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 31. Ст. 4179.

**** Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: федер. закон от 9 февр. 2009 г. N 8-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. N 7. Ст. 776.

при запросе информации (не связанной с уголовным или административным производством); Федеральным законом «О полиции» – в части непосредственных обращений граждан к сотрудникам полиции; Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» – во всех остальных случаях подачи обращений гражданами.

Кроме того, в развитие соответствующих законов приняты приказы МВД России, например: от 12 сентября 2013 г. N 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации»*, от 29 августа 2014 г. N 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях»**; от 29 декабря 2018 г. N 900 «Об утверждении Положения о Департаменте делопроизводства и работы с обращениями граждан и организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации»***, от 22 августа 2012 г. N 808 «О создании системы “горячей линии МВД России”»****; от 31 августа 2011 г. N 988 «Об утверждении Порядка присутствия членов общественных советов при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах

* Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 12 сент. 2013 г. N 707 // Рос. газ. 2014. 17 янв.

** Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 авг. 2014 г. N 736 // Рос. газ. 2014. 14 нояб.

*** Об утверждении Положения о Департаменте делопроизводства и работы с обращениями граждан и организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29 дек. 2018 г. N 900. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**** О создании системы «горячей линии МВД России»: приказ МВД России от 22 авг. 2012 г. N 808 // Рос. газ. 2012. 21 сент.

при проведении должностными лицами органов внутренних дел личного приема граждан»****, а также многочисленные административные регламенты предоставления государственных услуг органами внутренних дел и другие подзаконные акты. При этом применимый акт должен быть самостоятельно определен должностным лицом органа внутренних дел, ответственным за рассмотрение соответствующего обращения, исходя из его содержания.

Во-вторых, в ведении МВД России находится достаточно большое количество образовательных, научных, медико-санитарных и санаторно-курортных организаций, а также иных учреждений и организаций (для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на органы внутренних дел). При этом в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в постановлении от 18 июля 2012 г. N 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации” в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области»***** и Федеральным законом от 7 мая 2013 г. N 80-ФЗ «О внесении изменений в статью 5.59 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 1 и 2 Федерального закона “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации”»***** учреждения и организации системы МВД России обязаны принимать и рассматривать обращения граждан Российской Федерации.

***** Об утверждении Порядка присутствия членов общественных советов при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах при проведении должностными лицами органов внутренних дел личного приема граждан: приказ МВД России от 31 авг. 2011 г. N 988 // Рос. газ. 2011. 26 окт.

***** См.: Рос. газ. 2012. 3 авг.

***** О внесении изменений в статью 5.59 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 1 и 2 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»: федер. закон от 7 мая 2013 г. N 80-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

В-третьих, в органах внутренних дел предусмотрены дополнительные меры, упрощающие подачу обращений граждан. Например, органы внутренних дел обязаны рассматривать анонимные обращения, если они содержат информацию о противоправном деянии, его подготовке или совершении (ст. 11 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ»); при обращении гражданина к сотруднику полиции последний обязан назвать свои должность, звание, фамилию, внимательно выслушать гражданина и принять соответствующие меры в пределах своих полномочий либо разъяснить, в чью компетенцию входит решение поставленного вопроса, а также требование принимать обращения граждан независимо от замещаемой должности, места нахождения и времени суток (п. 5 ст. 5 и п. 2 ст. 27 Федерального закона «О полиции» соответственно); выдача талонов-уведомлений о приеме и регистрации заявления (п. 34 Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях») и другие.

В-четвертых, органы внутренних дел подробно регламентируют дополнительные способы подачи обращений граждан, отсутствующие в большинстве иных органов власти. В качестве примера можно привести Порядок функционирования телефонов доверия, входящих в систему «горячей линии МВД России» по приему и учету сообщений граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства о преступлениях и иных правонарушениях, совершенных сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации*, порядок проведения личных приемов граждан руководителями органов внутренних дел**. Нормативными правовыми актами МВД России регламентируются и такие относительно нерас-

* О создании системы «горячей линии МВД России»: приказ МВД России от 22 авг. 2012 г. N 808 // Рос. газ. 2012. 21 сент.

** См.: глава XI Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации.

пространенные способы подачи обращений граждан, как факсимильная связь и использование специальных ящиков для корреспонденции, размещаемых в круглосуточно доступных для граждан местах зданий органов внутренних дел (пп. 27.1.3 и 27.1.6 Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации соответственно).

Особое внимание следует уделить стремлению органов внутренних дел «идти в ногу со временем», предоставляя гражданам новейшие возможности взаимодействия с полицией посредством современных средств мобильной связи. МВД России выпущено официальное приложение для мобильных устройств, которое в числе прочих возможностей позволяет совершить вызов ближайшего к месту нахождения абонента отдела полиции или направить электронное обращение в приемную МВД России или территориальный орган внутренних дел***.

При этом следует заметить, что органы внутренних дел не являются исключением из общероссийской тенденции, и доля обращений граждан, получаемых посредством сети Интернет, неуклонно растет. Так, за первый квартал 2019 г. с 10 837 до 15 314 (то есть на 41,3 % по сравнению с четвертым кварталом 2018 г.) возросло количество обращений в центральный аппарат МВД России с официального сайта министерства****.

В-пятых, процедура рассмотрения обращений граждан в органах внутренних дел существенно шире, нежели это предполагает юридическая теория. Помимо традиционных этапов получения, рассмотрения обращения и направления ответа, в МВД России она включает в себя: анализ рассмотрения обращений и контроль за их рассмотрением*****. Кроме того, в отличие от положений Федерального зако-

*** Официальный сайт мобильного приложения в сети Интернет. URL: <https://приложения.мвд.рф>

**** МВД России: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф>

***** См.: пункт 3 Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации.

на «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» Федеральный закон «О полиции» обязывает сотрудников полиции в отдельных случаях реагировать на обращение гражданина незамедлительно (например, подп. 2 п. 1 ст. 5 Федерального закона «О полиции»).

Также обращает на себя внимание глубина проработки вопросов рассмотрения обращений граждан в актах МВД России (для сравнения: подзаконные акты иных органов власти нередко ограничиваются лишь ссылками на обязательность, объективность и всесторонность рассмотрения обращений граждан и не дифференцируют эту деятельность в зависимости от вида обращений). Например, сотрудник органов внутренних дел, рассматривающий обращение, обязан: внимательно и всесторонне изучать содержание обращения, необходимые сведения, документы и материалы; определить суть заявления, предложения или жалобы и установить достаточность изложенных в обращении сведений, а также имеющихся документов и материалов для принятия обоснованного решения; уточнить (при необходимости) у заявителя дополнительные сведения, в том числе путем приглашения его на личную встречу; направлять запросы для получения необходимой информации; по решению руководителя рассматривать обращение с выездом на место; устанавливать факты и обстоятельства, имеющие значение для принятия обоснованного решения по обращению, а также обоснованность доводов гражданина; оценить достоверность имеющихся сведений, являющихся основанием для принятия решения по обращению; подготовить ответ.

Важно, что при рассмотрении органом внутренних дел предложений оценке подлежит целесообразность применения на практике каждой рекомендации гражданина и делается вывод о возможности (невозможности) ее реализации. При рассмотрении заявлений должно быть выделено действие, на необходимость совершения которого указывает гражданин, и при наличии необходимых оснований — приняты меры для удовлетворения заявленных требований. При рассмотрении жалоб проводится проверка обоснованности каждого довода гражданина. Если доводы призна-

ются обоснованными, то органом внутренних дел реализуются меры, необходимые для восстановления нарушенных прав, свобод и законных интересов гражданина.

Самостоятельное регулирование работы с обращениями в системе МВД России представлено для сферы государственных услуг (которых, например, за 2016 г. органами внутренних дел было оказано более 160 млн). Важно учитывать, что имеющееся регулирование определяет не только правила приема и разрешения заявлений о предоставлении государственных услуг, но и специальные процедуры рассмотрения досудебных жалоб, которых за период с 1 января по 21 ноября 2016 г. в МВД России поступило 3515*.

В-шестых, органы внутренних дел обязаны организовать получение особой разновидности обращений граждан — отзывов о деятельности, содержащих оценку качества оказания государственных услуг и субъективное мнение заявителя по этому вопросу**. Эта работа организована путем размещения соответствующих электронных форм опроса граждан на едином интернет-портале государственных услуг (<https://www.gosuslugi.ru>) и «Ваш Контроль» (<https://vashkontrol.ru>), а также на официальных веб-сайтах органов внутренних дел посредством специальных опросных форм (например, https://мвд.рф/Deljatelnost/emvd/quality_form). На-

* См.: раздел «Сведения о результатах мониторингов предоставления государственных услуг» официального сайта МВД России в сети Интернет. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>

** См.: пункт «и» ст. 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. N 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» и Постановление Правительства Российской Федерации от 12 декабря 2012 г. N 1284 «Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) и территориальных органов государственных внебюджетных фондов (их региональных отделений) с учетом качества предоставления ими государственных услуг, а также о применении результатов указанной оценки как основания для принятия решений о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей» (Рос. газ. 2012. 19 дек.).

пример, по данным автоматизированной информационной системы «Информационно-аналитическая система мониторинга качества государственных услуг», в период с 1 января по 12 декабря 2016 г. показатель удовлетворенности граждан Российской Федерации качеством предоставления МВД России государственных услуг составил 92,44 % (от граждан получено 8,46 млн оценок)*.

Следует отметить, что МВД России активно развивает идею оставления гражданами отзывов и инициативно экстраполирует ее не только на сферу предоставления государственных услуг, но и на общение граждан с должностными лицами полиции. Так, мобильное приложение «МВД России» предусматривает возможность оценить и оставить комментарий непосредственно после общения с участковым уполномоченным полиции**. Однако следует признать, что алгоритм анализа и использования результатов отзывов о деятельности нормативно еще не урегулирован (ни на федеральном уровне, ни в МВД России).

Обобщая изложенное, необходимо обратить внимание на следующие особенности реализации конституционного права граждан на обращение в органы внутренних дел.

1. Конституционное право граждан на обращение реализуется в органах внутренних дел Российской Федерации на основании универсальных правил с учетом особенностей статуса и задач, решаемых МВД России, поэтому применительно к теме проводимого изыскания может быть сформулировано как возможность предъявлять органам внутренних дел (и их должностным лицам) устные и письменные требования, гарантированные обязанностью адресата их принять, рассмотреть в нормативно установленном порядке по существу поставленных вопросов и проинформировать о результатах такого рассмотрения.

2. В дополнение к универсальной конституционно-правовой процедуре реа-

лизации права граждан на обращение в органах внутренних дел предусмотрены дополнительные стадии: анализ рассмотрения обращений и ведомственный контроль за их рассмотрением.

3. Реализация конституционного права на обращение в органы внутренних дел отличается особым демократизмом и предполагает преднамеренное упрощение способов подачи обращений граждан (возможность подачи обращений по телефону, непосредственно должностному лицу вне процедуры личного приема и др.), а также увеличение их количества (прием обращений посредством факсимильной связи, специальных электронных форм на официальных сайтах, мобильного приложения и т.д.) и установление дополнительных гарантий, направленных на повышение качества рассмотрения обращений граждан по существу заявленных требований (дифференциация процедуры рассмотрения различных видов обращений, сбор сведений, имеющих значение для принятия решения, учет отзывов о деятельности и др.).

Таким образом, рассмотрение обращений граждан является важным направлением работы деятельности органов внутренних дел. При этом сложившееся в полиции нормативное регулирование работы с обращениями граждан свидетельствует о его прогрессивной динамике. Представляется, что правовые акты МВД России, регулирующие работу с обращениями граждан (несмотря на то, что являются подзаконными актами) в своей совокупности не только предоставляют различные способы подачи обращений, но и гарантируют их своевременное и всестороннее рассмотрение, тем самым способствуя обеспечению предусмотренной Конституцией Российской Федерации и федеральными законами надлежащей реализации субъективного конституционного права граждан Российской Федерации на обращение, а установленный в рассматриваемом ведомстве порядок получения и разрешения обращений граждан гарантирует эффективную охрану и защиту конституционных прав и свобод личности и предопределяет качественное обеспечение конституционного правопорядка в России.

* URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>

** Официальный сайт мобильного приложения в сети Интернет. URL: <https://приложения.мвд.рф>

Список литературы

1. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. 367 с.
2. Лукьянова Е.Г. Права человека и закон // Теория и практика российского конституционализма: сб. докл. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию со дня рождения академика О.Е. Кутафина (26 июня 2012 г.). М.: Издат. центр Ун-та имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2013. С. 174-181.
3. Строгович М.С. Развитие прав личности в период развернутого строительства коммунизма // Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства. Саратов, 1962. С. 9-27.
4. Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3: Проблемы теории и права: курс лекций. М.: Статут, 2010. 781 с.
5. Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия: Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. 781 с.
6. Маслов Б.В. Институт обращений граждан в административном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2008. 22 с.
7. Черкесов К.А. Конституционное право на обращение в органы публичной власти в государствах – членах СНГ и странах Балтии: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2010. 196 с.
8. Скрябина М.В. Реализация конституционного права на обращение в органы публичной власти: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. СПб., 2007. 210 с.
9. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.Д. Зорькина. М.: Инфра-М, 2011. 1008 с.
10. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. 88 с.
11. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. 381 с.
12. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев; науч. ред. Ю.И. Скуратов. М.: Статут, 2013. 688 с.
13. Кожухарь А.Н. Право на судебную защиту в исковом производстве. Кишинев: Штниинца, 1989. 140 с.
14. Грачев Н.А. Судебная защита экономических прав и свобод личности (конституционный аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 215 с.
15. Филиппов П.М. Проблемы теории судебной защиты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. Л., 1988. 38 с.
16. Алистратов Ю.Н. Право петиций в Российской Федерации: монография. М.: Манускрипт, 1997. 92 с.
17. Ширококов С.А. Конституционное право человека и гражданина на обращение: учеб. пособие. Пермь: Пермский филиал Нижегородской акад. МВД России, 2002. 189 с.
18. Безруков А.В. Конституционно-правовой механизм обеспечения правопорядка органами публичной власти в России: монография. М.: Юстицинформ, 2018. 326 с.
19. Безруков А.В. Архитектоника конституционно-правового механизма обеспечения правопорядка органами публичной власти // Труды Академии управления МВД России. 2016. N 1. С. 5-9.

References

1. Bratus' S.N. Sub'ekty grazhdanskogo prava [Subjects of civil law]. Moscow, Gosyurdizdat Publ., 1950. 367 p.
2. Luk'yanova E.G. Prava cheloveka i zakon [Human rights and the law]. Teoriya i praktika rossijskogo konstitucionalizma [Theory and practice of Russian constitutionalism]. Moscow, Publishing center of the University named after O.E. Kutafin, 2013. Pp. 174-181.
3. Strogovich M.S. Razvitie prav lichnosti v period razvernutogo stroitel'stva kommunizma [The development of individual rights in the period of the full-scale construction of communism]. Razvitie prav grazhdan SSSR i usilenie ih ohrany na sovremennom etape kommunisticheskogo stroitel'stva [Development of the rights of citizens of the USSR and the strengthening of their protection at the present stage of communist construction]. Saratov, 1962. Pp. 9-27.
4. Alekseev S.S. Sobranie sochineniy. V 10 t. T. 3. Problemy teorii i prava [Collected Works. In 10 volumes. Vol. 3: Problems of Theory and Law]. Moscow, Statut Publ., 2010. 781 p.
5. Matuzov N.I. Lichnost'. Prava. Demokratiya: Teoreticheskie problemy sub'ektivnogo prava [Personality. The rights. Democracy: Theoretical problems of subjective right]. Saratov, 1972. 781 p.
6. Maslov B.V. Institute obrashcheniy grazhdan v administrativnom prave. Avtoref. Kand. Diss. [Institute of citizens' appeals in administrative law. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2008. 22 p.
7. Cherkesov K.A. Konstitucionnoe pravo na obrashchenie v organy publichnoy vlasti v gosudarstvah – chlenah SNG i stranah Baltii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie. Kand. Diss. [The constitutional right to appeal to public authorities in the CIS member states and the Baltic States: a comparative legal study. Cand. Diss.]. Moscow, 2010. 196 p.
8. Skryabina M.V. Realizatsiya konstitutsionnogo prava na obrashchenie v organy publichnoy vlasti. Kand. Diss. [Realization of the constitutional right to appeal to public authorities. Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2007. 210 p.

9. Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii (postateyniy) [Commentary on the Constitution of the Russian Federation (itemized)]. Moscow, Infra-M Publ., 2011. 1008 p.
10. Tolstoy Yu.K. K teorii pravootnosheniya [To the theory of legal relations]. Leningrad, Publishing House of Leningrad State University, 1959. 88 p.
11. Ioffe O.S., Shargorodskiy M.D. Voprosy teorii prava [Law Theory Issues]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 381 p.
12. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Doktrinal'niy kommentariy (postateyniy) [Constitution of the Russian Federation. Doctrinal comment (itemized)]. Moscow, Statut Publ., 2013. 688 p.
13. Kozhuhar' A.N. Pravo na sudebnuyu zashchitu v iskovom proizvodstve [The right to judicial protection in the lawsuit]. Kishinev, Shtniinca Publ., 1989. 140 p.
14. Grachev N.A. Sudebnaya zashchita ekonomicheskikh prav i svobod lichnosti (konstitucionniy aspekt). Kand. Diss. [Judicial protection of economic rights and individual freedoms (constitutional aspect). Cand. Diss.]. Moscow, 2007. 215 p.
15. Filippov P.M. Problemy teorii sudebnoy zashchity. Avtoref. Kand. Diss. [Problems of the theory of judicial protection. Autoabstract Cand. Diss.]. Leningrad, 1988. 38 p.
16. Alistratov Yu.N. Pravo petitsiy v Rossiyskoy Federatsii [The right of petitions in the Russian Federation]. Moscow, Manuskript Publ., 1997. 92 p.
17. Shirobokov S.A. Konstitutsionnoe pravo cheloveka i grazhdanina na obrashchenie [Constitutional right of a person and a citizen to appeal]. Perm', Perm branch of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. 189 p.
18. Bezrukov A.V. Konstitutsionno-pravovoy mekhanizm obespecheniya pravoporyadka organami publichnoy vlasti v Rossii [Constitutional legal mechanism for ensuring law and order by public authorities in Russia]. Moscow, Yusticinform Publ., 2018. 326 p.
19. Bezrukov A.V. Arhitektonika konstitutsionno-pravovogo mekhanizma obespecheniya pravoporyadka organami publichnoy vlasti [Architectonics of the constitutional legal mechanism of law enforcement by public authorities]. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia, 2016, no. 1, pp. 5-9.

Раздел 3. Административная деликтология

ДЕРЮГА А.Н., DERYUGA A.N.,
доктор юридических наук, доцент, Doctor of Legal Sciences,
derjuga@mail.ru, associate professor,
Кафедра государственно-правовых derjuga@mail.ru
дисциплин; Chair of state and legal disciplines;
Дальневосточный филиал Far Eastern Branch of the
Российского государственного Russian State University of Justice,
университета правосудия, Vostochnoe Highway 49,
680014, г. Хабаровск, Khabarovsk, 680014,
Восточное шоссе, 49 Russian Federation

ШАКЛЕИН С.Н., SHAKLEIN S.N.,
shaklein83@mail.ru, shaklein83@mail.ru
Кафедра административного права Chair of administrative law
и административно-служебной and administrative activities
деятельности органов внутренних дел; of the internal affairs bodies;
Дальневосточный юридический институт Far Eastern Law Institute
Министерства внутренних дел of the Ministry of the Interior
Российской Федерации, of the Russian Federation,
680020, г. Хабаровск, Kazarmenny Lane 15, Khabarovsk, 680020,
пер. Казарменный, 15 Russian Federation

ПЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Аннотация. Рассматриваются вопросы развития нового научного направления – административной пенологии, предмет исследования которой нацелен на поиск повышения эффективности мер административной ответственности. На основе анализа статьи 2.9 Кодекса Российской Федерации об административной ответственности и судебной практики ее применения, а также оценки мнений научной общественности выявляются проблемы понимания юридического института малозначительности совершенного административного правонарушения, перечисляются и оцениваются наиболее важные его признаки. В целях устранения выявленных проблем делается вывод о совершенствовании административно-деликтного законодательства. В частности, предлагается на законодательном уровне закрепить процедуру обязательной проверки соответствующим прокурором решения о признании административно-деликтного деяния малозначительным, которая позволит минимизировать коррупционную составляющую принятых решений о малозначительности административного правонарушения. При этом проверке должно подлежать наличие предложенных в статье критериев, совокупность которых будет свидетельствовать о малозначительности административного правонарушения. По мнению авторов статьи, внесение в законодательство предложенных изменений и дополнений поможет повысить эффективность действия правового института малозначительности административного правонарушения, позволит избежать при его использовании нарушения принципа справедливости и неотвратимости наказания, а также снизит вероятность коррупционных рисков.

Ключевые слова: административное правонарушение; административное наказание; малозначительность совершенного правонарушения; административная пенология; административная деликтология.

THE PENOLOGICAL ASPECT OF THE INSIGNIFICANCE OF AN ADMINISTRATIVE OFFENCE

Annotation. The issues concerning the development of a new field of science – administrative penology, are analyzed in the article. The subject of the study of administrative penology is focused on the search for increasing the effectiveness of administrative responsibility measures. Basing on

the analysis of article 2.9 of the Code of Administrative Responsibility of the Russian Federation and the judicial practice of its application, as well as the scientific community's opinions, the problems of understanding the legal institution of the insignificance of the committed administrative offence are revealed, its most important elements are listed and evaluated. It is concluded that the administrative and tort law needs to be improved in order to eliminate the identified problems. In particular, it is proposed to fix the procedure for the mandatory verification of the decision on recognition of administrative and tort action as insignificant by the prosecutor at the legislative level, which will minimize the corruption component of the decisions on the insignificance of an administrative offence. In this case, the presence of the criteria proposed in the article should be subject to verification, the combination of these criteria should indicate the insignificance of an administrative offence. According to the authors of the article's opinions, introduction of the proposed amendments and additions to the legislation will help to increase the effectiveness of the legal institution of the insignificance of an administrative offence, allow to avoid the violation of the principle of justice and inevitability of punishment when implementing it, and also reduce corruption risks.

Keywords: administrative offence; administrative punishment; insignificance of the offence; administrative penology; administrative delictology.

Современное состояние административной деликтности характеризуется высокой устойчивостью, несмотря на то, что в последние годы санкции многих составов административных правонарушений были ужесточены. Попытка снизить количество совершаемых административных правонарушений таким путем оказалась безуспешной. В связи с этим актуальность вопросов профилактики и предупреждения административной деликтности возрастает, что заставляет ученых и правоприменителей искать иные подходы в деле противодействия административным правонарушениям.

К одному из таких подходов можно отнести развитие административной деликтологии, предмет исследования которой охватывает не только правовые, но и другие аспекты административной деликтности, нацеливая внимание главным образом на изучение социально-психологических, технических и технологических особенностей противодействия совершению отдельных видов административных правонарушений. Предмет исследования административной деликтологии традиционно состоит из четырех элементов: структуры, состояния и динамики административных правонарушений; социально-психологических и иных особенностей лиц, их совершивших; причин и условий возникновения административной деликтности и ее элементов; выработки социально-правовых программ профилактики и предупреждения отдельных видов административных правонарушений.

Кроме того, в рамках названной науки могут развиваться и другие научные

направления, у которых цель и методы изучения предмета совпадают с административной деликтологией. К таким научным направлениям можно отнести административную пенологию, всесторонне исследующую эффективность административно-правовой санкции и ее рабочего элемента – вида и размера административного наказания и порядка исполнения административного наказания.

Интерес к комплексному научному исследованию административных наказаний, а также к содержанию административно-правовых санкций не случаен и вызван все той же причиной – низкой эффективностью, искомая жизнеспособность которой не отвечает ожидаемым результатам, срабатывая лишь на короткий период.

Скруплезная работа по изучению деталей предмета административной пенологии – дело будущего, сейчас же следует остановиться на наиболее явной ее проблеме – правовом институте малозначительности административного правонарушения.

Категория «малозначительность административного правонарушения» является далеко не новой оценочной категорией, известной отечественному административному праву. Правовой механизм освобождения от административной ответственности в случае малозначительности правонарушения был предусмотрен еще Кодексом РСФСР об административных правонарушениях от 20 июня 1984 г.*,

* Статья 22 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях от 20 июня 1984 г. (Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1984. N 21. Ст. 909).

но его практическая реализация до сих пор остается актуальной.

В настоящее время на основании ст. 2.9 КоАП РФ в случае признания административного правонарушения мало-значительным лицом, совершившее правонарушение, может быть освобождено от административной ответственности и ограничиться получением устного замечания. В отношении такого лица выносится постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении и нарушителю объявляется устное замечание.

Анализ содержания рассматриваемой статьи позволяет сделать вывод о том, что ее положения могут применяться в отношении как материальных, так и формальных составов административных правонарушений, совершенных физическими и (или) юридическими лицами.

Важно подчеркнуть, что диспозиция нормы не обязывает, но дает право судье, должностным лицам и органам административной юрисдикции принимать такое решение. Отсутствие прямых указаний на признаки, характеризующие административное правонарушение как мало-значительное, делает процедуру принятия решения максимально субъективной, создает максимально широкое поле для интеллектуального маневра правоприменителя: от признания административного правонарушения мало-значительным до отказа от него.

Нередко это выражается в большом количестве противоречивых решений, что делает соответствующую практику непредсказуемой.

В идеале правоприменитель должен рассмотреть все обстоятельства административного правонарушения, оценить последствия, убедиться, что конкретные действия не нанесли существенного вреда отдельным гражданам или обществу, исследовать ситуацию, в которой правонарушение было совершено, личность правонарушителя, а также смягчающие и отягчающие обстоятельства и т.п. Принимая решение о признании правонарушения мало-значительным, необходимо оценивать всю совокупность приведенных выше сведений.

Скрупулезность такой процессуально-правовой работы во многом зависит

от квалификации правоприменителя и его неформального отношения к каждому конкретному делу об административном правонарушении, что еще раз доказывает сделанный ранее вывод о том, что решение вопроса о мало-значительности по праву относят к сфере усмотрения судьи, должностных лиц и органов административной юрисдикции; оно считается решением, которое способен принять исключительно высококвалифицированный правоприменитель. Однако закон не ограничивает круг субъектов правоприменения юридического института мало-значительности ни по их стажу, ни по статусу.

Кроме того, нельзя игнорировать субъективное отношение к делу, формируемое на основе симпатий или антипатий к административному делинквенту, без какой-либо личной заинтересованности.

Очевидно, подобное состояние дел не способствует единообразной практике, часто провоцируя принятие таких решений, которые сложно назвать законными и справедливыми. В этом смысле данная норма КоАП РФ, предусматривающая полное освобождение от административной ответственности в связи с мало-значительностью деяния, критерии которого до сих пор ничем не установлены, является одной из самых коррупциогенных норм. Это обстоятельство в совокупности со ст. 26.11 КоАП РФ фактически нейтрализует какие-либо риски «нечистого на руку» правоприменителя.

В целях устранения подобных ситуаций Верховным Судом Российской Федерации были даны разъяснения и толкование данной нормы права. Например, в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. N 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» под мало-значительностью административного правонарушения понимается действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера содеянного и роли нарушителя, размера вреда и степени тяжести последствий не представляющее существенного

нарушения охраняемых общественных отношений*.

По общему правилу для того, чтобы правонарушение было признано мало-значительным, последствия от его совершения должны быть несущественными.

В связи с этим возникает вопрос о том, следует ли понимать под несущественными те последствия, которые не наступили в силу их объективной невозможности или лишь потому, что так сложились внешние обстоятельства. Очевидно, что нельзя считать нарушения правил дорожного движения или пожарной безопасности мало-значительными лишь потому, что материальные последствия так и не наступили. Этот вывод основан на том, что указанные и подобные им правила призваны защищать абсолютные и неотчуждаемые права человека на жизнь и здоровье, а также ценное имущество. Непредсказуемость наступления вредных (опасных) материальных последствий делает формальные нарушения указанных правил потенциально высокоопасными. На наш взгляд, это обстоятельство не должно позволять признавать мало-значительными нарушения правил в указанных областях даже при наличии самых незначительных нарушений, а также совокупности смягчающих обстоятельств.

Аналогичный вывод можно сделать и в отношении тех правонарушений, которые стали мало-значительными в силу не зависящих от правонарушителя причин. Это касается вышеназванных, а также иных правонарушений. Например, совершение мелкого хулиганства может быть связано с повреждением чужого имущества, которому был нанесен несущественный материальный вред.

Этот вывод подтверждается рассматриваемым постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в котором устанавливается необходимость учета признаков объективной стороны административных правонарушений, так как

* О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. N 5: ред. от 19 дек. 2013 г. // Рос. газ. 2005. 19 апр.; 2013. 31 дек.

некоторые из них ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны мало-значительными, поскольку существенно нарушают охраняемые общественные отношения. В постановлении в качестве примера к ним отнесены административные правонарушения, предусмотренные ст.ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ.

Более того, п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 октября 2006 г. N 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» устанавливает, что при назначении наказания за правонарушения, предусмотренные ст.ст. 12.8 и 12.26 КоАП РФ, надлежит учитывать, что они не могут быть отнесены к мало-значительным, а виновные в их совершении лица — освобождены от административной ответственности, поскольку управление водителем, находящимся в состоянии опьянения, транспортным средством, являющимся источником повышенной опасности, существенно нарушает охраняемые общественные правоотношения независимо от роли правонарушителя, размера вреда, наступления последствий и их тяжести**.

В пункте 18 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. N 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» отмечается, что при квалификации правонарушения в качестве мало-значительного судам необходимо исходить из оценки конкретных обстоятельств его совершения. Мало-значительность правонарушения имеет место при отсутствии существенной угрозы охраняемым общественным отношениям. Такие обстоятельства, как, например, личность и имущественное положение привлекаемого к ответственности лица, добровольное устранение последствий

** О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 окт. 2006 г. N 18: ред. от 9 февр. 2012 г. N 2 // Рос. газ. 2006. 8 нояб.

правонарушения, возмещение причиненного ущерба, не являются обстоятельствами, свидетельствующими о малозначительности правонарушения. Данные обстоятельства в силу чч. 2 и 3 ст. 4.1 КоАП РФ учитываются при назначении административного наказания*.

Однако на практике это не всегда учитывается. Например, Кропоткинский городской суд Краснодарского края, рассмотрев апелляционную жалобу Ф. на постановление мирового судьи судебного участка N 67 г. Кропоткина по делу об административном правонарушении в отношении Ф. по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, прекратил производство, признав административное правонарушение малозначительным, с учетом того, что ранее Ф. к административной ответственности не привлекался, никаких негативных последствий от его действий не наступило и результаты медицинского освидетельствования на состояние опьянения незначительно превысили суммарную погрешность измерений**.

Таким образом, суд освободил от административной ответственности Ф. по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, ограничившись устным замечанием, несмотря на разъяснение Верховного Суда Российской Федерации о том, что административные правонарушения, предусмотренные ст.ст. 12.8 и 12.26 КоАП РФ, не могут быть отнесены к малозначительным, а виновные в их совершении лица – освобождены от административной ответственности***.

В связи с этим следует согласиться с мнением ряда авторов, указывающих на то, что правовой институт малозначитель-

ности не должен быть связан с такими наказаниями, как административный арест, выдворение, дисквалификация, приостановление деятельности [1 с. 21; 2, с. 68-86]. Наличие указанных выше административно-правовых санкций объективно свидетельствует о высокой общественной опасности деяний, от совершения которых они предостерегают.

Очевидно, таких составов административных правонарушений не много. В связи с этим возникает вопрос о составах, в санкциях которых установлены лишь предупреждение или административный штраф.

В научной литературе имеются различные определения критериев малозначительности административного правонарушения. Например, И.А. Ключников для признания административного правонарушения малозначительным выделяет следующие признаки его объективной стороны: вредоносность, степень пренебрежения требованиями формального порядка и сами требования формальных правил, как определяющие границы допустимого, в рамках которых содеянное лицом не будет восприниматься правоприменителем в качестве правонарушения [3, с. 74-78].

В.Ю. Пирогов условно разделяет критерии малозначительности административного правонарушения на две группы:

1) основные – малый размер причиненного вреда для материального состава или небольшую степень угрозы наступления последствий для формального;

2) дополнительные – критерии, к которым следует отнести вину в форме неосторожности, объективные и субъективные признаки правонарушения, определяющие его роль как незначительную [4, с. 72].

Полагаем, данная классификация является верной, но следует уточнить содержание дополнительных критериев на основе соответствующей судебной практики.

Первым характерным дополнительным критерием является устранение вреда и последствий правонарушения непосредственно после его совершения. Например, в решении Второго арбитражного апелляционного суда от 24 октября 2013 г. по делу N А17-3126/2013 было указано, что добровольное устранение последствий правонарушения само по себе не являет-

* О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. N 10 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. N 8. 17 февр.

** Решение N 12-13/2015 от 3 марта 2015 г. по делу N 12-13/2015 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://sudact.ru>

*** Пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 октября 2006 г. N 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении КоАП РФ» (Рос. газ. 2006. 8 нояб.).

ся обстоятельством, свидетельствующим о малозначительности*.

Следовательно, применение этого критерия возможно лишь в сочетании с другими обстоятельствами, например, если административное правонарушение устраняется сразу после его возникновения.

В качестве примера можно привести решение Суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 20 июня 2018 г. N 7-455/2018 по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 8.25 и ч. 1 ст. 8.32 КоАП РФ. Суд учел обстоятельства и характер совершенного индивидуальным предпринимателем Г. административного правонарушения, его действия, направленные на своевременное устранение выявленных нарушений и недопущение возникновения угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, и признал совершенное индивидуальным предпринимателем Г. правонарушение малозначительным**.

Смысл этого критерия заключается в поведении человека и принятии им мер, направленных на минимизацию ущерба либо угрозы общественным отношениям от совершенного им административного правонарушения. Если лицо снизило опасность своего поведения до минимального, то оценивать опасность следует не по принятым мерам по снижению опасности, а по остатку опасности после этого.

Вторым критерием является незначительность пропуска срока исполнения установленной законом или подзаконным актом

* Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 24 октября 2013 г. по делу N А17-3126/2013. Требование: О признании незаконным и отмене постановления антимонопольного органа о наложении штрафа по делу об административном правонарушении, в соответствии с которым ООО было признано виновным в совершении административного правонарушения по ч. 1 ст. 14.32 КоАП РФ и было назначено наказание. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Решение Суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 20 июня 2018 г. N 7-455/2018. Требование: Об отмене актов о привлечении к административной ответственности по ст.ст. 8.25, 8.32 КоАП РФ (нарушение правил использования лесов; нарушение правил пожарной безопасности в лесах). Решение: Судебные акты нижестоящих инстанций изменены. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обязанности. В судебной практике отсутствует какое-либо единообразие в этом вопросе. Малозначительным признается пропуск в несколько дней, выполнение обязанности до обнаружения правонарушения и т.д. Полагаем, при определении малозначительности важное значение имеют причины нарушения соответствующих сроков***.

Например, Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа по делу N А56-22222/2010 отменил постановление Росфиннадзора о привлечении ООО к административной ответственности за несоблюдение срока представления в уполномоченный банк формы учета по валютным операциям (справки о подтверждающих документах), освободив общество от административной ответственности ввиду малозначительности совершенного правонарушения, приняв во внимание незначительность допущенной ООО просрочки и отсутствие существенного нарушения охраняемых общественных отношений****.

Третий дополнительный критерий – несоразмерность наказания характеру нарушения.

В решении Конституционного Суда Российской Федерации от 5 ноября 2003 г. N 349-0 указывается, что по смыслу ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации установление санкции за административное правонарушение должно быть соразмерным характеру совершенного деяния. Использование этого критерия, как представляется, связано с отсутствием надлежащего разграничения ответственности для многих юридических составов Особенной части КоАП РФ, особенно тех, санкции которых предусматривают административные штрафы, степень справедливости размеров которых для разных групп административных делинквентов неодинакова.

В частности, постановлением от 22 августа 2011 г. по делу N А19-2843/2011 Федерального арбитражного суда Восточ-

*** Определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 февр. 2018 г. N 302-АД17-15232 по делу N А33-414/2017. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

**** Постановление ФАС Северо-Западного округа от 31 янв. 2011 г. по делу N А56-22222/2010. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

но-Сибирского округа отменено решение Арбитражного суда Иркутской области о признании незаконным и отмене решения регионального отделения Федеральной службы по финансовым рынкам в Восточно-Сибирском регионе (РО ФСФР) о привлечении к административной ответственности ОАО «БЦБК» по ст. 15.19 КоАП РФ. Как следует из материалов дела, в результате камеральной проверки было установлено, что компания, которая самостоятельно ведет реестр владельцев именных ценных бумаг, не представила РО ФСФР годовые отчеты за 2009 год в свое время. По этому факту составлен протокол от 19 октября 2010 г., а постановлением РО ФСФР России в Восточно-Сибирском регионе от 14 января 2011 г. N 34-11-002/пп общество привлечено к административной ответственности в виде административного штрафа в размере 500 тысяч рублей по ч. 2 ст. 15.19 КоАП РФ.

Однако апелляционная инстанция посчитала выводы суда ошибочными в силу незначительности вменяемого обществу правонарушения и несоразмерности санкции, примененной в отношении ОАО «БЦБК»*.

Четвертый критерий — отсутствие умысла у лица, совершившего административное правонарушение.

Этот критерий предполагает совершение административного правонарушения лицом по неосторожности либо случайно, если оно не знало и не предполагало о наличии предписываемых или запрещаемых норм административного законодательства. В этом случае лицо не могло предвидеть наступление вредных последствий своего действия (бездействия).

Освобождение от административной ответственности лица, совершившего умышленное административное правонарушение, идет вразрез с целями наказания. У освобожденного от административной ответственности

лица, совершившего умышленное административное правонарушение, появляется чувство безнаказанности, которое прививается ему представителями власти. Тем самым вырабатывается устойчивое пренебрежительное отношение к правовым нормам.

Пятый критерий — совершение однородного административного правонарушения впервые.

Наличие этого критерия тесно переплетается с предыдущим и связано с доверительным и гуманным отношением к правонарушителю, если впервые совершенное им неумышленное административное правонарушение считать действительно случайным.

Вместе с тем лицо, впервые столкнувшись с правоохранительными органами, должно осознать противоправность своих действий (бездействия), ощутить психологическое давление и сформировать или скорректировать свое отношение к правилам поведения, сознавая, что в следующий раз административного наказания не избежать.

Применение такого критерия обязывает правоприменителя выяснять, освобождалось ли ранее лицо от административной ответственности, и если освобождалось, то на какие общественные отношения оно посягало.

В качестве следующего критерия необходимо выделить раскаяние лица, совершившего административное правонарушение.

Процесс освобождения от административной ответственности должен достичь воспитательного эффекта, а значит, виновное лицо, освобождаемое от административной ответственности, должно осознавать, что ему дано последнее предупреждение, направленное на его исправление. Очевидно, это возможно в том случае, если административный делинквент раскаивается в содеянном.

Основное правило, которым должны руководствоваться лица, рассматривающие дела об административных правонарушениях, принимая решение о малозначительности административного правонарушения, — это учет всей совокупности рассмотренных критериев. В том случае, если «выпадает» хоть один из критериев, правонарушение не может быть признано малозначительным.

* Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 22 авг. 2011 г. по делу N A19-2843/2011. Требование: Об отмене постановления о привлечении к ответственности по ч. 2 ст. 15.19 КоАП РФ за неопубликование на странице в сети Интернет текста списка аффилированных лиц и неопубликование в ленте новостей сообщения об этом. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, минимизируется возможность практики применения правового института малозначительности исключительно по субъективным основаниям и в иных целях, не связанных с принятием социально справедливого решения.

Необходимо отметить, что предусматривать все критерии в безусловном и исчерпывающем законодательном перечне (как, например, это сделано в уголовном праве) не представляется возможным ввиду тонкости и многогранности общественных отношений, регулируемых административно-правовыми нормами, и, признавая административное правонарушение малозначительным, правоприменитель должен руководствоваться своим внутренним убеждением и профессиональным пониманием юридической природы малозначительности, оказываемого воспитательного воздействия на наказуемого, основанном на глубоком знании современной правоприменительной практики, а также уверенности в социальной справедливости принимаемого решения.

Злоупотребление применением или сознательное попустительство применения правоприменителями норм о малозначительности порождает у виновных лиц чув-

ство безнаказанности и пренебрежительного отношения к закону и представителю власти.

На наш взгляд, на законодательном уровне также целесообразно закрепить процедуру обязательной проверки такого решения соответствующим прокурором. Это позволит минимизировать коррупционную составляющую принятых решений о малозначительности административного правонарушения и исключить правовые просчеты правоприменителя при определении малозначительности деяния.

Закрепление в законе требования о проверке принятого решения о применении административно-правового института малозначительности, а также наиболее типичных его признаков в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации позволит создать единую практику признания административного правонарушения малозначительным, минимизировать субъективность применения рассматриваемого правового института, коррупционную составляющую, будет более эффективно служить достижению целей административного наказания – предупреждению совершения новых административных правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.

Список литературы

1. Ключников И.А. Совершенствование законодательства и правоприменительной практики об освобождении от административной ответственности по малозначительности правонарушений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Люберцы, 2013. 24 с.
2. Панов А.Б. О малозначительности административных правонарушений // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. N 2. С. 68-86.
3. Ключников И.А. К вопросу о возможных признаках (критериях) объективной стороны малозначительного административного правонарушения // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. 2012. N 3. С. 74-78.
4. Пирогов В.Ю. Критерии признания административного правонарушения малозначительным // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2013. N 3. С. 67-74.

References

1. Klyushnikov I.A. Sovershenstvovanie zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noy praktiki ob osvobozhdenii ot administrativnoy otvetstvennosti po maloznachitel'nosti pravonarusheniy. Avtoref. Kand. Diss. [Improvement of legislation and law enforcement practice on exemption from administrative liability for insignificant offenses. Autoabstract Cand. Diss.]. Lyubertsy, 2013. 24 p.
2. Panov A.B. O maloznachitel'nosti administrativnyh pravonarusheniy [About insignificance of administrative offenses]. Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Pravo. Journal of Higher School of Economics, 2012, no. 2, pp. 68-86.
3. Klyushnikov I.A. K voprosu o vozmozhnyh priznakah (kriteriyah) ob'ektivnoy storony maloznachitel'nogo administrativnogo pravonarusheniya [On the issue of possible signs (criteria) of the objective side of a minor administrative offense]. Sovremennaya nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki – Modern Science: Actual problems of theory and practice, 2012, no. 3, pp. 74-78.
4. Pirogov V.Yu. Kriterii priznaniya administrativnogo pravonarusheniya maloznachitel'nym [Criteria for the recognition of an administrative offense of minor importance]. Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya – Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research, 2013, no. 3, pp. 67-74.

ГОРОВЕНКО С.В., кандидат юридических наук, tgamyp@yandex.ru Кафедра общественного здоровья и здравоохранения; Тюменский государственный медицинский университет, 625023, г. Тюмень, ул. Одесская, 54	GOROVENKO S.V., Candidate of Legal Sciences, tgamyp@yandex.ru Chair of public health and health care; Tyumen State Medical University, Odesskaya St. 54, Tyumen, 625023, Russian Federation

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПОЛУЧЕНИИ ИНФОРМИРОВАННОГО ДОБРОВОЛЬНОГО СОГЛАСИЯ НА МЕДИЦИНСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Аннотация. Согласно действующему законодательству обязательным условием осуществления медицинского вмешательства является получение от гражданина соответствующего информированного добровольного согласия. При этом правовое значение такого согласия в полном объеме не определено, что оказывает влияние на возможность привлечения медицинских работников к административной ответственности за нарушение требований о его получении. Информирование гражданина о целях, методах оказания ему медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях и предполагаемых результатах оказания медицинской помощи осуществляется преимущественно устно, однако по требованию гражданина не исключена и письменная форма. В связи с этим рассмотрены административно-правовые средства обеспечения такого требования. Проанализирована проблематика не оказания медицинской помощи в экстренной форме при наличии отказа от медицинского вмешательства. В частности, отмечено, что не оказание медицинской помощи по экстренным показаниям в отношении лица, не способного на предоставление информированного добровольного согласия, на основании отказа от нее представляет собой нормативную коллизию и, по существу, легализацию пособничества в причинении вреда здоровью или смерти такому лицу.

Ключевые слова: административная ответственность; административное правонарушение; медицинское вмешательство; информированное добровольное согласие; медицинская помощь.

ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR VIOLATION OF THE REQUIREMENTS OF THE LEGISLATION ON OBTAINING INFORMED VOLUNTARY CONSENT TO MEDICAL INTERVENTION

Annotation. According to the current legislation, the obligatory condition for the implementation of medical intervention is obtaining the relevant informed voluntary consent from the citizen. At the same time, the legal significance of such consent has not been fully determined, that affects the possibility of bringing medical professionals to administrative responsibility for violation of the requirements for obtaining informed voluntary consent. Informing the citizen about the objectives, methods of providing medical assistance, the risk associated with them, as well as about possible medical intervention, its consequences and the expected results of providing medical care is carried out orally in most of the cases, but the written form is also possible at the request of the citizen. In this regard, the administrative and legal means of ensuring such a requirement are considered. The problem of failure to provide emergency medical care in case of refusal of medical interventions is analyzed. In particular, it is noted that the failure to provide emergency medical care to a person who is not able to provide informed voluntary consent on the basis of the refusal of it is a normative conflict and, essentially, legalization of complicity in causing injury or death to such person.

Keywords: administrative responsibility; administrative offence; medical intervention; informed voluntary consent; medical care.

Общеизвестно, что любая инвазивная* медицинская процедура связана с рисками возникновения неблагоприятных последствий для жизни и здоровья человека. В связи с этим на законодательном уровне установлена обязанность медицинского работника получить от пациента информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство (далее – ИДС). Последствием нарушения требований действующего в данной сфере законодательства является привлечение виновных лиц к административной ответственности. Проведенный анализ нормативных правовых актов позволяет утверждать о наличии существенных пробелов в правовом регулировании получения ИДС.

Основным административно-юрисдикционным средством обеспечения законности в рассматриваемой сфере является установление административной ответственности по ч. 1 ст. 6.32 КоАП РФ. Конструкция объективной стороны данного правонарушения носит бланкетный характер, что позволяет выделить следующие формы выражения противоправного деяния:

1) непредоставление пациенту необходимой информации в полном объеме, непредоставление пациенту необходимой информации в доступной форме, несоблюдение формы ИДС;

2) осуществление медицинского вмешательства без получения ИДС.

Непредоставление пациенту необходимой информации в полном объеме, непредоставление пациенту необходимой информации в доступной форме, несоблюдение формы ИДС. Несмотря на то, что данная форма противоправного деяния содержит в себе фактически три разновидности бездействия, системный анализ норм законодательства позволяет рассматривать их в единстве.

Объем информации, который должен предоставляться гражданину, предусмотрен ч. 1 ст. 20 Федерального закона

* Инвазивный – имеющий отношение к любой терапии или процедуре, при которой происходит «вторжение» в тело каким-либо прямым способом, особенно хирургическим (см.: Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера, 2002. URL: <http://vocabulary.ru>).

от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»** (далее – Федеральный закон N 323-ФЗ). При этом информация должна предоставляться гражданину в доступной для него форме. Форма ИДС и его содержание регламентируются следующими нормативными актами:

– приказ Минздрава России от 20 декабря 2012 г. N 1177н «Об утверждении порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства в отношении определенных видов медицинских вмешательств, форм информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и форм отказа от медицинского вмешательства»***;

– приказ Минздравсоцразвития России от 26 января 2009 г. N 19н «О рекомендуемом образце добровольного информированного согласия на проведение профилактических прививок детям или отказа от них»****;

– приказ Минздрава России от 7 апреля 2016 г. N 216н «Об утверждении формы информированного добровольного согласия на проведение искусственного прерывания беременности по желанию женщины»*****;

– приказ Федерального медико-биологического агентства от 30 марта 2007 г. N 88 «О добровольном информированном согласии на медицинское вмешательство»*****;

Изучение форм ИДС, предусмотренных указанными актами, позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, в полном объеме информация, предусмотренная ч. 1 ст. 20 Феде-

** Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 нояб. 2011 г. N 323-ФЗ: ред. от 6 марта 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 48. Ст. 6724; 2019. N 10. Ст. 888.

*** Рос. газ. 2013. 5 июля.

**** Рос. газ. 2009. 13 мая.

***** Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

***** Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

рального закона N 323-ФЗ, в формах ИДС не указывается.

Во-вторых, как следствие первого вывода, информация предоставляется преимущественно в устной форме.

В-третьих, нарушение формы ИДС, установленной указанными актами, образует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 6.32 КоАП РФ.

Установленные формы ИДС преимущественно содержат лишь констатацию факта предоставления информации. Ю.Д. Сергеев справедливо отмечает, что недостатком форм ИДС является «...их усредненность, не позволяющая учитывать индивидуальные особенности пациента» [1, с. 295]. Следовательно, проверка объема и достоверности предоставленной пациенту информации при использовании такой формы ИДС невозможна. По сути, установлена презумпция «добросовестности» медицинского работника при информировании пациента о содержании предполагаемого медицинского вмешательства.

В судебной практике, как отмечает О.В. Беляева, имеет место позиция, согласно которой «...само по себе подписание пациентом добровольного информированного согласия на медицинское вмешательство не свидетельствует о полном информировании учреждением пациента о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи, как то предписывает ст. 20 ФЗ РФ N 323-ФЗ от 21.11.2011 г.» [2, с. 16]. С этим мнением можно согласиться по существу. Однако обязанность по доказыванию неполноты информирования лежит на пациенте. Таким образом, если пациент не предпринимает действий по аудио- или видеофиксации процедуры информирования, то доказать неполноту предоставленной информации будет практически невозможно.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. N 25 отмечается, что согласно п. 3 ст. 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских

прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно*. В силу п. 4 ст. 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. По общему правилу п. 5 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное.

Предполагаемая добросовестность субъекта, оказывающего медицинское вмешательство, не должна исключать предоставление предусмотренной законом информации в письменной форме, в том числе по требованию пациента. Однако Федеральный закон N 323-ФЗ и принятые в соответствии с ним подзаконные акты не устанавливают механизм реализации данного требования. Решение обозначенной проблемы возможно двумя способами в зависимости от организационно-правовой формы медицинской организации.

Если медицинская помощь оказывается государственными и муниципальными медицинскими учреждениями, то относительно рассматриваемой ситуации возможным является применение положений Федерального закона от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»**. Установленный данным Федеральным за-

* О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. N 25 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2015. N 8.

** О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ; ред. от 27 дек. 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 19. Ст. 2060; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

коном порядок рассмотрения обращений граждан распространяется на правоотношения, связанные с рассмотрением обращений граждан осуществляющими публично значимые функции государственными и муниципальными учреждениями, иными организациями и их должностными лицами.

Как справедливо отмечает В.Ю. Синюгин, «несмотря на то, что содержание понятия “организации, осуществляющие публично значимые функции” представляется не вполне очевидным в силу отсутствия единого научного подхода к пониманию публично значимых функций, его легальное определение отсутствует» [3, с. 25].

Следует обратить внимание на то, что в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2012 г. N 19-П отмечено: «установление обязанности по рассмотрению обращений граждан государственными и муниципальными учреждениями как организациями, осуществляющими социально-культурные или иные функции некоммерческого характера соответственно Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, предполагается постольку, поскольку на такие организации возложено исполнение государственных или муниципальных публично значимых функций в рамках компетенции создавшего их публично-правового образования. Сама по себе данная обязанность является одной из гарантий реализации гражданами не только права на обращение, но и других конституционных прав, в том числе на охрану здоровья и медицинскую помощь...»*.

Таким образом, системное толкование обозначенных положений позволяет применять нормы Федерального закона от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ при рассмотрении требования гражданина о предоставлении информации, предусмотренной ч. 1 ст. 20

Федерального закона N 323-ФЗ. Непредоставление такой информации означает неправомерный отказ в рассмотрении обращения гражданина. В связи с этим такой отказ образует состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.59 КоАП РФ.

Представляется, что в этом случае отсутствует конкуренция составов административных правонарушений, предусмотренных ст. 5.59 и ч. 1 ст. 6.32 КоАП РФ, учитывая установленную презумпцию «добросовестности» медицинских работников.

Если медицинская помощь оказывается частными медицинскими организациями, то следует обратить внимание на порядок оказания платных медицинских услуг. Предоставление возмездной медицинской помощи осуществляется в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. N 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг»** (далее – Правила). Пункт 29 Правил устанавливает, что исполнитель предоставляет потребителю (законному представителю потребителя) по его требованию и в доступной для него форме информацию:

– о состоянии его здоровья, включая сведения о результатах обследования, диагнозе, методах лечения, связанном с ними риске, возможных вариантах и последствиях медицинского вмешательства, ожидаемых результатах лечения;

– об используемых при предоставлении платных медицинских услуг лекарственных препаратах и медицинских изделиях, в том числе о сроках их годности (гарантийных сроках), показаниях (противопоказаниях) к применению.

Нетрудно заметить, что п. 29 Правил дублирует положения ч. 1 ст. 20 Федерального закона N 323-ФЗ в части объема предоставляемой информации. При этом такая информация должна предоставляться потребителю (его законному представителю) независимо от его требования.

** Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг: постановление Правительства Российской Федерации от 4 окт. 2012 г. N 1006 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 41. Ст. 5628.

* По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2012 г. N 19-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 31. Ст. 4470.

Неудовлетворение права потребителя на предоставление информации по его требованию следует квалифицировать по ч. 1 ст. 14.4 КоАП РФ, а именно: оказание населению услуг, не соответствующих требованиям нормативных правовых актов, устанавливающих порядок (правила) оказания населению услуг.

Осуществление медицинского вмешательства без получения ИДС. Данная форма выражения объективной стороны административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 6.32 КоАП РФ, особого затруднения при анализе не вызывает. Исключения составляют положения п. 1 ч. 9 ст. 20 Федерального закона N 323-ФЗ, а именно: если медицинское вмешательство необходимо по экстренным показаниям для устранения угрозы жизни человека и если его состояние не позволяет выразить свою волю или отсутствуют законные представители (в отношении лиц, указанных в части 2 данной статьи).

Как отмечено в приказе Минздрава России от 20 июня 2013 г. N 388н, поводами для вызова скорой медицинской помощи в экстренной форме являются внезапные острые заболевания, состояния, обострения хронических заболеваний, представляющие угрозу жизни пациента*. Таким образом, возникает вопрос о необходимости получения ИДС для оказания экстренной медицинской помощи, если гражданин может выразить свою волю или присутствуют законные представители соответствующих лиц. Возможны следующие варианты возникновения ситуации применения п. 1 ч. 9 ст. 20 Федерального закона N 323-ФЗ (далее — ситуация):

- ситуация возникает в отношении совершеннолетнего дееспособного лица;
- ситуация возникает в отношении дееспособного лица, достигшего возраста, установленного ч. 5 ст. 47 и ч. 2 ст. 54 Федерального закона N 323-ФЗ;
- ситуация возникает в отношении лица, ИДС от имени которого дают его законные представители.

* Об утверждении Порядка оказания скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи: приказ Минздрава России от 20 июня 2013 г. N 388н: ред. от 5 мая 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Напомним, что в соответствии с ч. 2 ст. 11 Федерального закона N 323-ФЗ медицинская помощь в экстренной форме оказывается медицинской организацией и медицинским работником гражданину неотлагательно и бесплатно. Отказ в ее оказании не допускается. Медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента (ст. 45 Федерального закона N 323-ФЗ).

Если совершеннолетнее дееспособное лицо отказывается от медицинского вмешательства, то формально речь об отказе в оказании медицинской помощи вести не может.

Стремление сохранить свою жизнь является базовым инстинктом человека. Следовательно, отказ от экстренной медицинской помощи является, по сути, формой самоубийства. Стремление к суициду может свидетельствовать о психическом нездоровье человека. Соответственно, правомерно говорить о пассивной форме эвтаназии со стороны медицинских работников. Так, отказ от медицинского вмешательства можно рассматривать как просьбу не препятствовать наступлению смерти. В связи с этим отказ от медицинского вмешательства в первой ситуации должен считаться юридически ничтожным. При этом причинение медицинским работником вреда здоровью должно расцениваться как действия в состоянии крайней необходимости.

При втором варианте возникновения ситуации дополнительным аргументом, свидетельствующим о возможности оказания экстренного медицинского вмешательства, несмотря на отказ, является тот факт, что указанные лица несовершеннолетние. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 24 июля 1998 г. N 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» ребенком признается лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия)**.

** Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 1998 г. N 124-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 31. Ст. 3802.

установлено, что одной из целей государственной политики в интересах детей является защита детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие.

Представляется, что причина указанной проблематики кроется в отсутствии устоявшейся концепции понимания правового значения ИДС. По мнению Ю.Д. Сергеева, право пациента на дачу ИДС представляет собой «проявление принципа автономии воли; оно получило свое развитие в связи с отказом от патерналистской модели медицины, характерной для советского периода развития медицины» [1, с. 292]. Продолжая анализ правового значения ИДС, данный автор отмечает: «...законодатель совершенно справедливо исходит из основополагающего принципа — каждый здравомыслящий человек имеет неотъемлемое право распоряжаться своей жизнью и здоровьем» [1, с. 296].

А.В. Тихомиров полагает, что «информированное добровольное согласие — это не соглашение, не договор. По своей правовой природе информированное добровольное согласие — это односторонняя сделка, волеизъявление единственно правообладателя как действия, направленные на возникновение, изменение или прекращение правоотношения. Информированное добровольное согласие устанавливает границы, в пределах которых правообладатель согласен на умаление здоровья в результате медицинского вмешательства ради последующих выгод для него» [4, с. 72].

Озвученные позиции являются дискуссионными по нескольким основаниям.

1. По общему правилу ИДС дает гражданин, достигший возраста 15 лет. Имеет ли такое лицо право на самоубийство? Очевидно, что нормативно такое право не закреплено. Обязаны ли врачи спасти жизнь 15-летнему подростку, если он этого не хочет? Формально, исходя из логики положений ст. 20 Федерального закона N 323-ФЗ, не обязаны. Более того, они могут быть привлечены к ответственности за оказание такой помощи.

2. Означает ли достижение возраста 18 лет возникновение права на самоубийство путем отказа от получения медицинской помощи? Формально, если медицин-

ская помощь оказывается по экстренным показаниям, то врач не имеет права прекратить ее оказывать. Иное свидетельствует о пассивной эвтаназии.

3. ИДС является основанием освобождения от юридической ответственности при наступлении неблагоприятных последствий.

При возникновении третьего варианта ситуации следует отметить, что законные представители не могут действовать во вред представляемым лицам. Следовательно, их отказ от медицинского вмешательства по экстренным показаниям в отношении представляемого является юридически ничтожным. Тем не менее действующее законодательство предусматривает достаточно «оригинальную» модель правового поведения участников правоотношений при данном варианте ситуации.

Во-первых, ч. 5 ст. 20 Федерального закона N 323-ФЗ предусматривает право, а не обязанность медицинской организации обратиться в суд с заявлением в защиту прав лица, которому медицинское вмешательство необходимо для спасения жизни. Привлечение субъекта правоотношений к какой-либо ответственности за отказ в реализации права в принципе невозможно.

Во-вторых, законодатель посредством главы 31.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации предусмотрел механизм реализации права медицинской организации на обращение в суд с соответствующим административным иском. Анализ такого механизма позволяет прийти к следующим выводам:

— для спасения жизни несовершеннолетних или недееспособных совершеннолетних лиц необходимо судебное решение. Необходимость оказания экстренной медицинской помощи устанавливается лицом, которое, как правило, не имеет профильного медицинского образования. Использование судьей экспертного заключения невозможно в силу ограниченности времени для принятия решения;

— для того, чтобы спасти жизнь ребенка или недееспособному лицу, необходимо подготовить и представить в суд административное исковое заявление с приложением необходимых документов.

Если необходимость в оказании экстренной медицинской помощи возникла в ночное время, то нужно ждать начала рабочего дня;

– судья обязан рассмотреть исковое заявление в день его подачи и обратиться к немедленному исполнению;

– исполнение будет осуществляться медицинскими работниками, если ребенок или недееспособный гражданин находится в медицинской организации. В ином случае судебный пристав-исполнитель должен доставить нуждающегося в экстренной медицинской помощи гражданина в медицинское учреждение. При этом остается неясным право медицинских работников удерживать несовершеннолетних или недееспособных лиц до момента вынесения судом решения, если законный представитель настаивает на своем праве покинуть медицинское учреждение.

Такой механизм разрешения третьего варианта ситуации, на наш взгляд, представляет собой легальное пособничество в совершении преступного посягательства на жизнь и здоровье несовершеннолетних или недееспособных совершеннолетних лиц.

Считаем необходимым акцентировать внимание на том, что непредоставление экстренной медицинской помощи в рассмотренных вариантах ситуации должно образовывать в зависимости от тяжести наступивших последствий состав преступления, предусмотренного ст. 124 или ст. 125 УК РФ. По нашему мнению, даже при отсутствии последствий в виде вреда здоровью действия персонала медицинской организации необходимо квалифи-

цировать по ст. 125 УК РФ, учитывая формальный состав данного преступления.

В заключение можно сформулировать следующие выводы:

1) неисполнение требований законодательства при получении ИДС образует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 6.32 КоАП РФ;

2) информирование гражданина, предусмотренное ч. 1 ст. 20 Федерального закона N 323-ФЗ, по требованию пациента должно осуществляться в письменной форме. Неисполнение такого требования образует состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.59 или ч. 1 ст. 14.4 КоАП РФ (в зависимости от организационно-правовой формы медицинской организации);

3) неоказание медицинской помощи по экстренным показаниям на основании отказа от нее означает легализацию права на самоубийство лица, достигшего возраста предоставления ИДС;

4) неоказание медицинской помощи по экстренным показаниям в отношении лица, не способного на предоставление ИДС, на основании отказа от нее представляет собой легализацию пособничества в причинении вреда здоровью или смерти такому лицу;

5) осуществление медицинского вмешательства по экстренным показаниям для устранения угрозы жизни человека является основанием признания действий медицинского работника как совершаемых в условиях крайней необходимости в случае, если медицинская помощь оказана качественно.

Список литературы

1. Сергеев Ю.Д. Медицинское право: учеб. комплекс: в 3 т. Т. 1. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. 784 с.
2. Беляева О.В. Добровольное информированное согласие на медицинское вмешательство в свете практики судов Российской Федерации и Европейского суда по правам человека // Медицинское право: теория и практика. 2018. Т. 4. N 2 (8). С. 13-20.
3. Синюгин В.Ю. Административно-правовой статус субъектов, осуществляющих публично значимые функции // Административное право и процесс. 2014. N 11. С. 25-28.
4. Тихомиров А.В. Теория медицинской услуги и медицинского деликта: учеб.-науч. пособие. М.: ЮрИнфЗдрав, 2012. 110 с.

References

1. Sergeev Yu.D. Meditsinskoe pravo. V 3 t. T. 1 [Medical law. In 3 volumes. Vol. 1]. Moscow, GEOTAR-Media Publ., 2008. 784 p.
2. Belyaeva O.V. Dobrovol'noe informirovannoe soglasie na meditsinskoe vmeshatel'stvo v svete praktiki sudov Rossiyskoy Federatsii i Evropeyskogo suda po pravam cheloveka [Voluntary informed consent to medical

intervention according to the practice in the courts of the Russian Federation and the European court of human rights]. *Meditsinskoe pravo: teoriya i praktika – Medical law: theory and practice*, 2018, vol. 4, no. 2 (8), pp. 13-20.

3. Sinyugin V.Yu. *Administrativno-pravovoy status sub'ektov, osushchestvlyayushchih publichno znachimye funktsii* [Administrative and legal status of entities performing publicly important functions]. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative law and process*, 2014, no. 11, pp. 25-28.

4. Tihomirov A.V. *Teoriya meditsinskoy usluzhi i meditsinskogo delikta* [Theory of medical services and medical tort]. Moscow, YurInfoZdrav" Publ., 2012. 110 p.

Раздел 4. Уголовный закон

МАЛЫХИНА Т.А., кандидат юридических наук, доцент, malykhina_t@mail.ru Кафедра уголовного права и криминологии; Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 664017, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110	MALYKHINA T.A., Candidate of Legal Sciences, associate professor, malykhina_t@mail.ru Chair of criminal law and criminology; East Siberian Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Lermontov St. 110, Irkutsk, 664074, Russian Federation

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 258.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Возрастающий криминальный интерес к особо ценным диким животным и водным биологическим ресурсам, относящимся к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, огромный ущерб, причиняемый государству, а также сокращение популяции таких биологических ресурсов обусловили введение в уголовный закон статьи 258.1. По мнению автора, норма, охватывающая два самостоятельных состава, имеет достаточно сложную структуру, в связи с чем на практике при квалификации предусмотренных данной статьей деяний нередко возникают сложности, связанные с ее толкованием. В статье анализируются особенности определения признаков объективной стороны преступлений, которая состоит из альтернативных деяний: незаконных, то есть противоречащих установленному порядку, добычи, содержания, приобретения, хранения, перевозки, пересылки и продажи особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов. При этом обозначены основные условия правомерности таких действий, как оборот и (или) добыча, совершаемых с рассматриваемым предметом преступления. Особое внимание уделено вопросу разрешения конкуренции пункта «б» части 2 с частями 1.1, 2.1 и 3.1 статьи 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: незаконная добыча; незаконный оборот, особенно ценные дикие животные; водные биологические ресурсы; объективная сторона преступления; состав преступления; Красная книга Российской Федерации.

CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS OF THE ELEMENTS OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE CRIMES PROVIDED BY ARTICLE 258.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The increasing criminal interest in the rarest wild animals and aquatic biological resources related to species listed in the Red Book of the Russian Federation and (or) protected by international treaties of the Russian Federation, the huge damage caused to the state, as well as the reduction of the population of such animals and biological resources, determined the introduction of article 258.1 to the criminal legislation. According to the author's opinion, the norm, covering two separate corpus delicti, has a rather complicated structure. Therefore, when qualifying the acts provided by it, the difficulties connected with its interpretation often arise. The particular characteristics of determining the elements of the objective side of the crimes, which consists of alternative acts: illegal (that is, contrary to the established procedure) hunting or capturing, maintenance, purchase, possession, transportation and trade of the rarest wild animals and aquatic biological resources are analyzed in the article. The basic conditions for the legality of such actions as trade and (or) hunting or capturing committed with the considered object of the crime are indicated. Special attention is paid to the issue of resolving the competition of paragraph (b) of part 2 with parts 1.1, 2.1 and 3.1 of article 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: poaching; illegal wildlife trade; the rarest wild animals; aquatic biological resources; objective side of the crime; corpus delicti; the Red Book of the Russian Federation.

Охрана окружающей природной среды относится к важнейшим задачам, стоящим перед человечеством, от эффективности ее решения зависит жизнь на нашей планете. Одна из наиболее эффективных форм охраны окружающей природной среды – это создание системы норм и ограничений, сдерживающих антропогенное воздействие на природу. Нормы, предусматривающие ответственность за экологические преступления (глава 26 УК РФ), являются достаточно сложными с точки зрения правоприменения. Прежде всего это связано с особенностями конструкций данных норм.

На сегодняшний день в рассматриваемой главе уголовного закона одной из наиболее интересных, сложных по своей конструкции является норма, предусматривающая уголовную ответственность за незаконные действия с таким предметом преступления, как особо ценные дикие

животные и водные биологические ресурсы, принадлежащие к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ст. 258.1 УК РФ).

Данная норма была включена в Уголовный кодекс Российской Федерации в 2013 г.* и неоднократно изменялась. Вместе с тем она оказалась достаточно действенной – практически сразу появилась следственная и судебная практика по делам о преступлениях, предусмотренных данной статьей. Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации, начиная с 2013 г. совершаются в нашей стране с каждым годом все чаще, о чем свидетельствуют данные официальной статистики. (см. табл.).

Таблица

Количество зарегистрированных в Российской Федерации в 2013–2018 гг. преступлений, предусмотренных ст. 258.1 УК РФ (всего и в процентном отношении к зарегистрированным экологическим преступлениям)**

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 258.1 УК РФ	74	920	1144	1206	1095	1120
Удельный вес преступлений, предусмотренных ст. 258.1 УК РФ, в общей структуре экологических преступлений (%)	0,3	3,6	4,6	5,1	4,5	4,7

** ГИАЦ МВД России // МВД России: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф>

Это позволяет утверждать о необходимости уголовно-правового исследования ст. 258.1 УК РФ с целью возможного дальнейшего ее совершенствования, а также повышения эффективности правового применения.

Следует отметить, что уже проведен ряд исследований, посвященных проблемам уголовно-правового регулирования незаконных добычи и оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федера-

ции. В настоящее время многие исследователи, в том числе О.Л. Дубовик, Н.Э. Мартыненко, Ю.В. Трунцевский, А.М. Максимов, Е.П. Ильина, Р.А. Забавко, П.Р. Базаров, изучают вопросы так называемой экологической преступности.

Например, отмечается особая опасность деяний, причиняющих вред объектам животного мира и экологии в целом [1, с. 7]. На разных этапах развития уголовного

* О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 2 июня 2013 г. N 150-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 27. Ст. 3442.

законодательства, до принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года, а также после его принятия и вступления в силу, нормы, предусматривающие уголовную ответственность за посягательства на водные биологические ресурсы, регулярно существенно видоизменялись. На протяжении всей истории развития норм об ответственности за экологические преступления и, в частности, за посягательства на рыбные богатства, запреты на посягательства подобного рода всегда вызвали большой интерес как со стороны законодателя, так и со стороны правоприменителя [2, с. 55].

По мнению П.Р. Базарова, наличие в УК РФ ст. 258.1 так или иначе повлечет ряд проблем, связанных с квалификацией рассматриваемых деяний, и, соответственно, потребуется определенное время для их выявления и решения, а также для накопления практического опыта применения данной статьи [3, с. 28]. В связи с этим потребность в многоаспектном, комплексном исследовании положений ст. 258.1 УК РФ сомнений не вызывает. Прежде всего необходимо проанализировать общественную опасность преступлений, предусмотренных ст. 258.1 УК РФ. Важно отметить, что анализ объективных признаков данных деяний позволит отразить как характер, так и степень их общественной опасности. Признак общественной опасности незаконных добычи и оборота рассматриваемого предмета преступления является обязательным материальным признаком любого уголовно наказуемого деяния, который в конечном итоге характеризует его вредные последствия (ч. 1, 2 ст. 14 УК РФ).

Таким образом, деяния, связанные с незаконной добычей и оборотом особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, в первую очередь наносят непоправимый вред общественным отношениям, складывающимся по поводу благоприятного существования окружающей среды как одного из важнейших прав человека, закрепленных в ст. 42 Конституции Российской Федерации. В УК РФ в качестве одной из его задач определена охрана окружающей среды от преступных посягательств (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Следовательно, право каждого человека на благоприятную окружающую среду представляет собой одну из важнейших социальных

ценностей, подлежащих безусловной уголовно-правовой защите.

До момента введения ст. 258.1 в УК РФ в случаях совершения указанных противоправных деяний в отношении рассматриваемого предмета преступления виновные лица привлекались к уголовной ответственности по п. «а» ч. 1 ст. 256 или п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ. В иных случаях осуществления незаконных деяний в отношении рассматриваемого предмета преступлений (их добычи или оборота, например, продажи, хранения, перевозки и др.) виновные «уходили» от уголовной ответственности. К ним могли быть применены лишь меры административной ответственности (ст. 8.35 КоАП РФ). Но административный штраф, налагаемый в таких случаях на виновных (в размере от 2500 до 5000 рублей) за незаконный оборот редких, находящихся под угрозой исчезновения видов диких животных, несоизмеримый с характером и степенью общественной опасности подобных деяний, был не способен должным образом выполнять превентивную функцию.

Степень общественной опасности преступлений, предусмотренных ст. 258.1 УК РФ, крайне высока, поскольку они наносят невосполнимый вред экологии страны и мира в целом, ставя под угрозу исчезновения особые виды водных животных и ресурсов, которые подлежат усиленной охране со стороны государства и которых, к сожалению, с каждым годом и так становится все меньше. Показатели качества окружающей среды в последние годы неблагоприятны, наблюдается заметный рост токсичных выбросов, уменьшение популяции живых организмов, о чем свидетельствует статистика [4, с. 3]. Особенность рассматриваемых деяний заключается в первую очередь в специфике предмета преступления, в качестве которого в данном случае выступают дикие животные или водные биологические ресурсы, включенные в перечень особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, утвержден-

ный Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 октября 2013 г. N 978*, что имеет существенное значение для квалификации.

Анализируемая норма содержит два самостоятельных состава преступления (в чч. 1 и 1.1). В первую очередь обратимся к особенностям объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 258.1 УК РФ. Рассматриваемый элемент состава преступления представляет собой совершение одного или нескольких из ряда альтернативных действий, указанных в УК РФ. Таким образом, деяние выражается в форме перечисленных в диспозиции действий. Состав преступления является формальным. Преступление будет считаться оконченным в момент, когда виновное лицо совершит хотя бы одно из альтернативных действий, перечисленных в ч. 1 ст. 258.1 УК РФ.

Незаконная добыча (например, отлов, вылов) особо ценных водных биологических ресурсов или диких животных состоит в совершении действий, умышленно направленных на их непосредственное фактическое изъятие из естественной природной среды обитания. Наряду с этим деяние может быть выражено в завладении такими ресурсами при несоблюдении норм экологического законодательства (например, осуществление незаконной охоты на таких животных).

Добыча в данном случае — это не только факт отлова или умерщвления особо ценного дикого животного или биологического водного ресурса, являющегося предметом данного преступления, но и другие действия, фактически составляющие охоту на них. Это могут быть поиск, отслеживание, преследование, первичная переработка, транспортировка и так далее.

Вместе с тем имеют место случаи, когда добыча особо ценных диких животных и

водных биоресурсов может быть правомерной. Согласно п. 13.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. N 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, будут являться правомерными, если они были совершены представителями коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (по специальным разрешениям), а также иными лицами, если это деяние было совершено в условиях крайней необходимости (например, умерщвление животного с целью самозащиты)**.

Следующим действием, характеризующим объективную сторону рассматриваемого преступления, является содержание особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации. Под содержанием в данном случае необходимо понимать поддержание процесса нахождения животного в состоянии неволи, в том числе в состоянии относительной свободы. Иными словами, виновный совершает любые действия, контролирующие и (или) поддерживающие жизнедеятельность этого животного, осуществляя таким образом полномочия, присущие праву собственности. В научной литературе нередко указывается на то, что содержание также может включать в себя различные действия по уходу, кормлению, лечению такого особо ценного животного [5, с. 148]. Например, содержание диких особо охраняемых зверей в домашнем зверинце, террариуме, использование ловчей птицы для охоты и т.д.

** О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 окт. 2012 г. N 21. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

* Об утверждении перечня особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 31 окт. 2013 г. N 978 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 45. Ст. 5814.

Приобретение как элемент объективной стороны рассматриваемого преступления включает в себя получение в свое личное пользование, независимо от способа, особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации. Это могут быть такие действия, как покупка, получение в дар, бартер, в результате которых предмет преступления переходит во владение к виновному лицу.

Приобретение будет считаться оконченным в случае, если виновный становится фактическим обладателем предмета преступления. Под хранением следует понимать временное или постоянное удержание животного или водного биологического ресурса (а также его частей и дериватов) для различных целей виновного (например, для дальнейшей продажи третьим лицам, употребления в пищу и др.). Таким образом, данное деяние будет считаться оконченным преступлением независимо от временного промежутка, в течение которого виновное лицо хранило предмет преступления.

При квалификации деяний хранение следует отличать от содержания предмета преступления, осуществляя которое, виновный осознанно поддерживает жизнедеятельность живого животного или водного биологического ресурса, что в данном случае не предусматривается.

Перевозка предполагает перемещение предмета преступления из одного пункта в другой с использованием любого вида транспортных средств. Вместе с тем незаконная перевозка может осуществляться одновременно с сокрытием предмета преступления в тайнике, оборудованном непосредственно в самом транспортном средстве или в одежде виновного, а также в находящихся при нем багаже или иных предметах. В подобных случаях следует отграничивать перевозку от хранения индивидуально в каждом конкретном случае по направленности умысла виновных лиц, а также с учетом всех фактических обстоятельств совершаемых деяний. Кроме этого, могут иметь место случаи совокупности таких деяний, как хранение и

перевозка указанных предметов, в зависимости от умысла и направленности действий виновных.

Под пересылкой следует понимать перемещение рассматриваемых животных и водных ресурсов из одного пункта в другой. Обычно это происходит посредством различных транспортных организаций, почтовых услуг, посыльных лиц и т.д.

Пересылка – «действия лица, направленные на перемещение предмета преступления адресату, когда эти действия по перемещению осуществляются без непосредственного участия отправителя (например, в почтовых отправлениях, посылках, багаже с использованием средств почтовой связи, воздушного или другого вида транспорта, а также с нарочным при отсутствии осведомленности последнего о реально перемещаемом объекте или его сговора с отправителем)»*.

При этом перемещение будет считаться оконченным в момент осуществления виновными лицами непосредственной отправки багажа или посылки. В этом случае для квалификации деяния не будет иметь значения то, были ли они в конечном итоге получены адресатом. Пересылку следует отличать от перевозки, которая осуществляется виновным непосредственно. Под продажей подразумевается возмездная передача виновным лицом предмета преступления другим лицам. Это может быть выражено в отчуждении исследуемого предмета преступления другому лицу в процессе реализации сделки купли-продажи.

Определение понятия «продажа» содержится в ст. 454 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой «под продажей понимается возмездная передача имущества, при которой одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену)».

* О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. N 14. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Соответственно, незаконная продажа особо ценных животных и водных биологических ресурсов выражается в их передаче лицом (без соответствующего разрешения) другому лицу за денежное вознаграждение. При этом нелегальной признается продажа ценных животных (без наличия необходимого на то разрешения) лицом, которое, в свою очередь, может владеть ими как на законном, так и на незаконном основании.

Продажа будет считаться оконченной, если виновный выполнил фактически все действия, направленные на передачу другому лицу (лицам) предмета преступления, независимо от того, были ли они в итоге получены покупателем. То же самое касается случаев проведения контрольных проверочных закупок в ходе оперативно-розыскных мероприятий, при которых в процессе изъятия сотрудниками правоохранительных органов из незаконного оборота указанных предметов продажа также будет считаться оконченной.

В случаях, если лицо по не зависящим от него обстоятельствам не производит саму передачу предмета преступления покупателю, но при этом выполняет другие действия, направленные на дальнейшую продажу (незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает, перерабатывает эти предметы) и составляющие часть ее объективной стороны, то уголовная ответственность будет наступать за покушение на незаконную продажу.

Анализируя объективную сторону данного преступления, важно отметить, что в этом случае такой признак, как незаконность добычи и оборота особо ценных животных и ресурсов, является основным, криминообразующим. Этот признак содержится в диспозиции данной нормы. В науке уголовного права и в судебной практике незаконными признаются действия или бездействие, нарушающие установленный законом для соответствующих правоотношений порядок. Соответственно, в контексте исследуемой нормы необходимо установить, какие действия в отношении особо ценных диких животных и биологических ресурсов могут являться законными. Как было указано ранее, в Российской Федерации любые виды деятельности в отношении предмета рассматриваемого

преступления, которые могут повлечь сокращение количества особей или каким-либо образом ухудшить среду их обитания, являются противозаконными.

Согласно ст. 60 Федерального закона от 10 января 2002 г. N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»^{*} редкие и находящиеся под угрозой исчезновения дикие животные подлежат особой охране государством и изъятию из какого-либо хозяйственного использования. Вместе с тем ограничения на добычу и оборот редких и исчезающих видов диких животных содержатся и в иных нормативных правовых актах, таких как Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. N 52-ФЗ «О животном мире», Федеральный закон от 1 мая 1999 г. N 94-ФЗ «Об охране озера Байкал», и др. Иными словами, законодательство, регулирующее отношения в сфере экологии, с одной стороны, устанавливает строгий запрет на добычу или оборот указанных объектов животного мира, с другой – предусматривает исключительные обстоятельства, при наличии которых такие действия в отношении их могут считаться правомерными.

Анализ законодательства в исследуемой области позволяет выделить основные условия правомерности вышеуказанных действий (таких, как оборот и (или) добыча), совершаемых с рассматриваемым предметом преступления. Указанные действия могут считаться законными в случае, если у лиц, их осуществляющих, имеется необходимое разрешение – распорядительная лицензия, выданная в установленном законом порядке, а также, если ими при этом соблюдаются предписанные данным разрешением условия.

Например, существует особый порядок, предусмотренный соответствующими правилами добычи объектов животного мира, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации (помимо водных биологических ресурсов). Согласно им добыча такого специфического предмета может быть признана законной, но лишь в особых, исключительных случаях. Это возможно,

^{*} Об охране окружающей среды: федер. закон от 10 янв. 2002 г. N 7-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 2. Ст. 133.

например, в целях сохранения или же осуществления мониторинга состояния популяций таких животных и водных биологических ресурсов, контроля за их численностью, охраны здоровья населения и т.п.

Кроме того, существуют правила легальной продажи товаров, изготовленных из объектов животного мира, которые принадлежат к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации (меховые, кожаные изделия, украшения, одежда, аксессуары, обувь, продукты, изготовленные из меха или кожи таких животных, и др.)^{*}.

Таким образом, законный оборот диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации, регулируется нормативными правовыми актами, в соответствии с которыми таковым могут считаться добыча и оборот указанных объектов животного мира в строго определенных целях и на основании разрешения, выдаваемого Федеральной службой по надзору в сфере природопользования. Соответственно, действия, совершенные в нарушение указанных условий, будут считаться незаконными.

Далее рассмотрим особенности объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1.1 ст. 258.1 УК РФ. Она выражается в деянии, представляющем собой совершение одного из двух действий – приобретения или продажи особо ценного дикого животного или водного биологического ресурса, их частей и дериватов с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Преступление будет окончено с момента выполнения обеими сторонами условий договора купли-продажи либо осуществления действия в виде приобретения предмета преступления указанными в диспозиции способами. Как показывает анализ судебной практики по подобным делам, для того, чтобы преступление считалось оконченным, необходимо, чтобы действия по приобретению или покупке указанного предмета были воспроизведе-

ны в полной мере, причем именно специальным способом, со специальными средствами: с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Указанные средства могут быть использованы виновными для поиска предложений о приобретении или продаже предмета преступления, размещения объявлений с этой целью и т.д. Кроме того, такие способ и средства могут быть использованы для достижения договоренности между сторонами о предмете сделки или для организации расчетов по ней.

Вводя часть 1.1 в рассматриваемую статью УК РФ, законодатель выделил из ч. 1 два отдельных вида деяния (приобретение и продажу предметов преступления) и установил повышенную уголовную ответственность за их совершение посредством использования средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Если указанные деяния совершаются иными способами, то содеянное следует квалифицировать по ч. 1 ст. 258.1 УК РФ.

Вместе с тем наличие в ч. 2 ст. 258.1 УК РФ пункта «б» (который в качестве квалифицирующего признака предусматривает совершение преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) создает условия для конкуренции данной нормы с частями 1.1, 2.1 и 3.1, когда деяние совершено в форме приобретения или продажи предмета преступления.

Думается, что конкуренция должна быть разрешена следующим образом: части 1.1, 2.1 и 3.1 применяются в случаях, если средства массовой информации либо электронные или информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть Интернет, используются для обеспечения совершения общественно опасного деяния. Например, достижение соглашения на совершение сделки, осуществление посредством электронных средств платежей, размещение рекламы в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (в том числе в

^{*} См.: О добывании объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты: постановление Правительства Российской Федерации от 10 янв. 2009 г. N 18 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. N 4. Ст. 509.

сети Интернет) являются способами совершения преступления, в связи с чем содеянное следует квалифицировать по частям 1.1, 2.1 и 3.1. В том же случае, когда в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) публично демонстрируется процесс или результат приобретения или продажи предмета преступления, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ, содеянное следует квалифицировать по п. «б» ч. 2 или по ч. 3 ст. 258 УК РФ.

Части 3 и 3.1 данной статьи предусматривают в качестве квалифицирующего признака совершение анализируемых деяний (предусмотренных чч. 1 или 2, а также 1.1 или 2.1) организованной группой.

Таким образом, содеянное следует квалифицировать с применением указанного признака, отягчающего ответственность виновного лица, в случаях, когда его действия по добыче, содержанию, приобретению, перевозке, пересылке, хранению, продаже рассматриваемого предмета преступления, его частей и дериватов (производных), а также его незаконные продажа или приобретение были осуществлены с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы:

1. Включение в УК РФ статьи 258.1 обусловлено, в первую очередь, ежегодно увеличивающимся количеством посягательств на особо охраняемых государством диких животных и водные биоресурсы. Настоящая норма имеет достаточно сложную структуру и при квалификации предусмотренных в ней деяний на практике нередко возникают сложности, связанные с ее толкованием. Это вызывает необходимость всестороннего юридического анализа данной нормы.

2. Объективная сторона рассматриваемых преступлений состоит из альтернативных деяний: незаконных добычи, содержания, приобретения, хранения, перевозки, пересылки и продажи особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов. Все они незаконны постольку, поскольку противоречат установленному порядку их добычи и (или) оборота. При квалификации деяний важно определить, законными или криминальными были указанные действия на основании описанных в исследовании критериев.

3. Преступление, предусмотренное ст. 258.1 УК РФ, совершенное в форме добычи, имеет формально-материальный состав и считается в равной степени оконченным как в процессе незаконной добычи указанных предметов, так и при ее удачном завершении. Любые действия, непосредственно направленные на незаконную добычу (вылов) рассматриваемого предмета преступления, а именно его поиск, выслеживание и преследование, составляют оконченное преступление, предусмотренное ст. 258.1 УК РФ. То же самое относится и к последующей незаконной транспортировке и первичной переработке.

4. Преступления, предусмотренные ст. 258.1 УК РФ, имеют специфические признаки, позволяющие отграничить их от иных смежных составов, а также административных правонарушений. Главным из указанных признаков является предмет преступления, который составляют исключительно дикие животные или водные биологические ресурсы, включенные в перечень особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 октября 2013 г. N 978.

Список литературы

1. Забавко Р.А. Уголовная ответственность за преступления против окружающей среды и природных ресурсов: монография / под науч. ред. Е.В. Роговой. Иркутск, 2016. 123 с.
2. Малыхина Т.А., Репецкая А.Л. Уголовная ответственность за незаконную добычу водных биологических ресурсов. Иркутск, 2018. 112 с.

3. Базаров П.Р. Уголовно-правовая охрана особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. 212 с.
4. Забавко Р.А. Дифференциация уголовной ответственности за экологические преступления: исторический аспект // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. N 1 (76). С. 105-112.
5. Забавко Р.А. Уголовная ответственность за незаконную охоту: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017. 196 (С. 148) с.

References

1. Zabavko R.A. Uголовnaya otvetstvennost' za prestupleniya protiv okruzhayushchej sredy i prirodnyh resursov [Criminal liability for crimes against the environment and natural resources]. Irkutsk, 2016. 123 p.
2. Malykhina T.A., Repetskaya A.L. Uголовnaya otvetstvennost' za nezakonnuyu dobychu vodnyh biologicheskikh resursov [Criminal liability for illegal extraction of aquatic biological resources]. Irkutsk, 2018. 112 p.
3. Bazarov P.R. Uголовno-pravovaya ohrana osobo tsennykh dikih zhivotnykh i vodnyh biologicheskikh resursov. Kand. Diss. [Criminal law protection of especially valuable wild animals and aquatic biological resources. Cand. Diss.]. Ekaterinburg, 2017. 212 p.
4. Zabavko R.A. Differenciaciya uголовnoy otvetstvennosti za ekologicheskie prestupleniya: istoricheskiy aspekt [Differentiation of criminal responsibility for environmental crimes: a historical aspect]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016, no. 1 (76), pp. 105-112.
5. Zabavko R.A. Uголовnaya otvetstvennost' za nezakonnuyu ohotu. Kand. Diss. [Criminal liability for illegal hunting. Cand. Diss.]. Omsk, 2017. 196 p.

БЕЛЕЦКИЙ И.А., кандидат юридических наук, abinik@inbox.ru	BELETSKY I.A., Candidate of Legal Sciences, abinik@inbox.ru
Научно-исследовательский отдел;	Research department;
Омская академия	Omsk Academy of the Ministry
Министерства внутренних дел	of the Interior of the Russian Federation,
Российской Федерации,	Komarova St. 7,
644092, г. Омск,	Omsk, 644092,
ул. Комарова, 7	Russian Federation

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЭТИЛОВОГО СПИРТА, АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ: ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ

Аннотация. В работе дается оценка объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 171.3 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автор приходит к выводу о том, что перенос определения понятия оборота алкогольной продукции из Федерального закона от 22 ноября 1995 г. N 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» в диспозицию анализируемой нормы является неверным решением законодателя, так как действующая редакция статьи 171.3 уголовного закона позволяет правоприменителю оценивать в качестве преступлений деяния, которые по смыслу отраслевого закона не подлежат обязательному лицензированию и, следовательно, не являются преступными. Отсутствие в диспозиции анализируемой статьи цели сбыта не позволяет квалифицировать как оконченное преступление факты закупки, перевозки и хранения алкогольной продукции, которые были совершены для ее последующего сбыта. Автором статьи сформулирована и предложена новая редакция части 1 статьи 171.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая, по его мнению, позволит обеспечить эффективную уголовно-правовую охрану общественных отношений в сфере государственного регулирования оборота алкогольной продукции.

Ключевые слова: незаконный оборот алкогольной продукции; алкогольная продукция; этиловый спирт; объективная сторона преступления.

ILLEGAL TRAFFICKING OF ETHYL ALCOHOL AND PRODUCTS CONTAINING ALCOHOL: CHARACTERISTICS OF THE OBJECTIVE SIDE

Annotation. The objective side of the crime, provided by article 171.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, is estimated. The author comes to the conclusion that transferring the definition of the concept of turnover of alcoholic beverages from the Federal Law of the Russian Federation of November 22, 1995 No. 171-FL "On the state regulation of production and trafficking of ethyl alcohol and products containing alcohol and restriction of consumption (drinking) of alcoholic beverages" in the disposition of the analyzed norm is the wrong decision of the legislator, since the current wording of article 171.3 of the Criminal Code allows the law enforcer to qualify the acts which, within the meaning of a sectoral legislation, are not subject to compulsory licensing and, therefore, are not criminal, as a crime. The absence of the purpose of sales in the disposition of the analyzed article does not allow to qualify the facts of purchase of alcoholic beverages, their transportation and storage, committed for subsequent sale as a completed crime. The author of the article has formulated and proposed a new wording of part 1 of article 171.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. In his opinion, it will provide the effective criminal law protection of public relations in the sphere of state regulation of the turnover of alcoholic beverages.

Keywords: illegal alcohol trade; products containing alcohol; ethanol; the objective side of the crime; corpus delicti.

Статья 171.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) устанавливает ответственность за производство, закупку (в том числе импорт), по-

ставки (в том числе экспорт), хранение, перевозки и (или) розничную продажу этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей

щей лицензии в случаях, если такая лицензия обязательна, совершенные в крупном размере, который начинается от ста тысяч рублей.

Состав указанного преступления является формальным, а сама норма — бланкетной. Для ее правильного применения необходимо обращаться к правилам, установленным Федеральным законом от 22 ноября 1995 г. N 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (далее — Закон N 171-ФЗ). Согласно п. 2 ст. 18 Закона N 171-ФЗ лицензированию подлежат:

1) производство, хранение и поставки произведенного этилового спирта, в том числе денатурата;

2) производство, хранение и поставки произведенной алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции;

3) хранение этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции;

4) закупка, хранение и поставки алкогольной и спиртосодержащей продукции;

5) производство, хранение и поставки спиртосодержащей непищевой продукции;

6) розничная продажа алкогольной продукции;

7) перевозки этилового спирта (в том числе денатурата) и нефасованной спиртосодержащей продукции с содержанием этилового спирта более 25 процентов объема готовой продукции;

8) производство, хранение, поставки и розничная продажа произведенной сельскохозяйственными производителями винодельческой продукции*.

Согласно п. 2 ст. 18 Закона N 171-ФЗ получение лицензии необходимо лишь при осуществлении указанных видов деятельности, которую необходимо призна-

вать предпринимательской, то есть самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельностью, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг (ст. 2 ГК РФ). Лицензируемая деятельность предполагает совершение организацией цикла действий, направленных на получение прибыли: покупка (изготовление) — продажа [1, с. 5].

Все виды деятельности, подлежащие лицензированию, направлены на вовлечение этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (далее — «алкогольная продукция») в оборот, то есть продажу и извлечение прибыли. Хранение «алкогольной продукции» и перевозки этилового спирта (в том числе денатурата) и нефасованной спиртосодержащей продукции с содержанием этилового спирта более 25 процентов объема готовой продукции подлежат лицензированию, поскольку являются возмездными услугами — хранится и перевозится чужая «алкогольная продукция».

Вместе с тем из диспозиции комментируемой нормы следует, что, например, перевозка или хранение «алкогольной продукции» без соответствующей лицензии в случае, если такая лицензия обязательна, совершенные в крупном размере, образуют состав преступления. К такому выводу приходит правоприменитель.

Например, приговором Абаканского городского суда Республики Хакасия от 25 мая 2018 г. по делу N 1-327/2018 гражданин Б. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 171.3 УК РФ, за хранение приобретенной им алкогольной продукции в крупном размере без соответствующей лицензии**. Приговором Минераловодского городского суда Ставропольского края от 25 мая 2018 г. по делу N 1-284/2018 гражданин К. признан виновным в совершении преступления, ответственность за которое предусмотрена п. «б» ч. 2 ст. 171.3 УК РФ, за то, что с целью осуществления перевозки этилового

* О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: федер. закон от 22 нояб. 1995 г. N 171-ФЗ: ред. от 1 мая 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 48. Ст. 4553; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Приговор Абаканского городского суда Республики Хакасия от 25 мая 2018 г. по делу N 1-327/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru>

спирта в особо крупном размере приобрел этиловый спирт, который поместил в кузов автомобиля, и, управляя вышеуказанным автомобилем, осуществлял движение по автодороге «Кавказ», тем самым осуществлял перевозку этилового спирта незаконно, без соответствующей лицензии, в особо крупном размере, до тех пор, пока не был остановлен сотрудниками полиции*.

Перевозка и хранение не подлежат обязательному лицензированию, что подтверждается и Росалкогольрегулированием: «подлежит лицензированию хранение организацией этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, *не являющихся собственностью* (курсив наш. — И. Б.) данной организации»**. Аналогичный подход справедлив и для перевозки этилового спирта.

В приведенных выше примерах осужденные, вероятно, хранили и перевозили алкогольную продукцию и этиловый спирт в целях сбыта, то есть последующей «поставки» согласно терминологии Закона N 171-ФЗ, и в некоторых случаях суды указывают, что инкриминируемые деяния, например закупка и хранение, совершаются с такой целью.

Например, Ардонский районный суд Республики Северная Осетия — Алания в приговоре от 28 мая 2018 г. по делу N 1-74/2018 указал, что гражданин Ф., не имея лицензии на производство, закупку, поставки, хранение, перевозки и розничную продажу этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, с целью осуществления незаконного оборота этилового спирта, на территории Республики Северная Осетия — Алания приобрел этиловый спирт в количестве не менее 16 200 литров. В продолжение реализации преступного умысла, направленного на незаконный оборот этилового спирта, привлек для перевозки этилового спирта не осведомленного об этом гражданина А. с

целью дальнейшего сбыта за пределами Республики Северная Осетия — Алания. Своими действиями гражданин Ф. совершил преступление, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 171.3 УК РФ***.

По другому делу суд признал гражданина Х. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171.3 УК РФ, при следующих обстоятельствах: имея преступный умысел на осуществление незаконного хранения и перевозки этилового спирта, не являясь индивидуальным предпринимателем и не имея лицензии на производство, хранение и реализацию этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, с целью извлечения дохода в крупном размере, гражданин Х. у неустановленного лица незаконно приобрел 21 200 литров этилового спирта крепостью 96,6 %, после чего хранил с целью последующего сбыта. В осуществлении своего преступного умысла, с целью сбыта, гражданин Х. попытался осуществить перевозку этилового спирта на автомашине, однако она была остановлена сотрудниками полиции, а этиловый спирт обнаружен и изъят****.

Вынося подобные решения, суды не учитывают, что в диспозиции комментируемой нормы признак «с целью сбыта» отсутствует. В связи с этим возникает вопрос о квалификации деяния, состоящего, например, из закупки, перевозки и хранения приобретенной алкогольной продукции с целью ее последующих поставок, то есть сбыта, но без самого факта сбыта, а также квалификации действий лиц, которые успели реализовать лишь часть «алкогольной продукции». Вопрос этот весьма значимый, поскольку от ответа на него зависит квалификация деяния как оконченного преступления либо только как покушения на него.

Особенность нормы ч. 1 ст. 171.3 УК РФ заключается в том, что она является бланкетной и предусматривает ответственность

* Приговор Минераловодского городского суда Ставропольского края от 25 мая 2018 г. по делу N 1-284/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru>

** Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка: официальный сайт. URL: <http://www.fsrar.ru>

*** Приговор Ардонского районного суда Республики Северная Осетия — Алания от 28 мая 2018 г. по делу N 1-74/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru>

**** Приговор Правобережного районного суда Республики Северная Осетия — Алания от 29 мая 2018 г. по делу N 1-100/2018 // Там же.

за оборот «алкогольной продукции», осуществляемый без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна. Как было указано выше, лицензия нужна, если осуществляется предпринимательская деятельность, «предпринимательский» оборот «алкогольной продукции». В этом обороте, состоящем из последовательных производств (закупки), перевозки и хранения, последним действием является поставка (сбыт).

В связи с этим нельзя согласиться с утверждением М.Г. Жилкина, который полагает, что отсутствие цели сбыта в диспозиции комментируемой нормы не имеет существенного значения, поскольку, как правило, нелегальные «бутлегеры» занимаются незаконной деятельностью, стремясь получить доход, а без сбыта продукции этого достичь невозможно [2, с. 32].

Необходимо отметить, что квалификация как оконченного преступления, ответственность за которое предусмотрена соответствующей частью ст. 171.3 УК РФ, закупки алкогольной продукции, ее перевозки и хранения, совершенных в целях сбыта, однако без самого факта сбыта, является необоснованной и незаконной. Согласно действующей редакции ст. 171.3 УК РФ такие действия при доказанности умысла на сбыт (поставку или розничную продажу) могут квалифицироваться только как покушение на незаконный оборот алкогольной продукции, которое заключается, например, в закупке, хранении алкогольной продукции с целью ее поставки или розничной продажи (покушение на незаконный оборот «алкогольной продукции»). Как справедливо указывает Т.Г. Черненко, «покушение на преступление с формальным составом будет иметь место в том случае, когда выполнены не в полном объеме действия, входящие в объективную сторону преступления» [3, с. 96].

Квалификация, которую следует признать верной, дана в приговоре Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 6 июня 2018 г. по делу N 1-334/2018: Н., являясь директором общества с ограниченной ответственностью, не имел лицензий на закупку, хранение и розничную продажу алкогольной продукции. С целью извлечения дохода в крупном размере от незаконного оборота алкогольной продукции он произвел ее закупку, пере-

вез для последующей розничной торговли в арендованный магазин, где дал указания подчиненным ему продавцам, не подозревавшим о его преступных намерениях и отсутствии соответствующей лицензии, осуществлять розничную продажу вышеуказанной алкогольной продукции. Однако довести до конца умысел, направленный на розничную продажу алкогольной продукции без соответствующей лицензии, Н. не смог в связи с тем, что его преступные действия были пресечены сотрудниками полиции. Таким образом, Н. совершил покушение на розничную продажу алкогольной продукции без соответствующей лицензии в крупном размере*.

В указанном приговоре речь идет о розничной продаже алкогольной продукции, которая сама по себе подлежит лицензированию. Вместе с тем в соответствии с абз. 5 п. 4 ст. 18 Закона N 171-ФЗ лицензия на розничную продажу алкогольной продукции предусматривает право организации на осуществление закупки (за исключением импорта) алкогольной продукции по договору поставки, а также хранение закупленной алкогольной продукции и ее реализацию по договору розничной купли-продажи. Это означает, что, если признать верной квалификацию, данную в приговорах, упомянутых в начале данной статьи, то и в последнем примере необходимо квалифицировать действия Н. как оконченное преступление, поскольку он закупил и хранил алкогольную продукцию. Однако следует учитывать, что общественная опасность комментируемого преступления состоит в вовлечении «алкогольной продукции» в оборот и извлечении прибыли без уплаты налогов в бюджет**. Как справедливо ука-

* Приговор Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 6 июня 2018 г. по делу N 1-334/2018 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru>

** См. пояснительную записку к законопроекту N 50030-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за нелегальный оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции)» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.duma.gov.ru>

зывает В.И. Тюнин, такие деяния расширяют сферу незаконного оборота алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции, который, с одной стороны, подрывает экономические интересы лиц, осуществляющих законную торговлю, с другой — создает условия для теневого (бесконтрольного) распространения указанной продукции и таким образом, противоречит экономическим интересам государства [4, с. 190].

Важно обратить внимание и на особенность квалификации фактов частичного сбыта приобретенной алкогольной продукции, осуществляемого без лицензии. Возникает вопрос о том, какой размер следует вменять — размер фактически проданной продукции или тот, который лицо намеревалось сбыть.

По действующему УК РФ возможны два варианта квалификации подобных деяний. Первый заключается в том, что инкриминировать необходимо тот размер (как квалифицирующий признак), который охватывался умыслом виновного, например, при квалификации получения или дачи взятки: «Если взяткодатель (посредник) намеревался передать, а должностное лицо — получить взятку в значительном или крупном либо в особо крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как оконченные дачу либо получение взятки или посредничество во взяточничестве соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере»*.

Второй вариант позволяет квалифицировать деяния виновных, отталкиваясь от размера предмета посягательства. Например, деяние следует оценивать как покушение на хищение чужого имущества с причинением значительного ущерба гражданину, если последствия в виде причинения такого ущерба не наступили по не зависящим от виновного обстоятельствам**.

* См. пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. N 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (Рос. газ. 2013. 17 июля).

** См. пункт 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 дек. 2002 г. N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (Рос. газ. 2003. 18 янв.).

Аналогичным образом квалифицируются факты сбыта наркотических средств: при направленности умысла на сбыт наркотических средств в крупном размере, но фактической передаче только части запрещенного вещества, не образующей квалифицированного признака, деяние подлежит квалификации как покушение на сбыт наркотиков в крупном (особо крупном) размере.

Можно было бы сказать, что квалификация фактически неоконченного преступления как юридически оконченного зависит от законодательной конструкции его состава, но правоприменитель не является последовательным в этом вопросе. Так, дача взятки в крупном размере, состав которой сконструирован как формальный, является оконченным преступлением в момент передачи первой суммы. В то же время незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере (формальный состав) получает уголовно-правовую оценку только как покушение на сбыт запрещенных веществ в соответствующем размере, равно как и в случаях с хищением (материальный состав).

Иначе обстоит дело с квалификацией деяний, содержащих признаки преступления, ответственность за которое установлена ч. 1 ст. 186 УК РФ «Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг». Согласно указанной норме ответственность наступает не только за сбыт поддельных денег, но и за их изготовление, хранение и перевозку, совершенные в целях сбыта. Диспозиция этой нормы позволяет квалифицировать как оконченное преступление действия, обладающие высокой степенью общественной опасности, совершаемые с целью сбыта, но без самого факта сбыта, в том числе в крупном (особо крупном) размере.

Поскольку в отношении момента окончания преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 171.3 УК РФ, отсутствуют разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, то следует отметить, что действующая редакция комментируемой нормы позволяет квалифицировать закупку, перевозку, хранение «алкогольной продукции» в особо крупном размере, совершенные с целью сбы-

та, при сбыте только части партии товара как покушение на незаконный оборот алкогольной продукции в особо крупном размере. Преступление в приговоре суда должно быть описано следующим образом: Х. совершил покушение на поставку алкогольной продукции в особо крупном размере без лицензии в случае, если такая лицензия является обязательной.

Указание в приговоре суда при описании преступления на закупку, перевозку и хранение «алкогольной продукции» имело бы смысл при условии, что преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 171.3 УК РФ, относилось бы к категории тяжких, и только в случае пресечения противоправной деятельности до факта поставки (сбыта). При этом суд должен располагать доказательствами того, что указанные действия совершены с целью поставки (сбыта). Такое деяние квалифицировалось бы как приготовление к поставке «алкогольной продукции» в особо крупном размере. Следует признать, что на практике такая квалификация была бы маловероятна.

Как указывалось выше, описание преступления как «хранение алкогольной продукции» или «перевозка этилового спирта» может иметь место в случае, когда названные действия совершаются с «алкогольной продукцией», не принадлежащей виновному.

Подытоживая отмеченное, следует отметить, что при описании объективной стороны незаконного оборота алкогольной продукции (ст. 171.3 УК РФ) законодатель использовал определение понятия «оборот», содержащееся в Законе N 171-ФЗ. Настоящее определение, вероятно, вполне удачно для отраслевого закона, так как участникам оборота «алкогольной продукции» понятно, какая деятельность попадает в сферу его регулирования, однако его перенос в диспозицию уголовно-правовой нормы следует признать нецелесообразным.

Изложенное обусловлено не только ошибками квалификации, но и тем, что при буквальном толковании нормы следует неизбежно прийти к следующему выводу: ответственность наступает не за одну поставку или за одну перевозку «алкогольной продукции», а за поставки или перевозки, то есть за действия, совершенные

не менее двух раз, в то время как закупка может быть осуществлена однократно.

При этом следует обратить внимание на то, что по одному договору поставки или договору перевозки указанные операции могут совершаться не один раз. Кроме того, возникают вопросы о том, чем — перевозкой или перевозками — является для целей ст. 171.3 УК РФ перемещение груза по одному договору перевозки несколькими машинами или за несколько подходов, а также поставкой или поставками является продажа разного товара по двум договорам поставки, если этот товар доставлялся за один рейс. Как представляется, правоприменитель должен оценивать фактическое поведение сторон, а не прикрываемые различного рода сделками и отраженные лишь в документах хозяйственные операции, которые являются «нереальными». Вместе с тем следует отметить, что ответы на поставленные вопросы требуют более детального исследования.

Кроме того, полагаем, что указание в диспозиции комментируемой нормы на розничную продажу спиртосодержащей продукции является излишним, поскольку такая деятельность, в отличие от поставки названной продукции, не подлежит лицензированию (п. 4 ст. 18 Закона N 171-ФЗ).

М.В. Бавсун и Д.В. Попов справедливо отмечают, что «количество норм уже давно преобладает над их качеством, а желание законодателя зарегламентировать все, что можно, также начинает превалировать над здравым смыслом» [5, с. 123; 6, с. 8]. Это относится и к анализируемой новелле, что нельзя признать правильным, поскольку применение норм УК РФ оказывает колоссальное влияние на судьбу конкретных людей и общества в целом.

Считаем, что для эффективной уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере государственного регулирования оборота алкогольной продукции необходимо внести изменения в диспозицию ч. 1 ст. 171.3 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Производство, закупка (в том числе импорт), хранение, перевозка в целях сбыта этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, а равно поставка (в том числе экспорт) и (или) розничная продажа этилового спирта, алкогольной и спиртосо-

державшей продукции, если эти действия совершены без соответствующей лицензии, когда такая лицензия обязательна, и в крупном размере...».

Такое решение также будет способствовать изоморфизму [7, с. 147] уголовно-правовых норм, поскольку в смежной ст. 171.1 УК РФ, а также ст. 146, ч. 5 ст. 171.1, ст.ст. 191.1, 228.1, 234, 238 УК РФ, предусматривающих схожие по механизму со-

вершения преступления*, деяние описано с указанием на цель сбыта.

* Схожесть механизмов совершения указанных преступлений, на наш взгляд, заключается в том, что противоправные деяния, как правило, изготовление, хранение, приобретение, перевозка совершаются с такими объектами гражданского оборота, с которыми разрешается совершать указанные действия только при наличии специальных условий (разрешений, статуса).

Список литературы

1. Белецкий И.А., Маскаев А.Н. Закупка, перевозка и хранение алкогольной продукции в крупном размере без цели сбыта – преступление? // Адвокатская практика. 2019. N 2. С. 3-6.
2. Жилкин М.Г. Вопросы квалификации преступлений в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции // Уголовное право. 2019. N 1. С. 29-37.
3. Черненко Т.Г. Некоторые вопросы квалификации приготовления к преступлению и покушения на преступление // Вестник Кузбасского института. 2016. N 3. С. 95-102.
4. Тюнин В.И. Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (ст. 171.4 УК РФ) в системе преступлений, связанных с незаконным оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции // Актуальные вопросы экономики и управления на современном этапе развития общества: сб. докл. по итогам IV Междунар. науч.-практ. интернет-конф. Тула, 2018. С. 189-193.
5. Бавсун М.В., Попов Д.В. Гиперопределенность уголовного права как предпосылка его деградации // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2018. С. 123-127.
6. Бавсун М.В. От неопределенности к гиперопределенности уголовного закона // Оптимизация правовой основы противодействия преступности: к 25-летию Конституции Российской Федерации: сб. науч. тр. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием: в 2 ч. Ч. 1. Волгоград, 2018. С. 8-13.
7. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография. М.: Проспект, 2014. 352 с.

References

1. Beletskiy I.A., Maskayev A.N. Zakupka, pervezozka i hranenie alkogol'noy produktsii v krupnom razmere bez tseli sbyta – prestuplenie? [The purchase, transportation and storage of alcoholic beverages on a large scale without the purpose of sale – a crime?]. Advokatskaya praktika – Law practice, 2019, no. 2, pp. 3-6.
2. Zhilkin M.G. Voprosy kvalifikatsii prestupleniy v sfere proizvodstva i oborota etilovogo spirta, alkogol'noy i spirtosoderzhashchey produktsii [Issues of qualification of crimes in the production and circulation of ethyl alcohol, alcohol and alcohol-containing products]. Ugolovnoe parvo – Criminal Law, 2019, no. 1, pp. 29-37.
3. Chernenko T.G. Nekotorye voprosy kvalifikatsii prigotovleniya k prestupleniyu i pokusheniya na prestuplenie [Some issues of qualification of preparation for a crime and attempted crime]. Vestnik Kuzbasskogo instituta – Bulletin of the Kuzbass Institute, 2016, no. 3, pp. 95-102.
4. Tyunin V.I. Nezakonnaya roznichnaya prodazha alkogol'noy i spirtosoderzhashchey pishchevoy produktsii (st. 171.4 UK RF) v sisteme prestupleniy, svyazannyh s nezakonnym oborotom alkogol'noy i spirtosoderzhashchey produktsii [Illegal retail sale of alcohol and alcohol-containing food products (Art. 171.4 of the Criminal Code of the Russian Federation) in the system of crimes related to the illicit trafficking of alcohol and alcohol-containing products]. Aktual'nye voprosy ekonomiki i upravleniya na sovremennom etape razvitiya obshchestva [Actual problems of economics and management at the present stage of development of society]. Tula, 2018. Pp. 189-193.
5. Bavsun M.V., Popov D.V. Giperopredelennost' ugovnogo prava kak predposylka ego degradatsii [Hyperdetermination of criminal law as a prerequisite for its degradation]. Ugolovnaya politika i kul'tura protivodeystviya prestupnosti [Criminal policy and culture of countering crime]. Krasnodar, 2018. Pp. 123-127.
6. Bavsun M.V. Ot neopredelennosti k giperopredelennosti ugovnogo zakona [From uncertainty to overdetermination of criminal law]. Optimizatsiya pravovoy osnovy protivodeystviya prestupnosti: k 25-letiyu Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [Optimization of the legal framework for combating crime: the 25th anniversary of the Constitution of the Russian Federation. In 2 parts. Part 1]. Volgograd, 2018. Pp. 8-13.
7. Ivanchin A.V. Konstruirovaniye sostava prestupleniya: teoriya i praktika [Construction of the crime: theory and practice]. Moscow, Prospect Publ., 2014. 352 p.

Раздел 5. Криминологическая наука

ЮЗИХАНОВА Э.Г., YUZIKHANOVA E.G.,
доктор юридических наук, профессор,
uzikhanovaeg@yandex.ru
Кафедра информационно-аналитического
и документационного обеспечения
деятельности органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

Doctor of Legal Sciences, professor,
uzikhanovaeg@yandex.ru
Chair of information, analytical
and documentation support
of the internal affairs bodies activities;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

ТЕНДЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ АВТНОМНОМ ОКРУГЕ

Аннотация. В статье на примере Ямало-Ненецкого автономного округа рассматривается социально-правовая природа преступности. Отражены основные свойства преступности — массовость и распространенность, статистическая устойчивость и закономерности, характеризующиеся рядом количественных и качественных показателей — во взаимосвязи с социально-экономическими процессами, протекающими в исследуемом субъекте Российской Федерации. Изучение регионального аспекта обусловлено особенностями организации деятельности органов внутренних дел в сфере профилактики правонарушений на специально-криминологическом уровне. Автором статьи анализируются основные показатели социально-экономической характеристики субъекта — количественный и качественный состав населения, поскольку преступность как социальное явление находится в неразрывной связи с населением. Основные тенденции преступности в целом и ее структурные составляющие (отдельные виды преступлений) в различные периоды времени претерпевают некоторые изменения, выраженные как значительным или незначительным ростом, так и соответствующим снижением. Сравнительный анализ статистических показателей социально-экономического положения Российской Федерации в целом, Уральского федерального округа и Ямало-Ненецкого автономного округа за период с 2000 по 2018 год позволил установить некоторые особенности и закономерности преступности в исследуемом регионе, имеющие значение для организации управления процессами борьбы с преступностью.

Ключевые слова: преступность; тенденции преступности; закономерности преступности; динамика преступлений; удельный вес; население.

CRIME TRENDS IN THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS DISTRICT

Annotation. The social and legal nature of crime is examined in the article on the example of the Yamalo-Nenets Autonomous District. The main characteristics of crime — mass character, crime rate, statistical stability and patterns, characterized by a number of quantitative and qualitative indicators, are described in the interrelation with social and economic processes occurring in the investigated federal subject of the Russian Federation. The study of the regional aspect is determined by the peculiarities of organizing the activities of the internal affairs bodies in the field of crime prevention at a special criminological level. The author of the article analyzes the main indicators of social and economic characteristics of the Yamalo-Nenets Autonomous District — the quantitative and qualitative composition of the population, since crime as a social phenomenon is closely linked to the population. The main crime trends in general and its structural components (certain types of crimes) in different periods of time are undergoing some changes, expressed as an increase (significant or insignificant), as well as a corresponding decrease. A comparative analysis of statistical indicators of the social and economic situation of the Russian Federation as a whole, the Ural Federal District and the Yamalo-Nenets Autonomous District from 2000 to 2018 made it possible to establish some characteristics and patterns of crime in the investigated region, that are important for organizing the process of combating crime.

Keywords: crime; crime trends; crime patterns; crime dynamics; proportion of crimes; population.

В соответствии с подп. 2 п. 1 ст. 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений является одним из основных направлений деятельности полиции*. Органы внутренних дел в своей деятельности по предупреждению преступлений руководствуются Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, законами субъектов Российской Федерации по вопросам охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности, нормативными правовыми актами МВД России и Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, утвержденной приказом МВД России от 17 января 2006 г. N 19**, которая, в свою очередь, определяет основные направления, формы и методы предупреждения преступлений, осуществляемые органами внутренних дел в пределах полномочий, предоставленных им законодательством Российской Федерации, порядок организационного и методического обеспечения этой деятельности.

Особое значение в организации предупредительной деятельности в силу социально-экономической дифференциации занимает региональный аспект. Выбор в качестве единицы исследования Ямало-Ненецкого автономного округа (далее – ЯНАО) не случаен. Особенности географического расположения, климатических условий, наличие природных ре-

сурсов обусловили определенно высокий уровень экономического развития региона. По уровню среднедушевого денежного дохода ЯНАО занимает первое место среди субъектов Российской Федерации. Тем не менее исследуемый регион не является исключением для проявления основных свойств преступности как негативного социально-правового явления. Для преступности ЯНАО характерны такие свойства, как массовость, распространенность; на основе анализа сведений о состоянии преступности с 2000 по 2018 год были установлены статистическая устойчивость и закономерность преступности в ЯНАО; историческая изменчивость преступности обусловлена правовыми оценками отдельных проявлений общественных отношений, что так же, как и все прочие факторы, находит отражение в изменении динамики преступности.

Основой предупреждения, или основным этапом, предшествующим определению комплекса предупредительных мер, является глубокая, своевременная, всесторонняя и качественная оценка оперативной и криминогенной обстановки, анализ характера и причин ее изменения, выявление актуальных проблем, нуждающихся в первоочередном решении, краткосрочном и среднесрочном прогнозировании для использования полученных результатов в управлении процессами борьбы с преступностью.

ЯНАО является одним из наиболее благополучных субъектов Российской Федерации в плане социально-экономического развития. На долю автономного округа приходится свыше половины природного и попутного газа, добываемого в Российской Федерации. Основными видами экономической деятельности в регионе являются добыча полезных ископаемых, строительство, оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, услуги транспорта и связи. Благоприятный инвестиционный климат позволил в 2017 г. привлечь 76,9 % средств от основного капитала.

Денежные доходы населения ЯНАО в основном составляют оплата труда (81,7 %), доходы от предпринимательской деятельности в общем объеме денежных

* О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ: ред. от 1 апр. 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»): приказ МВД России от 17 янв. 2006 г. N 19: ред. от 28 нояб. 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

доходов населения составляют 4,3 %, социальные выплаты – 11,9 %, 1,8 % составляют доходы от собственности и 0,3 % – так называемые скрытые доходы, полученные от продажи валюты, поступившие в результате перевода, и т.д.

Численность населения ЯНАО с 2000 по 2018 год увеличилась с 498,3 тыс. до 542 тыс. человек, при этом численность трудоспособного населения с 2005 года постепенно снижается: с 375,3 тыс. человек в 2005 году до 346,2 тыс. человек в 2017 году.

Демографические процессы в ЯНАО характеризуются превышением естественного прироста над миграционным оттоком (табл. 1) и смертностью. С 2005 по 2017 год естественный прирост на 1000 человек на-

селения увеличился с 7,9 до 9,1. Количество умерших на 1000 человек населения сократилось с 6,0 до 4,9 соответственно.

Коэффициент интенсивности миграции (общий коэффициент миграционного прироста) характеризует частоту случаев перемены места жительства в совокупности населения за данный период времени и исчисляется как отношение миграционного прироста, принятого в расчетах численности населения, к среднегодовой численности населения. Принимаемые в расчетах численности населения миграционные приросты могут отличаться от отчетных данных вследствие поправок на недоучет некоторой части случаев перемены места жительства*.

Таблица 1

Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения

	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Российская Федерация	20	19	22	21	21	19	17	18	14
УФО	-26	-12	31	19	3	7	3	12	0,3
ЯНАО	-24	-88	118	-21	-150	-112	-223	-65	-45

Количественные и качественные изменения численности населения приводят и к изменению численности занятых, одного из показателей экономической характеристики, обеспечивающего стабильность и развитие региона. Количество занятых рассчитывается от общего числа наличного населения, в состав которого входят и иностранные граждане, и лица без гражданства, коренные жители и мигранты. Среднегодовая численность занятых в 2018 году в ЯНАО составила 420,5 тыс. человек. Средняя численность работников организаций без учета субъектов малого предпринимательства с 2005 по 2017 год увеличилась с 255,9 тыс. человек до 300,8 тыс. человек. Численность официально зарегистрированных в регионе безработных сократилась в 2 раза, с 22,3 тыс. человек до 10,0 тыс. человек. Уровень безработицы также сократился почти в 2 раза, с 7,2 % в 2005 году до 3,2 % в 2017 году. Средняя заработная плата, ежемесячно начисляемая работникам организаций, без учета субъектов малого предпринимательства, за период с 2005 по 2017 год вырос-

ла с 9147 до 94 220 рублей (в 10,3 раза). По среднедушевым денежным доходам в месяц, составившим 71 705 рублей, ЯНАО занимает первое место в Российской Федерации. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в 2017 году составила 89 938 рублей.

Численность занятых коррелирует с демографическими и миграционными процессами, происходящими в регионах. В условиях демографического кризиса (снижение рождаемости, рост смертности, стремительное старение населения, сокращение численности экономически активного населения) в отдельных регионах уровень занятых компенсируется за счет трудовой миграции. В Российской Федерации с целью восполнения численности населения, в том числе повышения уровня занятого и экономически активного населения, разработана и реализуется Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению

* Федеральная служба государственной статистики: сайт. URL: <http://www.gks.ru>

в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом* (далее – Государственная программа).

Государственная программа направлена на объединение потенциала соотечественников, проживающих за рубежом, с потребностями развития российских регионов. Основной целью Государственной программы является содействие социаль-

но-экономическому развитию регионов и решение демографических проблем, в первую очередь на территориях приоритетного заселения. ЯНАО вошел в список регионов, не относящихся к приоритетным для заселения, и в период с 2012 по 2017 год принял на свою территорию 1903 участника Государственной программы, включая членов их семей (табл. 2).

Таблица 2

Численность участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом**

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Российская Федерация	11 768	29 641	56 647	33 770	105 444	179 660	142 935	115 770
УФО	182	325	1086	1009	8776	20 264	15 184	13 701
ЯНАО	–	–	83	32	592	502	402	292

** Включая членов семей участников Государственной программы

В отличие от соотечественников – участников Государственной программы, расселяемых на территории Российской Федерации согласно указанной программе, вынужденные переселенцы имеют право самостоятельно выбрать место жительства на территории Российской Федерации, в том числе в одном из населенных пунктов, предлагаемых территориальным органом

МВД России. Количество граждан Российской Федерации, выбравших местом жительства в статусе вынужденных переселенцев ЯНАО, сократилось за последние 12 лет в 19 раз, что в целом отражает тенденции снижения численности вынужденных переселенцев в Российской Федерации (в 12 раз) и Уральском федеральном округе (далее – УФО) (в 28 раз) (см. табл. 3).

Таблица 3

Численность вынужденных переселенцев (на конец года; чел.)***

	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Российская Федерация	16 8253	49 474	44 537	38 370	30 834	28 292	25 359	19 327	13 795
УФО	8139	2425	2119	1646	957	872	774	458	294
ЯНАО	131	32	23	22	14	10	10	7	7

*** Федеральная служба государственной статистики: сайт. URL: <http://www.gks.ru>

* О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: указ Президента Российской Федерации от 14 сент. 2012 г. N 1289: ред. от 15 марта 2018 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Ухудшение социально-экономической и политической ситуации в мире и в отдельных государствах, в частности на Украине, привело в 2014 году к резкому росту иностранных граждан и лиц без гражданства, нуждающихся в предоставлении им временного убежища. За период с 2014 по 2017 год на территории ЯНАО

временное убежище получили 9418 человек (см. табл. 4), одновременно приобре-

тая право на работу без получения специального разрешения*.

Таблица 4

Количество лиц, получивших временное убежище (на конец года; чел.)**

	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Российская Федерация	1061	3726	3036	2415	2822	237 780	313 707	228 392	125 442
УФО	—	17	27	22	43	22 834	27 199	17 763	8375
ЯНАО	—	—	—	—	—	2271	3069	2283	1795

** Федеральная служба государственной статистики: сайт. URL: <http://www.gks.ru>

Открытие новых месторождений и развитие прежних способствуют постоянному притоку желающих трудоустроиться. В распределении числа мигрантов по основным потокам движения большая часть приходится на другие регионы России: из числа прибывших — 23 %, из числа выбывших — 24,6 %; внутри региона на число прибывших приходится 7,3 %, на число выбывших — 10 %; международная миграция из числа выбывших составляет 3 %, из числа прибывших — 4,9 %.

Организация работы вахтовым методом, специфика распределения по отдельным отраслям занятости населения отражают и распределение наличного населения по половому признаку, соотношение которого составляет практически 1 : 1. Количество мужчин и женщин в период с 2005 по 2017 год почти не изменилось и находилось на уровне примерно по 265 тыс. человек.

При относительно стабильной численности населения и численности обучающихся по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования (в среднем около 70 тыс. человек) отмечается изменение в распределении численности студентов, обучающихся по образовательным программам среднего профессионального образования, в частности, по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих — сокращение с 3,6 тыс. человек в 2005 году до 1,9 тыс. человек в 2017 году; по программам подготовки специалистов среднего звена, наоборот, отмечается рост с 4,6 тыс. человек в 2005 году до 7,3 тыс. человек в 2017 году. Почти в 15 раз сократилась численность студентов, обучающих-

ся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, с 14,7 тыс. человек в 2005 году до 1,0 тыс. человек в 2017 году.

Изучение тенденций и закономерностей преступности имеет свою обусловленность и необходимость для установления и выявления как положительных, так и отрицательных факторов с целью оперативного корректирования комплекса профилактических мер соответствующими субъектами. Если в понятие тенденции помимо исследуемого параметра — преступности — включается фактор времени, то для установления закономерности фактор времени не обязателен. Решающим фактором, обуславливающим тенденцию, является целенаправленная деятельность человека, а главной причиной колеблемости — отклонения уровней отдельных периодов времени от тенденции динамики — изменение условий жизнедеятельности.

За исследуемый период, с 2000 по 2018 год, количество зарегистрированных преступлений в ЯНАО сократилось с 8569 до 7705. Наиболее высокие показатели были зарегистрированы в 2005 году — 13 494 и в 2006 году — 13 356 (график 1, по оси x указаны годы, по оси y — количество зарегистрированных преступлений, тыс.). Судя по уравнению линии тренда, ежегодно число зарегистрированных преступлений снижается в среднем на 71,5 преступления. Снижение регистрируемых преступлений сопровождается снижением

* О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 9 апр. 2001 г. N 274; ред. от 25 мая 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 16. Ст. 1603. URL: <http://pravo.gov.ru>

коэффициента преступности на 100 тыс. человек. Объективной характеристикой состояния преступности является расчет коэффициента преступности на население в возрасте от 14 лет и старше (см. табл. 5).

В 2018 году в ЯНАО зарегистрирован самый высокий темп снижения уровня зарегистрированных преступлений – 6,7 %, в целом по России он составил 3,3 %, в УФО – 4,6 %.

В то же время в 2018 году в ЯНАО зарегистрирован самый высокий темп прироста числа зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием огнестрельного, газового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (40,0 %), в целом по России при этом было отмечено снижение на 8,9 %, по УФО – на 4,6 %.

Темпы прироста числа погибших от преступлений в ЯНАО составили 8,3 %, в целом по России отмечено снижение на 11,2 %, по УФО – снижение на 4,7 %.

Количество зарегистрированных лиц, здоровью которых причинен тяжкий вред, по итогам 2018 года в ЯНАО снизилось на 22,7 %, в целом по России – на 19,4 %, по УФО – на 10,4 %

Темпы снижения числа преступлений, совершенных на дорогах и трассах вне населенных пунктов в ЯНАО, составили 23,2 %, по России – 6,6 %, по УФО – 15,0 %.

Темпы снижения зарегистрированных преступлений, совершенных на улицах, площадях, в парках и скверах в ЯНАО, составили 15 % и оказались выше среднероссийских показателей (снижение по России на 8 %) и в целом по УФО (12,4 %).

Несмотря на высокий уровень социально-экономического благополучия региона, почти половина от общего числа выявленных лиц, совершивших преступления, не имеет постоянного источника дохода – 55,3 %; по России удельный вес указанной категории лиц составил в 2018 году 64,6 %, по УФО – 58,3 %. При официально зарегистрированном снижении заболеваемости населения алкоголизмом и алкогольными психозами в ЯНАО с 2005 по 2017 год с 1268 до 494 человек соответственно, в 2018 году отмечается достаточно высокая доля преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, – 46,1 %, всего по России доля «пьяной» преступности составила 32,3 %, по УФО – 37,3 %.

Динамика преступлений в ЯНАО с 2000 по 2018 год

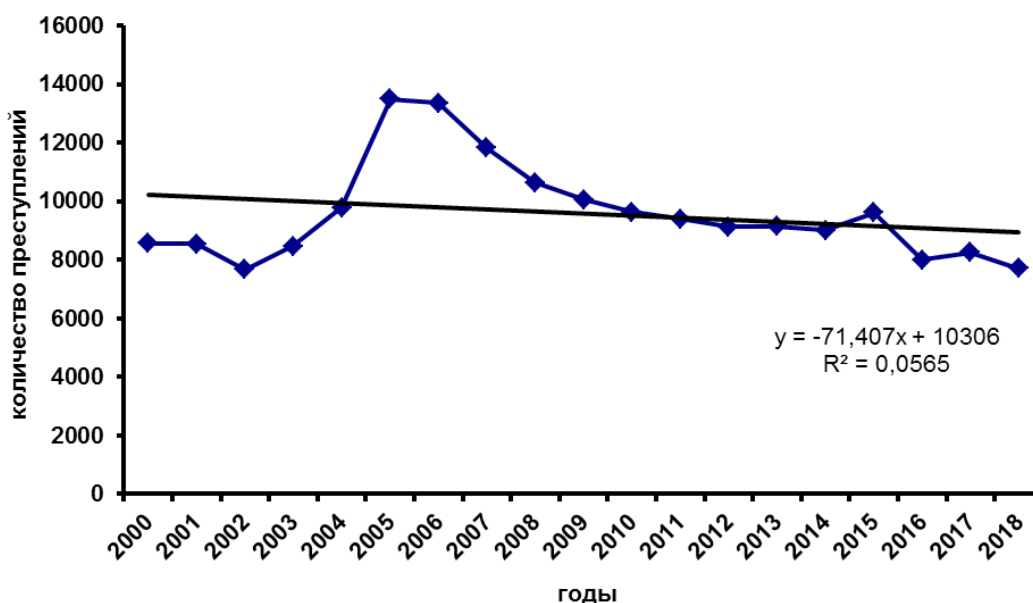

График 1

Таблица 5

Коэффициенты преступности в ЯНАО

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Всего по России												
КП на 100 тыс. человек всего населения	2700,7	2519,0	2260,3	2110,5	1852,4	1683,3	1609,3	1539,1	1500,3	1633,0	1474,0	1402,2
КП на 100 тыс. населения в возрасте 14 лет и старше	3125,6	2912,4	2617,5	2449,5	156,3	1963,8	1884,8	1810,5	1772,8	1937,9	1757,5	1677,8
УФО												
КП на 100 тыс. человек всего населения	3570,1	3177,6	2727,7	2545,7	2331,2	2082,1	1878,4	1838,3	1767,0	1869,6	1669,2	1634,1
КП на 100 тыс. населения в возрасте 14 лет и старше	4160,6	3701,9	3185,3	2982,4	2742,3	2458,7	2230,2	2195,8	2124,4	2261,2	2030,3	1995,5
ЯНАО												
КП на 100 тыс. человек всего населения	2516,9	2195,2	1958,2	1849,0	1761,7	1789,8	1699,9	1689,4	1669,2	1779,3	1497,8	1540,7
КП на 100 тыс. населения в возрасте 14 лет и старше	3086,6	2681,0	2390,9	2259,1	2155,2	2219,4	2106,1	2101,0	2090,7	2241,5	1902,8	1962,8

В последнее время особую актуальность приобретают проблемы миграционной преступности. Сравнительный анализ сведений о состоянии зарегистрированных преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, позволил установить, что удельный вес от общего числа зарегистрированных преступлений по Российской Федерации не превышает 2 %;

по УФО он составляет около 1,5 %, а на территории ЯНАО на долю преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, приходится почти 3 % (табл. 6). Из числа иностранных граждан, совершивших преступления на территории России, УФО и ЯНАО, наибольшая часть приходится на граждан государств – участников СНГ.

Таблица 6

**Количество преступлений, совершенных
иностранцами гражданами и лицами без гражданства**

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Российская Федерация	44 956	42 650	46 984	45 538	48 210	43 933	41 047	38 598
уд. вес, % от числа зарегистрированных преступлений	1,9	1,9	2,1	2,1	2,0	2,0	2,0	1,9
в том числе гражданами государств – участников СНГ	40 499	37 319	40 295	39 438	42 070	38 501	36 233	34 323
уд. вес, %*	90,1	87,5	85,8	86,6	87,3	87,6	88,3	88,9
УФО	3845	3332	3582	3364	3584	3316	3143	2846
уд. вес, % от числа зарегистрированных преступлений	1,5	1,5	1,6	1,6	1,6	1,6	1,6	1,5
в том числе гражданами государств – участников СНГ	3522	3045	3151	3048	3207	2996	2862	2572
уд. вес, %	91,6	91,4	88,0	90,6	89,5	90,3	91,1	90,4
ЯНАО	239	358	292	239	237	205	229	207
уд. вес, % от числа зарегистрированных преступлений	2,5	3,9	3,2	2,7	2,5	2,6	2,8	2,7
в том числе гражданами государств – участников СНГ	224	341	285	235	230	196	219	200
уд. вес, %	93,7	95,3	97,6	98,3	97,0	95,6	95,6	96,6

* От общего числа преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства.

Количество выявленных лиц, совершивших преступления в ЯНАО за период с 2000 по 2018 год, сократилось с 5525

до 3646. Наибольшее количество лиц, совершивших преступления, было выявлено в 2006 году – 6712 человек (см. график 2).

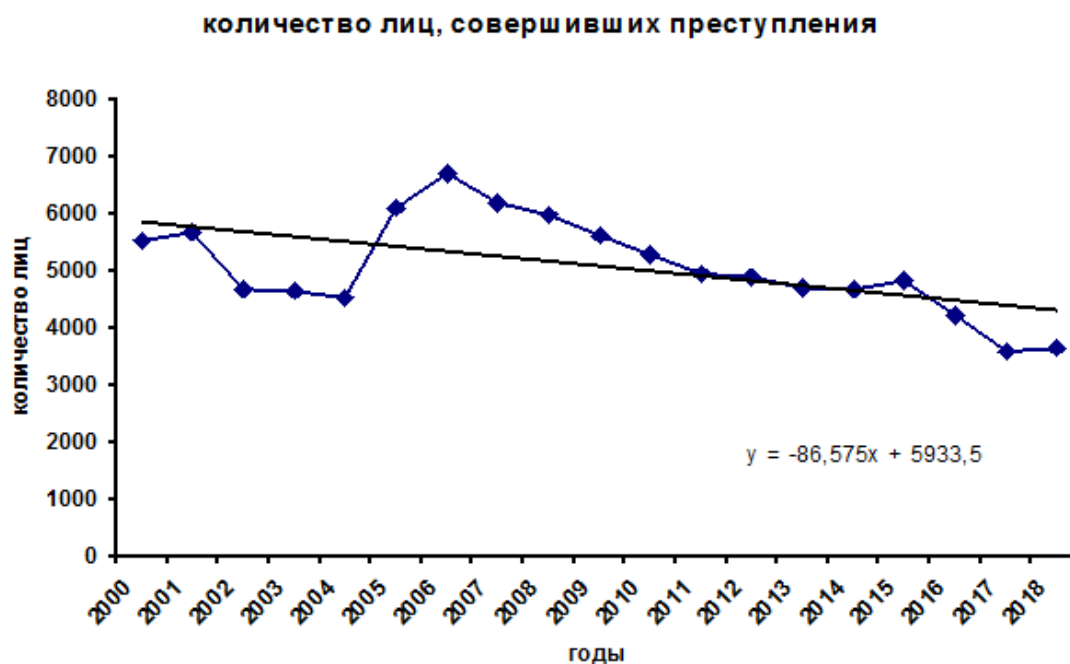

График 2

В 2,4 раза сократилось число зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений, с 4064 в 2000 году до 1699 в 2018 году, в среднем на 128 преступлений в год.

Коэффициенты тяжких и особо тяжких преступлений в расчете на 100 тысяч

всего населения и в расчете на население в возрасте от 14 лет и старше отражают общие тенденции снижения тяжких и особо тяжких преступлений по России и по УФО (см. табл. 7).

Таблица 7

Коэффициенты тяжких и особо тяжких преступлений в ЯНАО

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Всего по России												
КП на 100 тыс. человек всего населения	752,7	675,8	599,5	561,1	482,2	425,2	398,3	375,1	363,9	355,3	312,4	297,9
КП на 100 тыс. населения в возрасте 14 лет и старше	871,1	781,3	694,3	651,2	561,4	496,1	466,5	441,2	430,0	421,6	372,5	356,4
УФО												
КП на 100 тыс. человек всего населения	993,3	817,6	678,2	630,8	537,5	479,5	426,5	428,7	402,8	376,2	330,3	343,4
КП на 100 тыс. населения в возрасте 14 лет и старше	1157,6	952,5	792,0	739,0	632,3	566,2	506,3	512,1	484,3	455,0	401,7	419,4
ЯНАО												
КП на 100 тыс. человек всего населения	598,3	487,2	421,6	436,1	378,2	370,7	387,3	397,1	379,5	353,0	263,6	275,0
КП на 100 тыс. населения в возрасте 14 лет и старше	733,8	595,0	514,7	532,9	462,7	459,7	479,8	493,9	475,3	444,7	334,9	350,3

Количество зарегистрированных преступлений против личности сохраняется примерно на одном уровне – 404 в 2000

году и 411 в 2017 году. Пиковое значение было зарегистрировано в 2006 году – 689 преступлений (график 3).

Динамика преступлений против личности

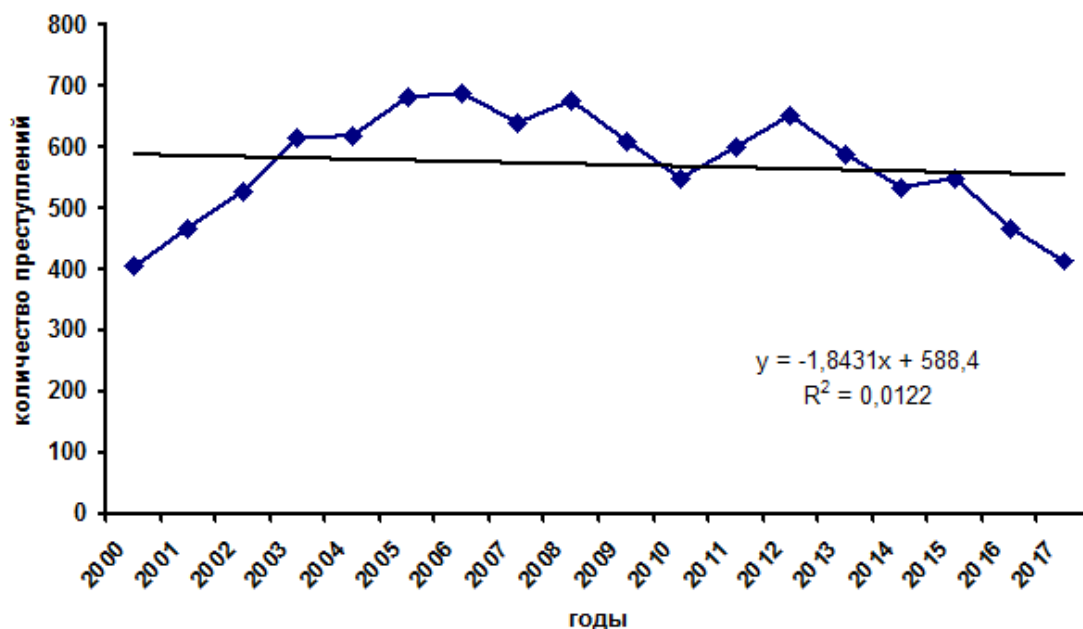

График 3

На протяжении ряда лет, с 2000 по 2017 год, количество регистрируемых преступлений против собственности составляет около 5 тысяч в среднем. Наименьшее

значение (3083) было зарегистрировано в 2003 году, наибольшее значение (7197) – в 2005 году (график 4).

Динамика преступлений против собственности

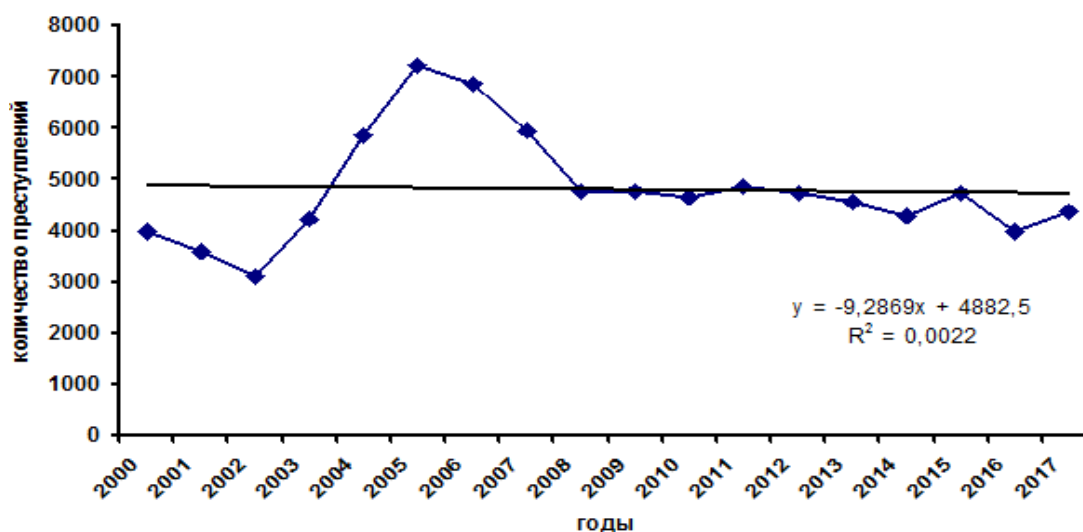

График 4

Таблица 8

Коэффициенты преступлений против собственности в ЯНАО

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Всего по России												
КП на 100 тыс. человек всего населения	1776,4	1636,6	1408,2	1267,4	1129,9	1026,7	978,6	910,1	861,8	955,4	841,0	791,0
КП на 100 тыс. населения в возрасте 14 лет и старше	2055,9	1892,2	1630,8	1471,0	1315,3	1197,9	1146,2	1070,6	1018,3	1133,8	1002,7	946,5
УФО												
КП на 100 тыс. человек всего населения	2340,5	2099,7	1708,7	1543,5	1421,4	1243,2	1105,6	1040,4	963,6	1039,3	890,6	886,3
КП на 100 тыс. населения в возрасте 14 лет и старше	2727,6	2446,2	1995,4	1808,3	1672,1	1468,0	1312,7	1242,7	1158,5	1257,1	1083,3	1082,3
ЯНАО												
КП на 100 тыс. человек всего населения	1290,9	1104,8	878,5	874,1	846,4	921,7	883,2	839,5	790,1	875,8	741,6	812,4
КП на 100 тыс. населения в возрасте 14 лет и старше	1583,1	1349,2	1072,6	1068,0	1035,5	1142,9	1094,2	1044,1	989,6	1103,2	942,1	1035,0

Судя по расчетам коэффициентов преступлений против собственности на 100 тыс. всего населения, сокращение по

России составило 2,2 раза, по УФО – 2,6 раза, по ЯНАО – всего 1,5 раза (табл. 8).

Значительно, с 840 в 2000 году до 347 в 2017 году (в 2,4 раза), сократилось количество зарегистрированных преступлений, совершенных группой лиц.

В данном случае также наблюдается синхронность тенденций групповой преступности по России и по УФО (табл. 9).

Удельный вес лиц, совершивших преступления в составе группы, также снизился. В ЯНАО доля лиц, совершивших преступления в составе группы, составила 9,4 % (самый низкий показатель в УФО) от общего числа выявленных лиц, по России – 13,6 %, по УФО – 14,2 %.

Таблица 9

Коэффициенты преступлений, совершенных группой лиц в ЯНАО

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Всего по России												
КП на 100 тыс. человек всего населения	167,5	158,3	139,5	120,2	102,5	92,4	86,0	80,9	70,8	75,6	71,2	66,9
КП на 100 тыс. населения в возрасте 14 лет и старше	193,8	183,0	161,6	139,5	119,3	107,8	100,7	95,2	83,6	89,8	84,9	80,0
УФО												
КП на 100 тыс. человек всего населения	190,4	166,8	136,9	132,7	128,6	121,5	105,4	105,0	74,3	91,6	80,1	89,1
КП на 100 тыс. населения в возрасте 14 лет и старше	221,9	194,4	159,8	155,5	151,2	143,5	125,1	125,5	89,3	110,8	97,4	108,7
ЯНАО												
КП на 100 тыс. человек всего населения	118,3	109,4	83,3	63,8	64,4	72,0	68,8	63,5	63,4	67,0	61,2	64,7
КП на 100 тыс. населения в возрасте 14 лет и старше	145,1	133,6	101,7	78,0	78,8	89,3	85,2	79,0	79,4	84,5	77,8	82,5

Несмотря на положительную динамику преступности в ЯНАО, ситуация с рецидивной преступностью представляется крайне неблагоприятной. Количество зарегистрированных преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, увеличилось с 1467 в 2000 году до 2227 в 2017 году (в 1,5 раза) (график 5), что демонстрирует низкую эффек-

тивность пенитенциарной системы и пост-пенитенциарной профилактики. По итогам 2018 года удельный вес совершивших преступления лиц, ранее судимых за преступления, от числа ранее совершавших преступления составил в ЯНАО 52,9 %, что практически не отличается от показателей данного вида по России – 51,6 % и по УФО – 52,3 %.

Динамика преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления

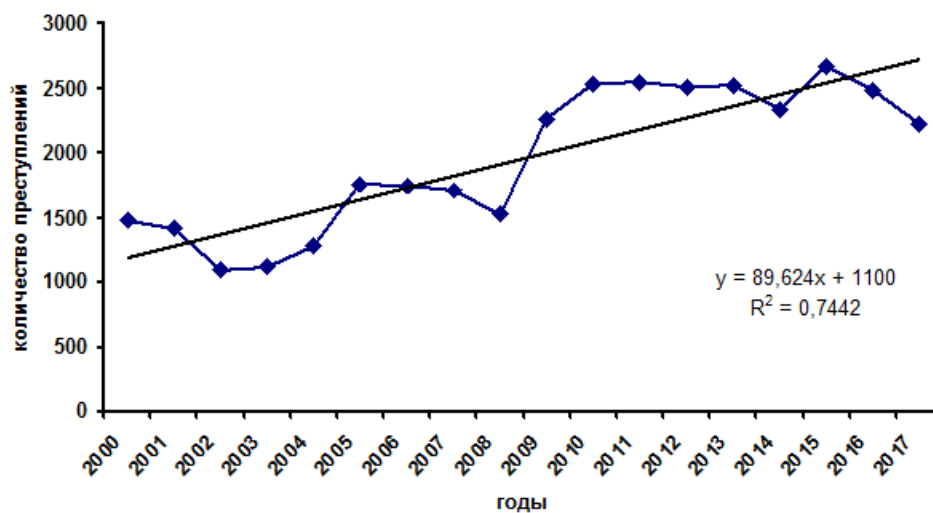

График 5

Динамика преступлений, совершенных несовершеннолетними, являясь отражением проблем, связанных с демографическим кризисом и либерализацией уголовно-правовой политики государства в отношении несовершеннолетних правонарушителей, демонстрирует снижение числа зарегистрированных преступлений,

совершенных указанной категорией лиц, с 472 в 2000 году до 143 в 2017 году, то есть в 3,3 раза (график 6). В 2018 году в ЯНАО удельный вес несовершеннолетних правонарушителей от общего числа выявленных лиц составил 3,5 % (самый низкий показатель в УФО), по России – 4,4 %, по УФО – 5,9 %.

Динамика преступлений, совершенных несовершеннолетними

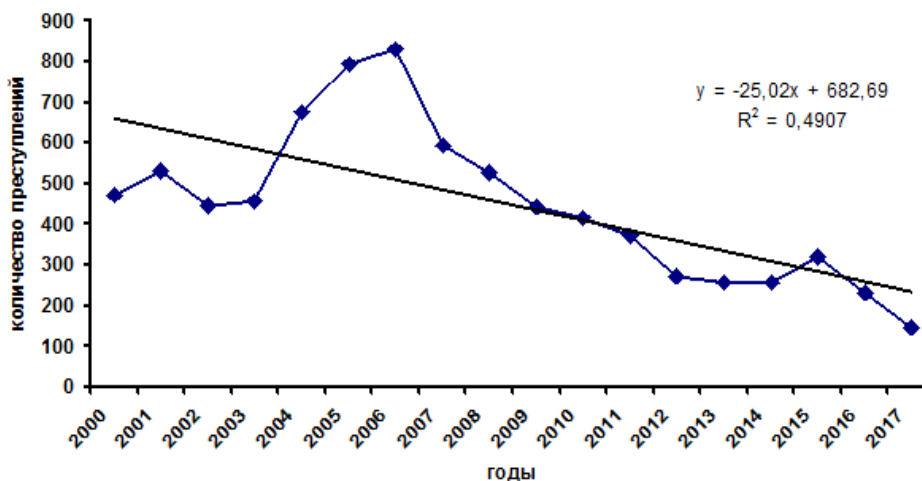

График 6

В динамике зарегистрированных убийств за период с 2000 по 2017 год наименьшее количество (51) было зарегистрировано в 2017 году, наибольшее (99) – в 2004 году.

Следует заметить, что по состоянию на 2017 год уровень убийств в ЯНАО превысил показатели уровней убийств на

100 тыс. человек всего населения и на 100 тыс. человек населения в возрасте от 14 лет и старше как по России в целом, так и по УФО (табл. 10). За период с 2006 по 2017 год уровень зарегистрированных убийств по России сократился в 2,9 раза, по УФО – в 3,1 раза, по ЯНАО – в 1,4 раза.

Таблица 10

Коэффициенты убийств и покушений на убийство в ЯНАО

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Всего по России												
КП на 100 тыс. человек всего населения	19,2	15,6	14,1	12,5	11,0	10,0	9,3	8,6	8,2	7,9	7,1	6,6
КП на 100 тыс. населения в возрасте 14 лет и старше	22,3	18,1	16,4	14,5	12,8	11,7	10,9	10,1	9,7	9,3	8,5	7,9
УФО												
КП на 100 тыс. человек всего населения	24,3	18,7	16,7	14,7	13,3	12,2	11,2	10,6	10,3	10,1	8,9	7,7
КП на 100 тыс. населения в возрасте 14 лет и старше	28,3	21,8	19,5	17,3	15,6	14,4	13,3	12,7	12,4	12,2	10,8	9,4
ЯНАО												
КП на 100 тыс. человек всего населения	13,6	13,2	15,5	12,1	14,8	14,3	13,8	12,4	10,9	13,9	10,7	9,5
КП на 100 тыс. населения в возрасте 14 лет и старше	16,6	16,1	18,9	14,8	18,1	17,7	17,1	15,4	13,7	17,5	13,6	12,1

Интересна ситуация с зарегистрированными фактами хулиганств в ЯНАО (график 7). Стремительное сокращение с 284 в 2000 году до 3 в 2017 году (в 95 раз) об-

условлено рядом изменений содержания ст. 213 УК РФ*. Судя по графику, в конкретном регионе в ближайшем будущем данный вид преступления может просто исчезнуть.

Динамика зарегистрированных фактов хулиганства в ЯНАО

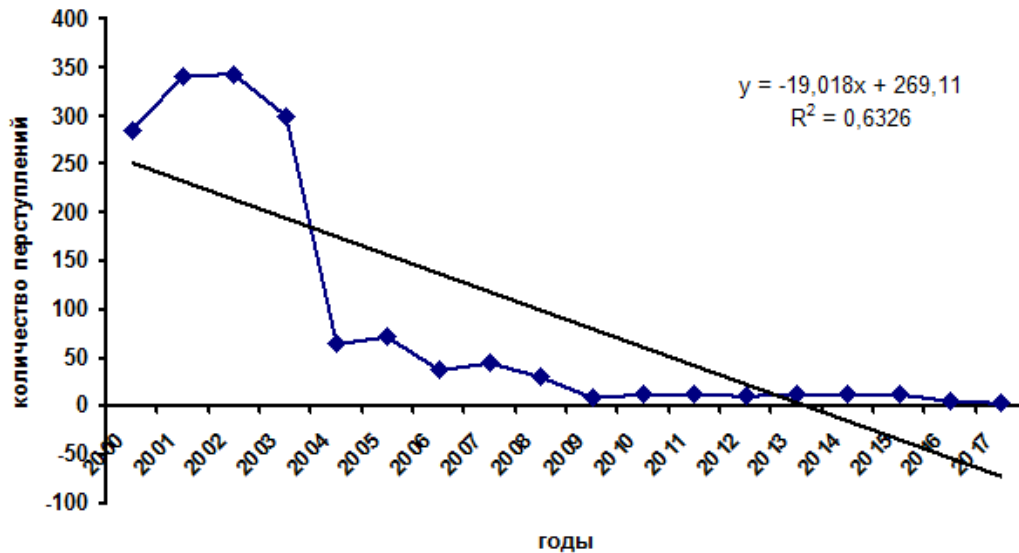

График 7

Количество зарегистрированных разбоев снизилось с 65 в 2000 году до 11 в 2017 году. Наиболее высокие показатели разбоев в ЯНАО были зарегистрированы в период с 2004 по 2006 год — 113, 122, 105 соответственно. В среднем количество зарегистрированных разбоев снижается на 4 преступления в год.

Динамика грабежей, зарегистрированных на территории ЯНАО, синхронна с динамикой разбоев. За исследуемый период количество зарегистрированных грабежей сократилось с 266 в 2000 году до 86 в 2017 году (в 3 раза) при ежегодном снижении числа зарегистрированных

фактов грабежа в среднем на 19,4 преступления. Наиболее высокие показатели были зарегистрированы в период с 2004 по 2006 год: 579, 713, 586 соответственно.

На протяжении ряда лет, с 2000 по 2017 год, количество регистрируемых краж практически не меняется (график 8), отмечается незначительное снижение с 2793 в 2000 году до 2424 в 2017 году. При этом также относительно устойчив удельный вес краж от общего числа зарегистрированных преступлений: в 2000 году он составил 32,6 %, в 2017 году — 29 %. В 2005 году был зарегистрирован самый высокий показатель краж (4755), удельный вес составил 35 %.

* О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 дек. 2003 г. N 162-ФЗ: ред. от 7 дек. 2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. N 50. Ст. 4848; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

График 8

Выявлены особенности социально-экономической характеристики исследуемого региона в динамике такого вида преступлений, как взяточничество. Количество фактов взяточничества за период с 2000 по 2017 год увеличилось с 17 до 41. Наиболее высокий показатель фактов взяточ-

ничества был зарегистрирован в 2005 году – 159. Следует заметить, что уровень фактов взяточничества в расчете на 100 тыс. населения в возрасте от 16 лет и старше на всем протяжении периода с 2000 по 2017 год в ЯНАО был выше, чем в целом по России и по УФО (табл. 11).

Таблица 11

Коэффициенты взяточничества в ЯНАО
(количество преступлений на 100 тыс. человек населения в возрасте 16 лет и старше)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Всего по России	6,3	7,5	8,2	9,3	9,7	10,5	11,0	10,1	9,2	8,2	9,7	9,8	11,0	8,3	4,6
УФО	4,4	5,2	6,4	7,3	9,1	9,5	10,8	12,3	12,5	13,0	12,0	10,5	10,7	7,7	3,8
ЯНАО	8,0	18,6	39,3	27,3	16,5	17,7	22,8	15,3	16,1	16,9	19,4	15,6	4,8	8,1	10,1

Установленные в ходе исследования тенденции и закономерности преступности в ЯНАО имеют значение для прогноза преступности. Прогноз преступности составляется на основе анализа временных рядов и учета сложившихся статистических тенденций.

По мнению В.Н. Кудрявцева, причинное объяснение социально негативных явлений предполагает многоуровневый подход. Поскольку всякое причинное объяснение выделяет главное в цепи взаимодействующих процессов и явлений, по-

скольку следует учитывать, что это главное может быть сформулировано на разных уровнях научного обобщения. Применительно к социальным отклонениям такими уровнями выступают общество, социальная группа, индивид. Соответственно, и научные объяснения делаются преимущественно на философском, социологическом или психологическом уровне [1, с. 231]. Объективная обусловленность преступности выражается, в частности, и конкретными жизненными ситуациями, в которых оказываются люди [2, с. 253].

Целью криминологического прогнозирования является выявление тенденций и закономерностей возможного развития преступности, поведения конкретных лиц или других криминологически значимых процессов.

На основе анализа статистических показателей преступности в ЯНАО с 2000 по 2018 год и изучения закономерностей и тенденций ожидаемые прогнозные значения в краткосрочной перспективе на 2019-2021 гг. составят: в 2019 году – 8878 преступлений; в 2020 году – 8806 преступлений; в 2021 году – 8735 преступлений*. В среднесрочной перспективе (прогноз на ближайшие 5 лет, по 2023 год) ожидаемые прогнозные значения составят: в 2022 году – 8663 преступления; в 2023 году – 8592 преступления.

Данный прогноз не отражает влияния возможных криминогенных и антикриминогенных факторов и является лишь продолжением сложившихся тенденций преступности на территории ЯНАО. В данном случае необходимо учитывать особенности прогнозирования преступности и использовать наиболее подходящие для прогноза динамические ряды.

Уровень преступности в ЯНАО снижается, но сохраняются удельные веса отдельных видов преступлений. Выявление и установление тенденций и закономер-

ностей преступности на примере отдельно взятого региона должно быть направлено, во-первых, на понимание преступности как негативного массового явления, во-вторых, на оптимизацию и повышение эффективности профилактической деятельности органов внутренних дел.

Таким образом, исследование преступности в ЯНАО позволило установить, что высокий уровень социально-экономического развития и относительно высокий уровень благополучия населения, проживающего на территории ЯНАО, не являются гарантией улучшения криминогенной обстановки.

Эффективность деятельности органов внутренних дел в профилактике и борьбе с преступностью напрямую связана с пониманием руководством ОВД социальных и экономических процессов, непосредственно влияющих на преступность, ее уровень, структуру, динамику. Многочисленные управленческие решения должны основываться на краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных прогнозах преступности с выбором соответствующих динамических рядов и сопутствующих им явлений. Понимание тенденций и закономерностей преступности поможет руководителям ОВД принять такие решения, в том числе по распределению сил и средств, финансированию конкретных служб и подразделений, которые будут способствовать установлению оптимального уровня преступности, характерного для Ямало-Ненецкого автономного округа в данное время.

* Расчеты получены по уравнению: $y = -71,407x + 10\ 306$, описывающему линию тренда преступности в ЯНАО с 2000 по 2018 год.

Список литературы

1. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 912 с.
2. Кудрявцев В.Н., Нерсесянц В.С., Кудрявцев Ю.В. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М.: Юрид. лит., 1984. 320 с.

References

1. Luneev V.V. Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossiyskie tendentsii [Crime of the twentieth century: global, regional and Russian trends]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2005. 912 p.
2. Kudryavtsev V.N., Nersesyants V.S., Kudryavtsev Yu.V. Sotsial'nye otkloneniya. Vvedenie v obshchuyu teoriyu [Social deviations. Introduction to the general theory]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1984. 320 p.

Раздел 6. Правоохранительная политика

УРДА М.Н., кандидат юридических наук, доцент, urda.ru@rambler.ru Кафедра уголовного права; Юго-Западный государственный университет, 305040, г. Курск, 50 лет Октября, 94	URDA M.N., Candidate of Legal Sciences, associate professor, urda.ru@rambler.ru Chair of criminal law; Southwest State University, 50 Let Oktyabrya St. 94, Kursk, 305040, Russian Federation

ФИКТИВНАЯ ПОСТАНОВКА НА МИГРАЦИОННЫЙ И РЕГИСТРАЦИОННЫЙ УЧЕТЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖОТРАСЛЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Цель исследования состоит в оценке нарушений миграционного и регистрационного учетов на предмет необходимости криминализации, определении признаков, дифференцирующих уголовную и административную ответственность, способных адекватно отображать общественную опасность деяний (при наличии социально-политических предпосылок к криминализации) и формулировании предложений по совершенствованию законодательства в части восстановления системообразующих связей указанных правонарушений. По результатам исследования автор приходит к выводу об отсутствии оснований для криминализации фиктивной регистрации гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и уравнивания данного правонарушения с фиктивной постановкой на миграционный учет иностранных граждан (лиц без гражданства). Разные по своей сути и общественной опасности (вредоносности) правонарушения должны получать различную правовую оценку. Фиктивная постановка на миграционный учет создает условия для внешней незаконной миграции – новой угрозы национальной безопасности государства. Этим исчерпывается общественная опасность деяния. Однако криминализация деяния проведена некачественно, с нарушением принципа экономии репрессии и технико-юридических правил конструирования норм. Автором сформулированы предложения по оптимизации уголовного законодательства об ответственности за это преступление.

Ключевые слова: незаконная миграция; миграционный учет; регистрационный учет; межотраслевое взаимодействие; уголовная ответственность.

FICTITIOUS REGISTRATION AND MIGRATION REGISTRATION IN THE CONTEXT OF INTERSECTORAL COOPERATION

Annotation. The purpose of the research is to assess the violations of immigration and registration records for the need for criminalization, to identify the elements differentiating criminal and administrative responsibility that can adequately reflect the public danger of actions (if there are social and political prerequisites for criminalization) and to formulate the proposals for improving the legislation regarding the restoration of the system-forming links of these offences. Basing on the results of the study, the author of the article comes to the conclusion that there are no grounds for criminalizing the fictitious registration of a citizen of the Russian Federation at the place of stay or at the place of residence in the premises in the Russian Federation and equating this offence with the fictitious registration of foreign citizens (stateless persons). Offences, different in nature and degree of public danger, should receive a different legal assessment. Fictitious migration registration creates the conditions for external illegal migration – a new threat to the national security of the state. This is the social danger of the act. However, the criminalization of the act was not carried out properly, as the principle of economy of repression, as well as technical and legal rules for constructing norms were violated. The author formulated the proposals for improving the criminal legislation regarding the liability for this crime.

Keywords: illegal migration; migration registration; registration record; intersectoral interaction; criminal liability.

Ответственность за фиктивную постановку на миграционный и регистрационный учеты предопределена управленческим характером соответствующих процедур. В связи с этим ключевое значение в их обеспечении имеют нормы административного права. Уголовная ответственность должна устанавливаться исключительно в тех случаях, когда иные механизмы регулирования миграционных отношений не работают, а криминализация соответствующего деяния социально и политически необходима.

Нормы УК РФ об ответственности за фиктивную постановку на миграционный и регистрационный учеты (ст.ст. 322.2, 322.3) отличает то, что предусмотренные ими деяния обладают смешанной противоправностью и имеют свои прототипы в административном законодательстве. Их характерной особенностью является то, что они содержат признаки административных нарушений и отличаются от них дополнительными обстоятельствами, которые, исходя из принципа экономии репрессии, должны отражать общественную опасность соответствующего миграционного нарушения как преступления. Однако криминализация указанных правонарушений проведена некачественно, с нарушением указанного принципа. Составы обнаруживают неразрешимые трудности в разграничении с соответствующими административными деликтами. Под сомнение ставится и их общественная опасность. Естественно, что появление норм вызвало немало критических замечаний со стороны научной общественности.

Таким образом, целью настоящего исследования является оценка указанных правонарушений на предмет необходимости криминализации, определение признаков, дифференцирующих уголовную и административную ответственность и способных адекватно отображать общественную опасность деяний, если имеются социально-политические предпосылки для криминализации, а также формулирование предложений теоретико-прикладного характера по совершенствованию действующего законодательства в части восстановления системообразующих связей указанных составов.

Проблему дифференциации уголовной и административной ответственности

за совершение миграционных правонарушений в целом и за фиктивную постановку на миграционный и регистрационный учеты в частности нельзя отнести к числу разработанных. Между тем от ее качественного решения зависит в конечном итоге качество уголовно-правовой охраны миграционного режима.

Ситуация, когда внешне схожие запреты влекут наступление различных видов ответственности (административной или уголовной), вызывает потребность в определении их соотношения. В этом контексте целесообразно говорить о межотраслевых связях. Их наличие, по мнению Н.И. Пикурова, «...диктует необходимость изучения природы нормативного материала различной отраслевой принадлежности, который используется уголовным правом для формирования основания уголовной ответственности» [1, с. 317]; кроме того, позволяет наблюдать трансформацию одного вида ответственности в другой и определить критерии их разграничения.

При формулировании норм уголовного и административного законодательства об ответственности за постановку на миграционный и регистрационный учеты используется бланкетный способ изложения норм.

Фиктивную постановку на миграционный учет в целом можно охарактеризовать как нарушение порядка осуществления этого учета. Исходя из преамбулы к Федеральному закону от 18 июля 2006 г. N 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»*) (далее — Федеральный закон «О миграционном учете»), миграционный учет есть средство регулирования миграционных процессов. Он служит гарантией обеспечения национальных интересов Российской Федерации и конституционных прав и свобод тех, кто законно пребывает на ее территории.

* О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: федер. закон от 18 июля 2006 г. N 109-ФЗ: ред. от 27 дек. 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 30. Ст. 3285; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Правила постановки на миграционный учет определяются органом исполнительной власти*.

Составляющими этого учета являются регистрация иностранцев (лиц без гражданства) по месту жительства и постановка их на учет по месту пребывания (п. 4 ст. 4 Федерального закона «О миграционном учете»). Они представляют собой фиксацию определенных сведений об указанных лицах в соответствующих информационных ресурсах.

В связи с этим принципиальное возражение вызывает, во-первых, искусственное «разделение» генетически схожих нарушений — фиктивной постановки на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации (ст. 322.3 УК РФ) и фиктивной регистрации по месту жительства указанных лиц, криминализованной в ст. 322.2 УК РФ; во-вторых, необоснованное объединение последней с фиктивной регистрацией гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в Российской Федерации в рамках ст. 322.2 УК РФ.

В соответствии со ст. 3 Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 г. N 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места жительства в пределах Российской Федерации»** регистрационный учет служит средством обеспечения условий для реализации гражданами Российской Федерации своих прав и свобод, а также исполнения ими своих обязанностей. Правила осуществления регистрационного учета устанавливаются Постанов-

лением Правительства Российской Федерации***.

Функциональное и процедурное различие миграционного и регистрационного учетов делает несостоятельным вывод П.А. Филиппова об идентичном содержании указанных понятий [2, с. 330]. Более того, полагаем, что отсутствуют уголовно-политические основания для криминализации фиктивной регистрации гражданина Российской Федерации.

В статье 27, ч. 1 ст. 63 Конституция Российской Федерации гарантирует право свободного передвижения, выбора места жительства или пребывания, право политического убежища. Реализация этих прав связана с законностью нахождения субъекта права на территории Российского государства. Конституция Российской Федерации также гарантирует иностранным гражданам и лицам без гражданства равные возможности в пользовании правами наравне с гражданами Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом или международным договором Российской Федерации (ч. 3 ст. 62). Кроме того, государство обязано принять на себя заботу о безопасности как отдельной личности, так и общества в целом, а также обеспечить свою собственную безопасность (ст.ст. 2,7,8, ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации) [3, с. 56].

Таким образом, создан механизм реализации прав иностранных граждан (лиц без гражданства), отличный от механизма реализации соответствующих прав гражданами Российской Федерации. Он содержит дополнительные обязанности, гаран-

* О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 15 янв. 2007 г. N 9: ред. от 26 окт. 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. N 5. Ст. 653.

** О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места жительства в пределах Российской Федерации: закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. N 5242-1: ред. от 27 дек. 2018 г. // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. N 32. Ст. 1227; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

*** Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. N 713: ред. от 25 мая 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 30. Ст. 2939; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

тирующие интересы государства, связанные с выполнением им организационных и контрольных функций в миграционной сфере, а также некоторые ограничения в экономических, социальных и политических правах иностранных граждан (лиц без гражданства) настолько, насколько это необходимо для защиты национальных интересов [3, с. 57-58].

Исходя из этих конституционных предпосылок, криминализация фиктивной регистрации граждан Российской Федерации наравне с фиктивной регистрацией иностранных граждан (лиц без гражданства) не согласуется с социально-политическими и правовыми основаниями определения незаконной миграции как угрозы национальной безопасности Российской Федерации. Современная российская национальная политика в условиях интеграционного взаимодействия, являющегося одной из составляющих основ современного экономического развития, в качестве угроз национальной безопасности определяет незаконной именно внешнюю (межгосударственную) миграцию. Внутригосударственное перемещение граждан Российской Федерации с нарушением установленных требований регистрации может расцениваться как незаконная внутренняя миграция, но рассматриваться в качестве угрозы национальной безопасности не может.

Обращает на себя внимание то, что до криминализации фиктивной регистрации граждан Российской Федерации данное правонарушение КоАП РФ не предусматривалось. Статья 19.15.2 КоАП РФ, устанавливающая ответственность за нарушение правил регистрации граждан Российской Федерации, была включена в административное законодательство одновременно со ст. 322.2 УК РФ в связи с принятием Федерального закона от 21 декабря 2013 г. N 376-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*. Это не только создало трудности в разграничении указанных правонарушений, но и, по

* О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 21 дек. 2013 г. N 376-ФЗ: ред. от 31 дек. 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 51. Ст. 6696; 2015. N 1 (ч. I). Ст. 78.

существу, явилось нарушением принципа экономии репрессии.

Таким образом, уголовно-политические основания для криминализации фиктивной регистрации гражданина Российской Федерации отсутствуют. Борьба с подобного рода нарушениями вполне может быть реализована посредством применения мер административного характера.

Учитывая, что внешняя (международная) незаконная миграция является новым вызовом национальной безопасности Российской Федерации, а нарушения порядка осуществления миграционного учета создают условия для нелегального пребывания иностранцев (лиц без гражданства) на территории государства (одной из форм незаконной миграции), имеются социально-политические предпосылки для сохранения уголовной ответственности за фиктивную постановку на миграционный учет.

При этом целесообразно объединение схожих правонарушений – фиктивной регистрации иностранного гражданина (лица без гражданства) по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивной постановки на учет указанных лиц по месту пребывания в Российской Федерации в рамках одной нормы – ст. 322.3 УК РФ, с изменением ее названия. Это обеспечит соответствие нормы технико-юридическим правилам конструирования уголовно-правового запрета, основа которого – единство основного непосредственного объекта. Кроме того, оно будет способствовать пониманию сущности данного преступления и социально-политической обусловленности ответственности за его совершение.

В настоящее время признаки фиктивности как регистрации по месту жительства в жилом помещении иностранных граждан (лиц без гражданства), так и постановки на учет по месту пребывания указанных лиц содержатся в ст. 2 Федерального закона «О миграционном учете».

Под фиктивной регистрацией иностранных граждан (лиц без гражданства) по месту жительства понимается их регистрация:

- 1) на основании представления заведомо недостоверных сведений или документов;

2) без намерения проживать в соответствующем жилом помещении;

3) без намерения владельца соответствующего жилого помещения предоставить им его для фактического проживания.

Фиктивная постановка на учет по месту пребывания иностранного гражданина (лица без гражданства) определяется как постановка на учет:

1) на основании представления заведомо недостоверных сведений или документов;

2) без намерения фактически проживать (пребывать) в этом помещении;

3) без намерения предоставить им это помещение для фактического проживания (пребывания);

4) по адресу организации, в которой они в установленном порядке не осуществляют трудовую или иную не запрещенную законодательством Российской Федерации деятельность.

Интересно отметить, что последнее определение дублируется в примечании 1 к ст. 322.3 УК РФ. Это дефинитивное примечание является избыточным, поскольку «влечет чрезмерную терминологическую загруженность законодательного текста» [4, с. 67]. В текст уголовного закона следует вводить только те юридические понятия, отсутствие которых способно повлечь возникновение сложностей в уяснении значения какого-либо правового явления [5, с. 756]. Все иные результаты легального дефинирования следует трактовать как нарушение принципа количественного упрощения права (правила экономичности текста закона) [6, с. 31].

На основании изложенного примечание 1 к ст. 322.3 УК РФ целесообразно исключить.

Со статьями 322.2 и 322.3 УК РФ коррелирует ст. 19.27 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за представление ложных сведений или подложных документов при осуществлении миграционного учета: по частям 1 и 3* — иностранцами гражданами (лицами без гражданства);

* Частью третьей статьи установлена ответственность указанных лиц за данное нарушение, совершенное в городах федерального значения Москве или Санкт-Петербурге либо в Московской или Ленинградской области.

по части 2 — «принимающей стороной» (т.е. гражданами Российской Федерации, должностными и юридическими лицами). Оно является первичным по отношению к указанным выше преступлениям.

Обращает на себя внимание то, что диспозиции уголовно-правовых норм частично совпадают с диспозицией ст. 19.27 КоАП РФ, поскольку в УК РФ установлена ответственность не только за представление заведомо недостоверных (ложных) сведений или документов при постановке на миграционный учет.

Однако иные названные в законе признаки фиктивной постановки на миграционный учет иностранных граждан (лиц без гражданства) сформулированы законодателем как альтернативные ему, не могут «сообщать» общественную опасность первичному нарушению и характеризовать деяние как преступное. Эти признаки встречают также непреодолимые трудности в толковании и применении. Они не являются автономными по отношению к вышеуказанному обманному способу совершения деяния, напротив, взаимосвязаны с ним, поскольку конкретизируют суть обмана, а потому не могут служить критерием отграничения преступления от первичного правонарушения.

Анализ практики применения ст. 19.27 КоАП РФ показал, что привлечение лиц к административной ответственности обычно предопределено либо нежеланием мигрантов проживать по месту постановки на учет, либо непредоставлением им такой возможности владельцами соответствующих помещений**.

Парадокс заключается в том, что те же обстоятельства, по существу, могут служить основанием для привлечения к уголовной ответственности.

Особую обеспокоенность вызывает оценка правоприменителем одного и того же нарушения и как административного деликта, и как преступления.

В качестве примера можно привести апелляционное постановление Максатихинского районного суда Тверской обла-

** См., напр.: Постановление Красногвардейского районного суда Республики Крым от 20 окт. 2015 г. по делу N 5-1126/2015 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru>

сти от 30 ноября 2015 г. N 10-2/2015. Е., будучи привлеченным к ответственности по ч. 2 ст. 19.27 КоАП РФ, обжаловал приговор, которым был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 322.3 УК РФ. В жалобе он сослался на то, что правовая оценка правонарушения, которое было положено в основу обвинения по уголовному делу, уже была дана по результату рассмотрения административного производства. Суд апелляционной инстанции формально подошел к рассмотрению жалобы, фактически критериев разграничения административного правонарушения и коррелирующего с ним преступления не привел, в удовлетворении жалобы отказал*.

Очевидно, что законным и справедливым такое решение признать нельзя. В преступлениях со смешанной противоправностью должны быть четкими и понятными критерии их отграничения от аналогичных административных правонарушений. Их отсутствие создает коллизионность норм, которая может и должна быть преодолена только законодательным путем, а не посредством толкования норм правоприменителем.

Оптимальным разрешением выявленных противоречий, по нашему мнению, могло бы стать использование в конструкции уголовно-правовой нормы признака накопления общественной опасности деяния – административной преюдиции при одновременном отказе от признаков, не способных служить отражением общественной опасности первичного правонарушения.

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы.

1. Уголовно-политические основания для криминализации фиктивной регистрации гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации в рамках состава преступления, предусмотренного ст. 322.2 УК РФ, отсутствуют. Борьба с подобными нарушениями может и должна осуществ-

ляться средствами административного права.

2. Внешняя (международная) незаконная миграция является новым вызовом национальной безопасности Российской Федерации, а нарушения порядка осуществления миграционного учета создают условия для незаконного пребывания иностранных граждан (лиц без гражданства) на территории государства (одной из форм незаконной миграции). Данным обстоятельством исчерпывается общественная опасность деяния, в связи с этим имеются социально-политические предпосылки для сохранения уголовной ответственности за фиктивную постановку на миграционный учет.

3. Целесообразно объединение схожих по своей правовой природе миграционных преступлений: фиктивной регистрации иностранного гражданина (лица без гражданства) по месту жительства и фиктивной регистрации указанных лиц по месту их пребывания на территории Российского государства в рамках одной нормы – ст. 322.3 УК РФ с одновременным исключением из УК РФ ст. 322.2. Их искусственное разделение в ст.ст. 322.2 и 322.3 УК РФ противоречит технико-юридическим правилам конструирования норм, основу которых составляет единство объекта уголовно-правовой охраны.

4. Определение признаков фиктивности постановки на учет иностранных граждан (лиц без гражданства) в примечании 1 к ст. 322.3 УК РФ является избыточным, чрезмерно перегружающим норму, а потому его необходимо исключить из текста уголовного закона. Аналогичное определение содержится в регулятивном законодательстве.

5. Требуют критической оценки ст.ст. 322.2 и 322.3 УК РФ в связи с определением корреляционной зависимости со ст. 19.27 КоАП РФ. При установлении уголовной ответственности за фиктивную постановку на миграционный учет не было учтено первичное правонарушение, предусмотренное ст. 19.27 КоАП РФ, которой устанавливалась ответственность за представление ложных сведений при осуществлении этого учета. Самостоятельное уголовно-правовое значение было придано признакам, не способным сообщать

* Апелляционное постановление от 30 нояб. 2015 г. N 10-2/2015 Максатихинского районного суда Тверской области // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru>

деянию общественную опасность и отграничивать его от миграционного деликта. Коллизионность норм должна быть преодолена за счет отказа от использования в определении преступления признаков, не имеющих самостоятельного значения

вне связи с представлением недостоверных (ложных) сведений, и включения в конструкцию нормы в качестве критерия отграничения административной преюдиции – признака накопления общественной опасности деяния.

Список литературы

1. Пикуров Н.И. К вопросу о границах системы уголовного права // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. М., 2007. С. 317-322.
2. Филиппов П.А. Преступления против порядка управления: закон, теория, практика. М.: Зерцало М, 2017. 512 с.
3. Богдан В.В., Урда М.Н. Конвергенция права и закона (на примере реализации прав иностранных граждан на свободу передвижения и выбор места жительства) // Наука без границ. 2017. N 9 (14). С. 55-59.
4. Тихонова С.С. Легальное дефинирование как способ конкретизации уголовно-правовых предписаний в Особенной части современного кодифицированного уголовного закона // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2019. Т. 9. N 1 (30). С. 63-70.
5. Тихонова С.С. Инновационные тактические юридико-технические приемы нормативного структурирования в уголовно-правовой сфере как дефекты законотворческой деятельности // Юридическая техника. 2015. N 9. С. 754-758.
6. Юридическая техника / под ред. В.М. Баранова, В.А. Толстика. М.: ДГСК МВД России, 2012. 384 с.

References

1. Pikurov N.I. K voprosu o granitsah sistemy ugolovnoogo prava [On the issue of the limits of the criminal law system]. Sistemnost' v ugolov-nom prave: materialy II Rossiyskogo kongressa ugolovnoogo prava, sostoyavshegosya 31 maya – 1 iyunya 2007 g. [Sistem in criminal law: materials of the II Russian Congress of Criminal Law, held on May 31 – June 1, 2007]. Moscow, 2007. Pp. 317-322.
2. Filippov P.A. Prestupleniya protiv poryadka upravleniya: zakon, teoriya, praktika [Crimes against order management: law, theory, practice]. Moscow, Zertsalo M Publ., 2017. 512 p.
3. Bogdan V.V., Urda M.N. Konvergentsiya prava i zakona (na primere realizatsii prav inostrannykh grazhdan na svobodu peredvizheniya i vybor mesta zhitel'stva) [The convergence of law and the law (on the example of the implementation of the rights of foreign citizens to freedom of movement and the choice of place of residence)]. Nauka bez granits – Science without Borders, 2017, no. 9 (14), pp. 55-59.
4. Tihonova S.S. Legal'noe definirovaniye kak sposob konkretizatsii ugolovno-pravovykh predpisaniy v Osobennoy chasti sovremennogo kodifitsirovannogo ugolovnoogo zakona [Legal definition as a way to specify criminal law regulations in the Special Part of the modern codified criminal law]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo – News of South-West State University. Series: History and Law, 2019, vol. 9, no. 1 (30), pp. 63-70.
5. Tihonova S.S. Innovatsionnye takticheskie yuridiko-tehnicheskie priemy normativnogo strukturirovaniya v ugolovno-pravovoy sfere kak defekty zakonotvorcheskoy deyatel'nosti [Innovative tactical legal-technical methods of regulatory structuring in the criminal law sphere as defects in lawmaking]. Yuridicheskaya tehnik – Legal technology, 2015, no. 9, pp. 754-758.
6. Yuridicheskaya tehnik [Legal technology]. Moscow, Department of State Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. 384 p.

Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение

ЧЕРНОВА С.С., кандидат юридических наук, chernovaswetlana@mail.ru Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	CHERNOVA S.S., Candidate of Legal Sciences, chernovaswetlana@mail.ru Research and editorial and publishing department; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation

ДОПРОС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье на основе анализа научных трудов, посвященных вопросам уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетнего потерпевшего, а также соответствующих положений действующего уголовно-процессуального законодательства рассматривается процессуальный порядок производства допроса несовершеннолетнего потерпевшего. Процессуальный порядок и тактические особенности производства допроса несовершеннолетнего потерпевшего включают в себя выделяемые в международном законодательстве и юридической литературе критерии, правила производства допроса несовершеннолетнего потерпевшего, а также условия действия правовых норм. Изучение составляющих процессуального порядка производства допроса несовершеннолетнего потерпевшего (возраст и продолжительность производства допроса; состав участников следственного действия; производство видеозаписи допроса) позволяет сделать вывод о том, что Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. N 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве», не устранив имевшиеся проблемы допроса несовершеннолетнего потерпевшего, добавил новые, связанные с участием педагога или психолога, заменой законного представителя, производством видеозаписи или киносъемки. Автором статьи сформулированы предложения по изменению действующего законодательства, а также рекомендации по совершенствованию практики производства допроса несовершеннолетнего потерпевшего.

Ключевые слова: несовершеннолетний потерпевший; допрос; процессуальный порядок производства допроса; продолжительность допроса; законный представитель несовершеннолетнего; видеозапись следственного действия.

THE INTERROGATION OF A MINOR VICTIM: PROCEDURAL ASPECTS

Annotation. Basing on the analysis of the scientific papers devoted to the issues of criminal proceedings involving the participation of a minor victim, as well as the relevant provisions of the current criminal procedure legislation, the author of the article considers the procedure for conducting the interrogation of a minor victim. The procedure and particular techniques of the interrogation of a minor victim include the criteria specified in the international law and legal literature, the rules for the interrogation of a minor victim, as well as the conditions for the validity of legal norms. The study of the components of the procedure of interrogating a minor victim (age and length of interrogation; participants of the investigative action; video recording of interrogation) allows to conclude that the Federal Law of December 28, 2013 No. 432-FL "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation to improve the rights of victims in criminal proceedings", without having eliminated the existing problems of interrogation of a minor victim, added the new ones, connected with the participation of a teacher or a psychologist, the replacement of a legal representative, video recording or filming. The author of the article has formulated the proposals for changing the current legislation, as well as the recommendations for improving the practice of interrogation of a minor victim.

Keywords: minor victim; interrogation; interrogation procedure; length of interrogation; legal representative of a minor; video recording of investigative action.

Вопросы, связанные с процессуальным порядком и тактическими особенностями производства допроса несовершеннолетнего потерпевшего, неоднократно подвергались научному исследованию, однако не утратили своей актуальности и в настоящее время, поскольку уже давно вышли за рамки уголовного процесса и криминалистики. Так, специалисты в области конституционного права продолжают дискуссию* о соотношении термина «несовершеннолетний» и термина «ребенок», используемого в нормах международного права**.

Ученые в области психологии и психиатрии на протяжении длительного периода времени исследуют вопросы, связанные с продолжительностью допроса несовершеннолетнего потерпевшего. Частично результаты этих исследований были использованы при совершенствовании положений ст. 191 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)***.

Исследователи в области уголовного процесса и криминалистики продолжают рассмотрение правовых и тактических аспектов производства допроса несовершеннолетнего потерпевшего, поскольку от-

дельные вопросы так и остались дискуссионными, иные требуют переосмысления. Например, З.А. Балтыкова указывает, что на монографическом уровне вопросам тактики допроса несовершеннолетних потерпевших «уделяли внимание лишь некоторые криминалисты и еще в меньшей степени эти проблемы разработаны в отношении малолетних потерпевших». По ее мнению, тактические аспекты производства допроса малолетних лиц «образуют “черную дыру” или “белое пятно” в криминалистике» [1, с. 87].

Кроме того, существуют и многочисленные пробелы в правоприменительной деятельности, следствием которых являются нарушения в ходе производства допроса прав несовершеннолетних потерпевших или ненадлежащая защита их интересов. Отдельные правоприменители в нарушение правовых гарантий, предусмотренных законодателем по отношению к несовершеннолетнему потерпевшему, считают не обязательным участие законных представителей при производстве допроса, поскольку в ст. 191 УПК РФ указано на то, что законный представитель «вправе присутствовать» [2, с. 16].

На актуальность дальнейшего рассмотрения вопросов, связанных с процессуальным порядком и тактическими особенностями производства допроса несовершеннолетнего потерпевшего, указывают и статистические данные.

Например, Н.М. Паршин отмечает, что в течение последних лет наблюдается значительный рост сексуальных посягательств, совершенных в отношении несовершеннолетних. За период с 2013 по 2017 г. количество зарегистрированных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних возросло на 37,1 % [3, с. 3].

Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая на расширенном заседании коллегии МВД России 28 февраля 2019 г., указал на рост в 2018 г. на 5 % числа преступлений в отношении несовершеннолетних****.

Следовательно, несовершеннолетние продолжают оставаться значительной по

* В 2003 году Государственной Думой Российской Федерации был отклонен законопроект, разработчики которого предлагали изменить формулировку «ребенок», поскольку, по мнению правового управления Аппарата Государственной Думы Российской Федерации, законопроект «не согласовался с Конституцией Российской Федерации» (О внесении изменений и дополнений в Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» по вопросу обеспечения прав детей до их рождения: проект Федерального закона N 291854-3. URL: <http://www.legislature.ru>).

** Согласно ст. 1 Конвенции «О правах ребенка» «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее» (Конвенция о правах ребенка (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 нояб. 1989 г.) // Советский журнал международного права. 1991. N 2. С. 151-170).

*** О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: федер. закон от 28 дек. 2013 г. N 432-ФЗ // Рос. газ. 2013. 30 дек.

**** Расширенное заседание коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru>

численности категорией лиц, вовлеченных в сферу уголовного процесса в качестве потерпевших.

Ученые-процессуалисты [4; 5] по аналогии с общепризнанными принципами и нормами международного права* выделяют ряд критериев производства следственных действий (в том числе допроса) с несовершеннолетним потерпевшим: место проведения, продолжительность, повторяемость. Именно эти критерии, как правило, подвергаются исследованию.

Ученые, изучающие детскую и подростковую психологию, в своих трудах выделяют «правила проведения допросов несовершеннолетних, потерпевших от преступлений», к которым относят «различные модели опросов детей» [6, с. 23-31].

Кроме того, представляется интересным и подход С.Р. Зеленина, рассмотревшего одну из статей, регламентирующих производство по уголовному делу с участием несовершеннолетнего потерпевшего, через «условия действия» правовых норм: возраст допрашиваемого, требования к субъектам допроса, предотвращение вторичной виктимизации и т.д. [7, с. 25].

Вместе с тем, рассматривая «критерии допроса» несовершеннолетнего потерпевшего, «правила» и «условия действия правовых норм», регламентирующих производство указанного следственного действия, позволим себе сделать вывод, что речь идет о процессуальном порядке и тактических особенностях производства допроса несовершеннолетнего потерпевшего.

Основываясь на положениях различных статей УПК РФ, можно выделить следующие составляющие процессуального порядка производства допроса несовершеннолетнего потерпевшего:

1. Возраст несовершеннолетнего потерпевшего**, поскольку от него зависит

* Руководящие принципы, касающиеся правосудия в вопросах, связанных с участием детей – жертв и свидетелей преступлений (Приняты 22 июля 2005 г. Резолюцией 2005/20 на 36-ом пленарном заседании Экономического и социального совета ООН). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** С.Р. Зеленин возраст допрашиваемого выделяет в качестве субъективного условия применения правовых норм.

продолжительность производства допроса***.

Понятие «несовершеннолетний» содержится во многих нормативных правовых актах, однако не во всех из них дано его разъяснение. Например, УПК РФ не поясняет, кто является «несовершеннолетним потерпевшим». Применительно к указанному словосочетанию такая позиция законодателя представляется верной, поскольку слово «несовершеннолетний» лишь уточняет, что речь идет о потерпевшем. Следовательно, определяющим понятием является «потерпевший».

Вместе с тем при производстве допроса возрастные границы, в рамках которых несовершеннолетний находится в процессуальном статусе потерпевшего, выходят на первый план, поскольку подчеркивают особенность правового положения данного участника уголовного процесса, а также устанавливают процессуальные правила производства рассматриваемого следственного действия. Так, в ч. 1 ст. 191 УПК РФ законодатель указывает следующие возрастные границы, влияющие на продолжительность допроса: до семи лет; от 7 до 14 лет; старше 14 лет. В части 2 ст. 191 УПК РФ дополнительно указывается на возраст несовершеннолетнего потерпевшего – «до 16 лет».

Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. N 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве», вступившим в силу с 1 января 2015 г., были изменены временные границы проведения допроса несовершеннолетнего потерпевшего:

1) не более 30 минут без перерыва, а в общей сложности не более одного часа для несовершеннолетнего потерпевшего в возрасте до 7 лет;

2) не более одного часа без перерыва, а в общей сложности не более двух часов для несовершеннолетнего потерпевшего в возрасте от 7 до 14 лет;

*** В Руководящих принципах ООН, касающихся правосудия в вопросах, связанных с участием детей – жертв и свидетелей преступлений, продолжительность указывается в качестве критерия проведения следственного действия с участием несовершеннолетнего.

3) не более двух часов без перерыва, а в общей сложности не более четырех часов для несовершеннолетнего потерпевшего в возрасте старше 14 лет.

В.А. Дударев подобную градацию, предусмотренную в ч. 1 ст. 191 УПК РФ, считает неуместной и предлагает время проведения допроса «уменьшить до одного часа без перерыва и не более двух часов в день». В обоснование своих суждений он приводит анализ 80 уголовных дел, из которого следует, что общая продолжительность допроса несовершеннолетних потерпевших составляет около одного часа [8, с. 23].

Позволим себе не согласиться с данной точкой зрения, указав на ее нелогичность. Так, предлагая уменьшить до двух часов в день время допроса несовершеннолетнего потерпевшего, В.А. Дударев не принимает во внимание следующие обстоятельства:

— для несовершеннолетнего потерпевшего в возрасте до 7 лет время допроса предусмотрено не более 30 минут без перерыва, а в общей сложности не более одного часа. Следовательно, для данной возрастной группы последует не уменьшение допустимой продолжительности времени допроса, а его увеличение;

— для несовершеннолетнего потерпевшего в возрасте от 7 до 14 лет законодательно уже закреплено аналогичное предлагаемому время допроса — не более одного часа без перерыва, а в общей сложности не более двух часов;

— при производстве допроса процессуальный статус несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства является вторичным по отношению к возрасту. Исходя из предложения В.А. Дударева, время проведения допроса любого участника уголовного процесса, достигшего 14 лет, но не достигшего 18 лет, вне зависимости от его процессуального статуса необходимо «уменьшить до одного часа без перерыва и не более двух часов в день» [8, с. 23]. Однако далее указанный автор отмечает, что время допроса, предусмотренное ч. 1 ст. 425 УПК РФ, для несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого является оптимальным, что подтверждается сложившейся следственной и судебной практикой. Позволим себе

еще раз указать на нелогичность выводов и напомнить формулировку ч. 1 ст. 425 УПК РФ: «допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не может продолжаться без перерыва более 2 часов, а в общей сложности более 4 часов в день». Таким образом, данный временной период производства допроса является оптимальным для любого участника уголовного процесса, достигшего 14 лет и не достигшего совершеннолетия, вне зависимости от его процессуального статуса.

По нашему мнению, предусмотренные ч. 1 ст. 191 УПК РФ различные временные границы проведения допроса, зависящие от возраста несовершеннолетнего потерпевшего, позволяют наиболее эффективно обеспечить защиту прав и интересов данной категории участников предварительного расследования.

Кроме того, не следует забывать, что в основу совершенствования положений ст. 191 УПК РФ* были положены многолетние исследования ученых в области детской психологии и психиатрии, обосновывающие целесообразность выбора времени производства допроса в зависимости от возраста несовершеннолетнего потерпевшего.

Необходимо обратить внимание правоприменителей на то, что нормы УПК РФ, регламентирующие время производства допроса несовершеннолетнего потерпевшего, указывают на допустимую продолжительность следственного действия, которая может быть сокращена «в соответствии с психическим и физическим уровнем развития, состоянием здоровья ребенка, сложностью уголовного дела» [2, с. 11]. Кроме того, специалисты в области детской психиатрии рекомендуют делать более частые перерывы при допросе потерпевших, относящихся к младшим возрастным группам.

Указанные рекомендации, не нашедшие своего закрепления в УПК РФ, относятся к тактическим аспектам производства допроса несовершеннолетних потерпевших.

* О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: федер. закон от 28 дек. 2013 г. N 432-ФЗ.

2. Субъекты допроса и его участники*.

В Конвенции Совета Европы от 25 октября 2007 г. «О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений»** указано, что «опрос ребенка требует наличия специализированного персонала, получившего специальную подготовку».

С.Р. Зеленин предлагает совершенствовать практику работы с «детьми, потерпевшими от преступлений» путем «повышения специальной подготовки следователей, работающих с несовершеннолетними потерпевшими, и получения ими навыков применения закона, необходимых при расследовании таких дел» [7, с. 27]. При этом как отсутствие «навыков применения закона» автор рассматривает случаи нарушения процессуального порядка производства допроса несовершеннолетнего потерпевшего (например, разъяснение прав, предусмотренных ст. 42 УПК РФ, малолетним лицам), а также незнание тактических особенностей, разработанных учеными-криминалистами (например, допрос и фиксация в протоколе показаний несовершеннолетнего потерпевшего «юридическим, казенным» языком).

Позволим себе не согласиться с точкой зрения С.Р. Зеленина, отнесшего тактические аспекты производства допроса несовершеннолетних потерпевших к «навыкам применения закона», поскольку они (тактические особенности, аспекты, рекомендации) не закреплены в УПК РФ и имеют рекомендательный характер. Вместе с тем следует поддержать позицию указанного автора, считающего необходимой разработку рекомендаций и методик, направленных на обучение работников следственных органов и суда правильному применению процессуальных норм, регламентирующих производство по уголовному делу с участием несовершеннолетнего потерпевшего (в том числе производство допроса) [7, с. 28].

* С.Р. Зеленин выделяет требования к субъектам допроса в качестве условия применения правовых норм.

** О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений: конвенция Совета Европы от 25 окт. 2007 г. (ратифицирована Федеральным законом от 7 мая 2013 г. N 76-ФЗ) // Рос. газ. 2013. 13 мая.

По нашему мнению, вопросы, связанные с субъектами производства допроса, регламентированы достаточно полно (хотя и требуют определенного совершенствования) в отличие от участия в допросе несовершеннолетнего потерпевшего иных лиц: педагога, психолога, законного представителя или представителя.

Так, к процессуальному порядку относятся положения ч. 1 ст. 191 УПК РФ, согласно которым при проведении допроса несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, обязательным является участие педагога или психолога. При этом внимание правоприменителей необходимо обратить на п. 62 ст. 5 УПК РФ, в соответствии с которым под педагогом понимается «педагогический работник, выполняющий в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся».

К тактическим аспектам обеспечения участия педагога или психолога в производстве допроса несовершеннолетнего потерпевшего относятся вопросы его выбора. Например, Э.Б. Мельникова в исследованиях, проводившихся в прошлом веке, указывала, что в качестве педагога могут быть приглашены: классный руководитель несовершеннолетнего, директор школы, в которой обучается ребенок, поскольку именно эти педагоги хорошо знают своего ученика и могут оказать помощь следователю в установлении контакта [9, с. 82].

Не поддерживая и не опровергая суждения Э.Б. Мельниковой, на наш взгляд, на этапе подготовки к допросу целесообразно выяснить у самого несовершеннолетнего, кого в качестве педагога он хочет видеть при производстве следственного действия. Например, наличие конфликта между учеником и классным руководителем или директором школы негативным образом скажется на производстве допроса, поскольку несовершеннолетний может отказаться от дачи показаний или солгать в присутствии лица, к которому испытывает неприязненные отношения.

Что же касается участия в допросе психолога, то представляется целесоо-

бразным приглашение лица, являющегося специалистом в области детской (под-ростковой) психологии и имеющего опыт работы с детьми той возрастной группы, к которой относится несовершеннолетний участник допроса. В случае, если несовершеннолетнему (например, находящемуся в трудной жизненной ситуации*) уже оказывается психологическая помощь конкретным лицом, то у потерпевшего или его законного представителя целесообразно выяснить, настаивает ли он на приглашении для участия в допросе в качестве психолога именно этого специалиста**.

На основании изложенного, учитывая, что участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего потерпевшего не только относится к процессуальному порядку производства указанного следственного действия, но и является правовой гарантией по отношению к рассматриваемой категории потерпевших, предлагаем ч. 1 ст. 191 УПК РФ дополнить следующим положением: «Выбор педагога или психолога производится по ходатайству потерпевшего или его законного представителя, а при отсутствии ходатайства — по усмотрению следователя».

Еще одной правовой гарантией по отношению к несовершеннолетнему потерпевшему является участие в производстве допроса законного представителя***. Вместе с тем остается не урегулированным

* В соответствии с Федеральным законом от 24 июля 1998 г. N 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» субъектами, находящимися в трудной жизненной ситуации, являются: дети — жертвы насилия; дети с отклонениями в поведении; дети, имеющие недостатки в физическом или психическом развитии, и т.д.

** Психологическая помощь несовершеннолетнему может оказываться со стороны психологов, психологов-консультантов, психотерапевтов.

*** В пункте 12 ст. 5 УПК РФ содержится исчерпывающий перечень лиц, которые могут быть законными представителями: родители, усыновители, опекуны или попечители, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний потерпевший, а также органы опеки и попечительства. Данный перечень отражает очередность, в которой лица могут быть допущены к участию в уголовном деле в качестве законных представителей.

на законодательном уровне ряд связанных с этим процессуальных вопросов:

1) порядок допуска законного представителя, представителя.

В отличие от ч. 2.2 ст. 45 УПК РФ, предусматривающей вынесение постановления об отстранении законного представителя и (или) представителя от участия в уголовном деле, их допуск действующим законодательством не регламентируется. В связи с этим правоприменители либо вносят сведения об участии законного представителя в протокол допроса, либо по аналогии со ст. 45 УПК РФ выносят постановление о допуске законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего к участию в уголовном деле или конкретном следственном действии.

На наш взгляд, имеет место пробел в законодательстве, поскольку если отстранение законного представителя несовершеннолетнего и (или) представителя происходит на основании постановления, то и допуск к участию в уголовном деле должен происходить путем вынесения соответствующего постановления [2, с. 16].

С целью формирования единообразной правоприменительной практики считаем целесообразным дополнить ст. 45 УПК РФ частью 2.1.1 следующего содержания:

«Допуск законного представителя и (или) представителя к участию в уголовном деле осуществляется по постановлению дознавателя, следователя, судьи или определению суда»;

2) участие законных представителей при производстве допроса (следственных действий).

В части 1 ст. 191 УПК РФ указано, что законный представитель «вправе присутствовать» при проведении ряда следственных действий, в том числе допроса. Подобная формулировка, на наш взгляд, влечет ненадлежащую защиту прав и интересов несовершеннолетнего потерпевшего, поскольку позволяет правоприменителям проводить допрос без участия законного представителя.

С целью соблюдения правовых гарантий по отношению к несовершеннолетнему потерпевшему считаем необходимым в ч. 1 ст. 191 УПК РФ последнее предложение сформулировать следующим обра-

зом: «При производстве указанных следственных действий* присутствует законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля».

Кроме того, внимание правоприменителей надлежит обратить на то обстоятельство, что положения ст. 191 УПК РФ, касающиеся участия в допросе законного представителя, необходимо рассматривать в совокупности с положениями ст. 45 УПК РФ, предусматривающей участие представителя потерпевшего;

3) допуск нескольких законных представителей одновременно.

Ю.Н. Стражевич считает нецелесообразным ограничивать количество законных представителей несовершеннолетнего потерпевшего и предлагает допускать к судопроизводству всех имеющих у несовершеннолетнего законных представителей [5, с. 165]. Аналогичную позицию занимает значительная часть ученых-процессуалистов [напр.: 10, с. 60], указывающих, что подобный подход наиболее полно обеспечивает реализацию прав и законных интересов ребенка.

Противоположного мнения придерживается Э.Д. Шайдуллина, отмечая, что «исходя из положений УПК РФ, следует, что в качестве законного представителя признается только одно лицо» [11, с. 73]. Однако УПК РФ не содержит запрета на участие в допросе нескольких законных представителей. Кроме того, в ч. 7 ст. 280 УПК РФ указывается на законных представителей несовершеннолетнего потерпевшего, покидающих зал судебного заседания после допроса, употребляя термин во множественном числе.

Нет единой точки зрения по этому вопросу и у правоприменителей. Так, одни из них считают, что допуск нескольких законных представителей мешает производству допроса, поскольку между ними могут возникнуть разногласия (например, по заявлению ходатайств или отводов), разрешать которые придется в судебном порядке. Другие правоприменители приводят в пример ситуации, когда законным представителем признан один из родителей, но принять участие в допросе он не может (например, по причине нахождения

в командировке, кратковременной болезни и т.д.), а второго не допускают, поскольку нет причин для вынесения решения об отстранении от участия в уголовном деле лица, ранее признанного законным представителем [12, с. 73].

Учитывая, что УПК РФ не содержит запрета на участие в допросе (производстве по уголовному делу) нескольких законных представителей несовершеннолетнего потерпевшего, позволим себе рекомендовать правоприменителям при наличии нескольких лиц, желающих участвовать в уголовном судопроизводстве в качестве законного представителя, принимать решение исходя из конкретной ситуации, складывающейся по уголовному делу.

При этом необходимо принимать во внимание положения ч. 3 ст. 191 УПК РФ, а также постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. N 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном процессе»**, из которых следует, что если участие в допросе несовершеннолетнего потерпевшего его законного представителя и (или) представителя противоречит интересам ребенка, то дознаватель, следователь, судья обеспечивает участие в допросе другого законного представителя и (или) представителя несовершеннолетнего потерпевшего.

Кроме того, правоприменителям следует учитывать, что п. 12 ст. 5 УПК РФ отражает очередность, в которой лица могут быть допущены к участию в уголовном деле в качестве законного представителя.

3. Видеозапись допроса.

В соответствии с ч. 5 ст. 191 УПК РФ применение видеозаписи или кино съемки в ходе допроса несовершеннолетнего потерпевшего является обязательным***. В качестве исключения законодатель предус-

** О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном процессе: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. N 17: ред. от 9 февр. 2012 г. // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2010. N 9; 2012. N 1.

*** Положения ч. 5 ст. 191 УПК РФ распространяются на проведение допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля.

* В том числе допроса.

матривает случаи, когда несовершеннолетний потерпевший либо его законный представитель высказывают возражения.

С.Р. Зеленин отмечает, что реализация положений ч. 5 ст. 191 УПК РФ является условием для дальнейшего действия ч. 6 ст. 281 УПК РФ, предусматривающей воспроизведение в суде видеозаписи или киносъемки допроса, сделанной в ходе предварительного расследования [7, с. 25]. По мнению автора, подобный подход законодателя позволяет повысить эффективность защиты интересов несовершеннолетнего потерпевшего и предотвратить «вторичную виктимизацию».

Аналогичным образом применение видеозаписи или киносъемки в ходе допроса несовершеннолетнего потерпевшего регламентируют нормы международного права*.

Е.Г. Дозорцева и А.Г. Красавина, оценивая применение видеозаписи допроса, как «важное нововведение», подчеркивают «сложившиеся за рубежом давние традиции» ее применения. По их мнению, наличие видеозаписи «позволяет сократить количество допросов ребенка и избавить его от необходимости давать показания в суде» [6, с. 25].

Вместе с тем В.Н. Карагодин, Н.Б. Вахмянина и А.А. Казаков указывают, что потерпевшие и их законные представители «в большинстве ситуаций возражают против применения видеозаписи, опасаясь распространения информации о произошедшем» [13, с. 73]. Кроме того, следователи также поддерживают подобное решение, опасаясь, что при просмотре видеозаписи судом будут выявлены процессуальные ошибки, допущенные при производстве допроса [13, с. 73].

* Руководящие принципы ООН, касающиеся правосудия в вопросах, связанных с участием детей – жертв и свидетелей преступлений, указывают повторяемость в качестве критерия проведения следственного действия с участием несовершеннолетнего; Директива N 2012/29ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об установлении минимальных стандартов в отношении прав, поддержки и защиты жертв преступлений» от 25 октября 2012 г. предусматривает запись допроса с участием ребенка, ставшего жертвой преступления, и ее использование в качестве доказательств по уголовному делу.

А.А. Федорова в качестве причины отказа несовершеннолетнего и его законного представителя от применения видеозаписи выделяет формальный подход дознавателей и следователей к разъяснению права на отказ от видеозаписи допроса и неразъяснение преимуществ ее применения. В связи с этим указанный автор предлагает вменить в обязанность дознавателя, следователя перед производством допроса разъяснять несовершеннолетнему потерпевшему, его законному представителю и (или) представителю как положения ч. 5 ст. 191 УПК РФ, так и преимущества, предусмотренные ч. 6 ст. 281 УПК РФ [14, с. 72-73].

Аналогичной позиции придерживаются В.В. Кальницкий и М.М. Овчинникова: «...разъяснение права возражать против видеозаписи должно осуществляться не формально, а с глубиной, достаточной для понимания данного права» [12, с. 33]. При этом авторы приводят текст соответствующих разъяснений, предлагая его обсуждение и рассмотрение возможности дальнейшего включения в протокол допроса несовершеннолетнего потерпевшего. Учитывая, что данный текст содержит не только цитаты из действующего законодательства, но и авторские пояснения относительно цели применения видеозаписи, ссылки на международную практику и т.д., следует поддержать предложение В.В. Кальницкого и М.М. Овчинниковой о дальнейшем научном изучении вопросов, связанных с разъяснением несовершеннолетнему потерпевшему, его законному представителю и (или) представителю права возражать против применения видеозаписи или киносъемки в ходе допроса.

Кроме того, на наш взгляд, в научном изучении и законодательном регулировании нуждается еще ряд вопросов, связанных с применением видеозаписи или киносъемки в ходе допроса несовершеннолетнего потерпевшего:

1) приоритет мнений участников допроса. В УПК РФ отсутствуют предписания о том, как поступить в ситуации, если мнение участников допроса относительно применения видеозаписи или киносъемки не совпадает.

Например, А.А. Федорова предлагает установить «дифференцированный под-

ход к учету мнения несовершеннолетнего потерпевшего в зависимости от его возраста и уровня психического развития». Однако пояснение о том, каким образом подобный подход закрепить в действующем законодательстве, автором не дается [14, с. 73];

2) виды технических средств. Законодательно не регламентируется, какие именно технические средства могут применяться, а лишь указывается форма их применения: видеозапись, киносъемка.

Например, А.Б. Соколов в результатах своего исследования указывает на следующие технические средства, применяемые респондентами в ходе допроса несовершеннолетнего: ноутбук – 86 %, видеокамера – 57 %, мобильный телефон – 20 %, веб-камера – 11 % [15, с. 126]. Однако возможность использования в качестве технического средства мобильного телефона или видеокамеры при проведении допросов несовершеннолетних потерпевших по делам о незаконном изготовлении порнографических материалов, на наш взгляд, требует изучения со стороны ученых в области детской психологии и психиатрии.

Таким образом, рассмотренные в статье пробелы правового регулирования и недостатки сложившейся правоприменительной практики позволяют прийти к выводу о необходимости продолжить научное изучение вопросов, связанных с процессуальным порядком допроса несовершеннолетнего потерпевшего.

Кроме того, за рамками рассмотренной в статье проблематики остается значительная часть тактических аспектов производства допроса несовершеннолетнего потерпевшего, представляющих собой, по мнению ученых-криминалистов, «белое пятно» и требующих изучения на монографическом уровне, а также общие правила производства допроса, предусмотренные гл. 26 УПК РФ [1, с. 87].

Подводя итог, подчеркнем еще раз основные выводы, разделив их на предложения по совершенствованию законо-

дательства и рекомендации правоприменителям:

1. Предложения по совершенствованию законодательства:

– дополнить ч. 1 ст. 191 УПК РФ следующим положением: «Выбор педагога или психолога производится по ходатайству потерпевшего или его законного представителя, а при отсутствии ходатайства – по усмотрению следователя»;

– в ч. 1 ст. 191 УПК РФ последнее предложение сформулировать следующим образом: «При производстве указанных следственных действий присутствует законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля»;

– дополнить ст. 45 УПК РФ частью 2.1.1 следующего содержания: «Допуск законного представителя и (или) представителя к участию в уголовном деле осуществляется по постановлению дознавателя, следователя, судьи или определению суда».

2. Рекомендации правоприменителям:

– необходимо обратить внимание на то, что нормы УПК РФ, регламентирующие время производства допроса несовершеннолетнего потерпевшего, указывают на допустимую продолжительность следственного действия, которая может быть сокращена в соответствии с психическим и физическим уровнем развития, состоянием здоровья ребенка, сложностью уголовного дела;

– при наличии нескольких лиц, желающих участвовать в уголовном судопроизводстве в качестве законного представителя, целесообразно принимать решение, исходя из конкретной ситуации, складывающейся по уголовному делу;

– перед производством допроса необходимо разъяснять несовершеннолетнему потерпевшему, его законному представителю и (или) представителю как положения ч. 5 ст. 191 УПК РФ, так и преимущества, предусмотренные ч. 6 ст. 281 УПК РФ.

Список литературы

1. Балтыкова З.А. Психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. N 5 (100). С. 87-91.

2. Чернова С.С. Расследование преступлений с участием несовершеннолетних: монография. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2016. 100 с.

3. Паршин Н.М. Предупреждение сексуальных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 31 с.
4. Стичко О.Ю. Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии: монография. М., 2010. 183 с.
5. Стражевич Ю.Н. Правовой статус несовершеннолетнего потерпевшего в Российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Сургут, 2007. 235 с.
6. Дозорцева Е.Г., Красавина А.Г. Правила проведения допросов несовершеннолетних, потерпевших от преступлений // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. N 3. С. 23-31.
7. Зеленин С.Р. Исследование судом показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля // Уголовный процесс. 2015. N 11. С. 24-34.
8. Дударев В.А. Порядок производства допроса несовершеннолетних потерпевших (свидетелей) по уголовно-процессуальному законодательству России и Республики Беларусь // Международное уголовное право. 2015. N 1. С. 21-25.
9. Мельникова Э.Б. Участие специалистов в следственных действиях. М., 1964. 87 с.
10. Галимов О.Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве. СПб., 2001. 224 с.
11. Шайдуллина Э.Д. Вопросы участия законных представителей несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. N 4 (26). С. 72-75.
12. Кальницкий В.В., Овчинникова М.М. Видеозапись следователем (дознавателем) показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля // Законодательство и практика. 2016. N 1 (36). С. 32-36.
13. Карагодин В.Н., Вахмянина Н.Б., Казаков А.А. Обеспечение баланса при соблюдении конкурирующих прав подозреваемых, обвиняемых и несовершеннолетних потерпевших, свидетелей // Библиотека криминалиста. 2017. N 3 (32). С. 68-74.
14. Федорова А.А. Допрос несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля: зачем нужна видеозапись // Уголовный процесс. 2019. N 5. С. 70-73.
15. Соколов А.Б. Организация и процедура применения видеосъемки в ходе допроса несовершеннолетнего // Уголовное право. 2016. N 2. С. 125-130.

References

1. Baltykova Z.A. Psihologicheskie osnovy doprosa nesovershennoletnih svideteley i poterpevshih [Psychological bases of interrogation of minor witnesses and victims]. Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii – Bulletin of the Saratov State Law Academy, 2014, no. 5 (100), pp. 87-91.
2. Chernova S.S. Rassledovanie prestupleniy s uchastiem nesovershennoletnih [Investigation of crimes involving minors]. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2016. 100 p.
3. Parshin N.M. Preduprezhdenie seksual'nyh prestupleniy, sovershaemyh v otnoshenii nesovershennoletnih. Avtoref. Kand. Diss. [Prevention of sexual crimes committed against minors. Autoabstract Cand. Diss.]. Saratov, 2018. 31 p.
4. Stichko O.Yu. Taktiko-psihologicheskie osnovy doprosa nesovershennoletnih svideteley i poterpevshih na predvaritel'nom sledstvii [Tactical and psychological bases of interrogation of juvenile witnesses and victims during the preliminary investigation]. Moscow, 2010. 183 p.
5. Strazhevich Yu.N. Pravovoy status nesovershennoletnego poterpevshego v Rossiyskom ugovolnom protsesse. Kand. Diss. [The legal status of a minor victim in the Russian criminal process. Cand. Diss.]. Surgut, 2007. 235 p.
6. Dozortseva E.G., Krasavina A.G. Pravila provedeniya doprosov nesovershennoletnih, poterpevshih ot prestupleniy [Rules for the interrogation of juveniles, victims of crimes]. Kul'turno-istoricheskaya psihologiya – Cultural-historical psychology, 2017, vol. 13, no. 3, pp. 23-31.
7. Zelenin S.R. Issledovanie sudom pokazaniy nesovershennoletnego poterpevshego ili svidetelya [Court investigation of the testimony of a minor victim or witness]. Ugolovniy protsess – Criminal trial, 2015, no. 11, pp. 24-34.
8. Dudarev V.A. Poryadok proizvodstva doprosa nesovershennoletnih poterpevshih (svideteley) po ugovolno-protsessual'nomu zakonodatel'stvu Rossii i Respubliki Belarus' [The procedure for the interrogation of minors victims (witnesses) under the criminal procedure legislation of Russia and the Republic of Belarus]. Mezhdunarodnoe ugovolnoe parvo – International criminal law, 2015, no. 1, pp. 21-25.
9. Mel'nikova E.B. Uchastie spetsialistov v sledstvennyh deystviyah [Participation of specialists in investigative actions]. Moscow, 1964. 87 p.
10. Galimov O.H. Maloletnie litsa v ugovolnom sudoproizvodstve [Juvenile persons in criminal proceedings]. St. Petersburg, 2001. 224 p.
11. Shaydullina E.D. Voprosy uchastiya zakonnyh predstaviteley nesovershennoletnih v ugovolnom sudoproizvodstve [Questions of the participation of legal representatives of minors in criminal proceedings]. Vestnik

Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016, no. 4 (26), pp. 72-75.

12. Kal'nitskiy V.V., Ovchinnikova M.M. Videozapis' sledovatelem (doznavatelem) pokazaniy nesovershennoletnego poterpevshego ili svidetelya [Video recording by the investigator (investigator) of the testimony of a minor victim or witness]. *Zakonodatel'stvo i praktika – Legislation and Practice*, 2016, no. 1 (36), pp. 32-36.

13. Karagodin V.N., Vahmyanina N.B., Kazakov A.A. Obespechenie balansa pri soblyudenii konkuriruyushchih prav podozrevaemyh, obvinyaemyh i nesovershennoletnih poterpevshih, svideteley [Ensuring a balance while respecting the competing rights of suspects, defendants and juvenile victims, witnesses]. *Biblioteka kriminalista – The library of the criminalist*, 2017, no. 3 (32), pp. 68-74.

14. Fedorova A.A. Dopros nesovershennoletnego poterpevshego i svidetelya: zachem nuzhna videozapis' [Interrogation of a minor victim and a witness: why do we need video recording]. *Ugolovniy protsess – Criminal trial*, 2019, no. 5, pp. 70-73.

15. Sokolov A.B. Organizatsiya i protsedura primeneniya videos"emki v hode doprosa nesovershennoletnego [Organization and procedure for the use of video during the interrogation of a minor]. *Ugolovnoe parvo – Criminal law*, 2016, no. 2, pp. 125-130.

Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики

РАВНЮШКИН А.В.,
кандидат исторических наук,
rav.kin@mail.ru
Кафедра специальных дисциплин;
Крымский филиал
Краснодарского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
295053, г. Симферополь,
ул. Академика Х.Х. Стевена, 14

RAVNYUSHKIN A.V.,
Candidate of Historical Sciences,
rav.kin@mail.ru
Chair of special disciplines;
Crimean branch of the Krasnodar
University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Academician H.H. Steven St. 14,
Simferopol, 295053,
Russian Federation

НАГОРНЫЙ А.П.,
nag.van.ale@mail.ru
Кафедра специальных дисциплин;
Крымский филиал
Краснодарского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
295053, г. Симферополь,
ул. Академика Х.Х. Стевена, 14

NAGORNY A.P.,
nag.van.ale@mail.ru
Chair of special disciplines;
Crimean branch of the Krasnodar
University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Academician H.H. Steven St. 14,
Simferopol, 295053,
Russian Federation

ПОПОВ А.Н.,
aleksey.sas.81@mail.ru
Кафедра специальных дисциплин;
Крымский филиал
Краснодарского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
295053, г. Симферополь,
ул. Академика Х.Х. Стевена, 14

POPOV A.N.,
aleksey.sas.81@mail.ru
Chair of special disciplines;
Crimean branch of the Krasnodar
University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Academician H.H. Steven St. 14,
Simferopol, 295053,
Russian Federation

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ДОСМОТРА ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ,
ОБЕСПЕЧИВАЮЩИМИ ОХРАНУ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с досмотром физического лица и вещей, находящихся при нем. На практике применяются два вида досмотра физического лица – наружный и личный. Отмечается, что регламентация проведения наружного досмотра противоречит требованиям части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, а порядок проведения личного досмотра нуждается в совершенствовании. Авторами предлагается дополнительно предусмотреть в части 4 статьи 27.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях следующее: 1) личный досмотр проводится при наличии достаточных оснований полагать, что при физическом лице находятся не только оружие и предметы, используемые в качестве оружия, но и наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги либо новые потенциально опасные психоактивные вещества; 2) личный досмотр может начаться на месте совершения административного правонарушения, а завершиться после доставления в отдельном помещении органа внутренних дел; 3) на месте выявления административного правонарушения возможно только обследование имеющихся на физическом лице элементов и предметов верхней одежды; 4) личный досмотр на месте выявления административного правонарушения осуществляется должностным лицом, в том числе иного пола, чем досматриваемое лицо.

Ключевые слова: физическое лицо; сотрудники полиции; меры административного принуждения; наружный досмотр; личный досмотр.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND CARRYING OUT THE EXTERNAL EXAMINATION AND PERSONAL SEARCH OF AN INDIVIDUAL BY POLICE OFFICERS ENSURING THE PROTECTION OF PUBLIC ORDER

Annotation. The article deals with the issues related to the search of an individual and his (or her) belongings. In law enforcement practice, there are two types of inspection of an individual – external and personal. It is noted that the regulation of the procedure for carrying out an external examination is contrary to the requirements of part 3 of article 55 of the Constitution of the Russian Federation, and the procedure for carrying out a personal search needs to be improved. The authors of the article propose to amend part 4 of article 27.7 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation by the following points: 1) personal search is carried out if there are sufficient grounds to believe that a physical person has not only weapons and items used as weapons, but also narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues or new potentially dangerous psychoactive substances; 2) personal search may start at the scene of committing the administrative offence, and be completed in a separate room of the police station after bringing the individual there; 3) it is possible to examine only the individual's outerwear at the scene of committing the administrative offence; 4) personal search at the scene of committing the administrative offence is carried out by the official, including the official of a gender different than the person being searched.

Keywords: physical person; police officers; measures of administrative coercion; external examination; personal search.

Досмотр физического лица и вещей, находящихся при нем, является одной из наиболее распространенных мер административного принуждения, применяемых сотрудниками органов внутренних дел. Граждане имеют право знать основания и цели досмотра, а сотрудники органов внутренних дел (полиции) обязаны разъяснить им возникающие в связи с осуществлением данной меры принуждения права. При досмотре необходимо обеспечить безопасность и здоровье граждан, соблюсти конфиденциальность полученных сведений. В определенных случаях досмотр требует соблюдения санитарно-гигиенических требований, так как его производство может быть сопряжено с обнажением досматриваемого лица. В связи с этим досмотр воспринимается гражданами как мера, затрагивающая их честь и достоинство, посягает на личную неприкосновенность.

Несмотря на то, что досмотр физического лица имеет широкую практику применения, до сих пор остается актуальной проблема определения данного понятия, достаточности оснований, соблюдения порядка осуществления, особенно при выявлении административных правонарушений сотрудниками полиции, исполняющими обязанности по охране общественного порядка в обычных условиях, не на охраняемых и режимных объектах. Проблема соблюдения законности сотрудниками полиции при осуществлении досмотра осо-

бенно актуальна, поскольку личные или имущественные ограничения при его реализации применяются до принятия и вступления в законную силу решения по делу, а значит, производятся в отношении лиц, которые в соответствии со ст. 1.5 КоАП РФ считаются невиновными в совершении правонарушения.

Представляется необходимой выработка с учетом конституционных требований о соблюдении прав и свобод человека и гражданина, на основе анализа иных правовых норм, материалов судебной практики и научной литературы предложений по совершенствованию проведения личного досмотра сотрудниками полиции, осуществляющими обязанности по предупреждению и пресечению правонарушений во время охраны общественного порядка в обычных условиях.

А.Ю. Соколов, исследуя развитие советского законодательства о проведении досмотра, указал на отсутствие единого определения понятия досмотра в нормативных правовых актах. Ученый пришел к выводу, что досмотр был предусмотрен законами только как мера административного принуждения, имеющая двойственную природу, административно-предупредительную и административно-процессуальную [1, с. 12].

Тем не менее уже в советское время было понимание того, что сотрудникам патрульно-постовой службы милиции необ-

ходимы определенные правовые гарантии личной безопасности при контакте с задержанными, и наружный осмотр рассматривался как соответствующая мера: согласно п. 205 Устава патрульно-постовой службы советской милиции «в зависимости от обстоятельств наружный осмотр одежды и вещей, находящихся у задержанных, производится немедленно или в более удобный момент, когда можно получить помощь от других работников милиции, дружинников или граждан. Обнаруженное оружие и предметы, которые могут быть использованы для оказания сопротивления, нападения на наряд милиции или побега, немедленно изымаются»*. Данное положение в действующем в настоящее время Уставе патрульно-постовой службы полиции (далее – Устав ППС) ** претерпело определенные изменения: вместо наружного осмотра указано «досмотр», но упоминаемая мера по-прежнему выступает как правовое средство, осуществляемое в целях личной безопасности сотрудников полиции.

Учеными-административистами отмечается, что и в действующем законодательстве отсутствует какая-либо систематизация правовых норм, предусматривающих проведение досмотровых и осмотровых мероприятий сотрудниками полиции, [2, с. 39]. Анализ действующих нормативных правовых актов показал, что по-прежнему нет единого законодательного определения понятия досмотра.

Несмотря на попытку определения личного досмотра как административно-предупредительной меры, направленной на недопущение правонарушений [3, с. 179], основания и порядок его применения остаются недостаточно урегулированными [3, с. 179; 4, с. 59-60]. Возможность применения сотрудниками полиции данного вида досмотра предусмотрена, например, пп. 16 и 25 ч. 1 ст. 13 Федераль-

ного закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»*** (далее – ФЗ «О полиции») в ситуациях досмотра пассажиров, их ручной клади и багажа на объектах транспорта; досмотра и (или) осмотра транспортных средств при въезде на охраняемые объекты и выезде с охраняемых объектов и так далее.

Однако, как справедливо отмечено исследователями, не всегда административно-предупредительные меры осуществляются с соблюдением процессуальных правил [4, с. 61]. Указанные правила соблюдаются в процессе осуществления административно-предупредительных мер, в основном в тех случаях, когда имеются достаточные данные полагать, что уже совершено или совершается административное правонарушение. Если сотрудником полиции выявлено событие административного правонарушения, то необходимо осуществить по нему производство с целью привлечения правонарушителя к административной ответственности. В рамках производства по делу об административном правонарушении могут применяться меры его обеспечения, в том числе личный досмотр. Пунктом 16 ч. 1 ФЗ «О полиции» предусмотрено, что личный досмотр граждан осуществляется в соответствии с законодательством об административных правонарушениях.

Одним из видов досмотра физического лица, который осуществляют сотрудники полиции при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, является личный досмотр, предусмотренный ст. 27.7 КоАП РФ как мера административно-процессуального обеспечения. Исследованию данной меры административного принуждения посвящено множество научных работ. Изучив природу личного досмотра, его специфические признаки, А.В. Мягков констатирует, что личный досмотр может применяться не во всех, а только в обусловленных необходимостью случаях [5]. Аналогичного мнения придерживается О.Ю. Зубкова, указывая, что личный досмотр производится в целях, предусмотренных законом, только в связи с правонарушением [6, с. 243-244].

*** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

* Устав патрульно-постовой службы советской милиции: утв. приказом МВД СССР от 20 июля 1974 года N 200. М., 1974. С. 122.

** Устав патрульно-постовой службы полиции: утв. приказом МВД России от 29 янв. 2008 г. N 80: ред. от 12 февр. 2015 г. // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. N 27; 2015. N 30.

Несмотря на наличие правовой регламентации личного досмотра, она нуждается в совершенствовании в части определения оснований и порядка проведения в исключительных случаях. Необходимо рассмотреть возможность расширения оснований личного досмотра, участия при определенных условиях и пределах понятых иного пола, а также проведения личного досмотра без таковых, осуществления данной процедуры должностным лицом иного пола, чем досматриваемое лицо. Для определения путей решения проблем осуществления личного досмотра предлагается рассмотреть ситуацию, которая является типичной для сотрудников полиции, исполняющих обязанности по охране общественного порядка: выявление события административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ, потребления наркотических или психотропных веществ (наркотиков) в общественных местах.

Хронологически личному досмотру предшествует выявление самого события административного правонарушения сотрудником полиции, например полицейским патрульно-постовой службы, который обязан не только выполнить общие требования, закрепленные в ст. 5 ФЗ «О полиции», но и добиться выполнения главных задач, перечисленных в п. 273 Устава ППСП: пресечение административного правонарушения, задержание правонарушителя, обеспечение качества и полноты материала по административному правонарушению, документирование противоправного деяния. При этом допускается, что алгоритм действий сотрудников определяется в зависимости от правонарушения, состава и количества нарядов, но на первом месте всегда стоит пресечение правонарушения, то есть ряд тактических действий по прекращению продолжения события административного правонарушения, а затем его документирование.

Прежде всего необходимо исключить использование гражданами, совершающими данное правонарушение, предметов для нападения или оказания сотрудникам полиции сопротивления. Затем, используя фото-, видеоустройства, следует зафиксировать факт потребления наркотиков и предметы, связанные с ним. Ис-

ходя из конкретных обстоятельств, наоборот, в первую очередь при приближении сотрудников к месту правонарушения может быть осуществлена фото-, видеофиксация правонарушения, а затем удалены предметы, которые могут быть применены при нападении или сопротивлении. Далее, необходимо потребовать, чтобы лица, совершающие данное правонарушение, прекратили потребление наркотиков и не препятствовали выполнению полицией обязанностей, что в противном случае повлечет ответственность, предусмотренную законом.

Руководствуясь п. 7 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции», необходимо потребовать не прикасаться к предметам, связанным с правонарушением, удалиться на некоторое расстояние от места правонарушения. Если правонарушители не выполняют данные требования, то необходимо добиться их выполнения, в том числе путем применения на законных основаниях физической силы, в отдельных случаях — специальных средств. Одновременно с обеспечением контроля за местом совершения административного правонарушения необходимо взять под полный контроль поведение лиц, совершающих административное правонарушение, а также находящихся рядом иных лиц.

Разумно предположить, что, если осуществлялось потребление наркотических средств, то у задерживаемых лиц могут находиться при себе также наркотические средства, другие запрещенные вещества и опасные предметы. В целях выявления предметов и орудий совершения административных правонарушений сотрудникам полиции следует досмотреть всех причастных к правонарушению лиц. Мнение о необходимости личного досмотра в данной ситуации разделяется и другими исследователями [7, с. 58].

При производстве личного досмотра необходимо соблюдать требования ст. 27.7 КоАП РФ. Согласно ч. 3 данной статьи личный досмотр осуществляется лицом одного пола с досматриваемым в присутствии двух понятых того же пола, досмотр же вещей, находящихся при физическом лице, — уполномоченными на то должностными лицами в присутствии понятых либо с применением видеозаписи. Общее

правило — присутствие понятых является обязательным. Применение видеозаписи в этом случае не исключает участие понятых.

Далеко не всегда имеется возможность обеспечить присутствие понятых, в том числе того же пола, что и лицо, совершившее административное правонарушение. В научной среде имеются сторонники упрощения процедуры привлечения понятых: по их мнению, в КоАП РФ следовало бы предусмотреть, что «досмотр производится при понятых, если возможно обеспечить их присутствие» [4, с. 62]. Такая формулировка ч. 3 ст. 27.7 КоАП РФ была бы удобна для правоприменения, однако отсутствие понятых все же является исключением из общего правила.

В КоАП РФ не определено место осуществления личного досмотра. При наличии оснований личный досмотр целесообразно производить немедленно на месте правонарушения, чтобы исключить изъятие, повреждение и уничтожение лицом предметов и орудий совершения административного правонарушения. Однако возможность осуществления в соответствии с действующей редакцией ст. 27.7 КоАП РФ личного досмотра на месте выявления события административного правонарушения, которым часто является место с массовым пребыванием граждан, является сомнительной ввиду обязанности соблюдения принципов законности, свободы и личной неприкосновенности, защиты чести и достоинства досматриваемого лица. В то же время о возможности или обязанности применения фото- и видеосъемки при личном досмотре в ч. 3 ст. 27.7 КоАП РФ не содержится никаких указаний [7, с. 59]. Однако ч. 5 ст. 27.7 КоАП РФ допускает их применение «в случае необходимости». В связи с этим существует мнение о том, что в процессе производства личного досмотра, досмотра вещей может осуществляться фото- и киносъемка, а также иные способы фиксации вещественных доказательств [8, с. 136]. В то же время данная норма не определяет, когда именно, непосредственно при личном досмотре или после него, при документировании уже изъятых предметов и орудий совершения административных правонарушений может производиться фото- и киносъемка вещественных доказательств.

Согласно ч. 4 ст. 27.7 КоАП РФ личный досмотр может быть осуществлен в отсутствие понятых в исключительных случаях при наличии достаточных оснований полагать, что при физическом лице находятся оружие или иные предметы, используемые в качестве оружия. Высказано мнение о том, что причиной, по которой законодатель допускает проведение данного действия без понятых, является необходимость обеспечения их безопасности [7, с. 59]. Остается открытым и вопрос обеспечения безопасности должностных лиц, осуществляющих личный досмотр. Проблема обнаруживается в том, что если у сотрудника нет достаточных оснований полагать (либо нет данных), что при физическом лице находятся оружие или иные предметы, используемые в качестве оружия, то осуществить личный досмотр и согласно п. 16 ст. 13 ФЗ «О полиции», и на основании ч. 4 ст. 27.7 КоАП РФ в рамках закона не представляется возможным.

Сотрудник полиции, пресекающий административное правонарушение, может быть иного пола, чем лицо, совершившее административное правонарушение. В соответствии с требованиями ст. 27.7 КоАП РФ производство личного досмотра должностным лицом иного пола, чем досматриваемый, невозможно. В то же время, по мнению исследователей, ч. 3 ст. 27.7 КоАП РФ необходимо дополнить нормой следующего содержания: «...в неотложных случаях для предотвращения угрозы жизни и здоровью допускается личный досмотр лица противоположного пола» [4, с. 63]. Данная точка зрения имеет право на существование, однако представляется более целесообразным при определенных основаниях предусмотреть такое положение в ч. 4 ст. 27.7 КоАП РФ.

Именно проблема обеспечения безопасности сотрудников полиции при пресечении административного правонарушения и личном досмотре является для отдельных ученых основой развития положения о наружном досмотре. Принимая во внимание, что требования п. 266 Устава ППСП по осуществлению наружного досмотра сотрудником того же пола, что и досматриваемое лицо, отсутствуют, и вообще каких-либо указаний о том, что наружный досмотр осуществляется в присут-

ствии понятых, нет, ряд авторов полагает, что понятые не требуются и, соответственно, нет необходимости в обеспечении их безопасности [9, с. 204]. Однако следует согласиться с тем, что далеко не каждый сотрудник полиции мужского пола будет осуществлять наружный досмотр женщины, несмотря на то, что требования по осуществлению наружного досмотра сотрудником того же пола, что и досматриваемое лицо, в Уставе ППСП отсутствуют. В связи с этим М.В. Сергеев и О.А. Дизер считают, что вопрос о необходимости присутствия понятых при наружном досмотре является дискуссионным [2, с. 42]. Конституционные права и свободы человека и гражданина, в том числе на личную неприкосновенность, являются неотъемлемыми.

Проблемой является то, что согласно п. 266 Устава ППСП наружный досмотр осуществляется только в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступлений, а не совершивших административное правонарушение. В разделе Устава ППСП «Действия сотрудников подразделений ППСП при выявлении административных правонарушений» наружный досмотр не предусматривается. На практике возникают ситуации, когда административные правонарушения совершаются лицами, ранее привлекавшимися к ответственности и (или) находящимися в розыске за совершение преступлений. К недостаткам регламентации наружного досмотра относится тот факт, что данный пункт Устава ППСП не определяет, каким образом необходимо осуществлять досмотр [9, с. 204; 10, с. 439].

О проведении наружного досмотра сотрудник полиции может составить соответствующий рапорт, в котором указывает, в частности, и об изъятом оружии и иных предметах, запрещенных в гражданском обороте. В указанной ситуации, если изъятое оружие или иной предмет могут явиться орудием совершения или предметом административного правонарушения, то, согласно действующему законодательству, данное оружие, орудие или предмет изъяты незаконно. Как показывает практика и справедливо об этом указывает А.Ю. Темников, нередко сотрудники, заподозрив лицо в совершении преступления, проводят наружный досмотр его одежды и, обнаружив оружие, осуществляют его

изъятие без составления какого-либо протокола, затем доставляют в территориальный орган МВД России, где вкладывают в пистолет туда, откуда достали, а потом проводят личный досмотр и повторное изъятие с понятыми, что, конечно же, является незаконным [10, с. 439].

Кроме того, имеются установленные судом факты «подбрасывания» сотрудниками органов внутренних дел на месте выявления правонарушения вещественных доказательств и последующего их «изъятия», зафиксированного в протоколе личного досмотра*. В целом необходимо признать, что вопросы применения досмотра в связи с совершением деяния, содержащего признаки преступления, до возбуждения уголовного дела, когда уголовно-процессуальный механизм не может быть задействован, остаются недостаточно изученными [5, с. 30].

Проведение наружного досмотра в форме, представленной Уставом ППСП, явно противоречит требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, согласно которым права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом. Однако возможно согласиться с мнением о том, что проведение наружного досмотра задерживаемых и иных лиц, а также находящихся при них вещей для обеспечения личной и общественной безопасности во многих случаях является совершенно безальтернативным [11, с. 247].

Следует определиться с необходимостью существования наружного досмотра: либо предусмотреть как материальную норму в ФЗ «О полиции», либо признание необходимости обеспечения личной безопасности понятых и должностных лиц путем досмотра физического лица будет выражено дополнением к процессуальной норме (к ст. 27.7 КоАП РФ).

Как отмечают А.А. Сошин и А.В. Желтобрюх, в современных условиях при личном досмотре невозможно полноценно обеспечить безопасность как долж-

* Решение Красносельского районного суда Санкт-Петербурга по делу N 2-4281/2017 от 28 июня 2017 г. о компенсации морального вреда в связи с незаконным личным досмотром // Sud-Praktika.ru: сайт. URL: <http://sud-praktika.ru>

ностных лиц, его осуществляющих, так и присутствующих при нем, а посредством наружного досмотра, который не является процессуальным действием, нельзя законно изъять предметы, запрещенные или ограниченные в свободном обороте. В таком случае процесс наружного досмотра прекращается и начинается предусмотренный ст. 27.7 КоАП РФ личный досмотр [8, с. 138]. Следует отметить, что нормативными правовыми актами такой «переход» не регламентирован [12, с. 139].

Учитывая значение обеспечения личной безопасности сотрудников полиции и окружающих лиц на месте совершения правонарушений, в научной среде распространено мнение о целесообразности включения положения о наружном досмотре в ст. 13 ФЗ «О полиции» [13, с. 236; 14, с. 343; 15, с. 115].

Имеется точка зрения, согласно которой необходимо одновременно как расширить основания и цели применения ст. 27.7 КоАП РФ, так и предусмотреть наружный досмотр в п. 16 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции» [16, с. 143].

По нашему мнению, нет необходимости вводить в закон отдельную материальную норму, предусматривающую наружный досмотр. В качестве материальной административно-предупредительной меры наружный досмотр не может широко применяться в обычных условиях и обеспечить процессуальную сторону изъятия предметов и орудий совершения административных правонарушений. В связи с этим представляется целесообразным изменить и дополнить ч. 4 ст. 27.7 КоАП РФ.

При этом необходимо предусмотреть следующее:

1. В части 4 ст. 27.7 КоАП РФ указать, что личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, проводятся не только при наличии достаточных оснований полагать, что при физическом лице находятся оружие и предметы, используемые в качестве оружия, но и наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги либо новые потенциально опасные психоактивные вещества.

Например, шприц с открытой иглой в руках правонарушителя может представлять опасность для жизни и здоровья окружающих. С его помощью правонарушитель может совершить нападение или

оказать сопротивление сотрудникам полиции. Кроме того, содержимое шприца может оказаться наркотиком или новым запрещенным веществом. В то же время у сотрудников полиции отсутствуют указанные в ст. 182 УПК РФ достаточные данные о том, что у правонарушителя могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые в последующем могут иметь значение для уголовного дела. Для производства личного обыска нет достаточных оснований, но имеются основания для личного досмотра. Необходимо расширить основания проведения личного досмотра.

2. В части 4 ст. 27.7 КоАП РФ допустить в исключительных случаях возможность производства личного досмотра в присутствии понятых иного пола, чем досматриваемое лицо. Это будет способствовать оперативности производства личного досмотра. В то же время необходимо признать, что личный досмотр в отсутствие понятых, как и в присутствии понятых, но иного пола, — крайняя мера. Обычная процедура личного досмотра — это досмотр, осуществляемый с соблюдением требований ч. 3 ст. 27.7 КоАП РФ.

3. При наличии достаточных оснований полагать, что у физического лица имеются оружие и предметы, используемые в качестве оружия, наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, личный досмотр обязательно осуществляется на месте обнаружения административного правонарушения. В исключительных случаях личный досмотр может завершиться после доставления в отдельном помещении территориального органа или подразделения полиции, в помещении муниципального органа, в ином служебном помещении ввиду достаточных оснований полагать, что данные вещества могут быть спрятаны в повязках, протезах, а следовательно, для осмотра необходимо участие специалиста — медицинского работника.

4. Осуществленный на месте обнаружения административного правонарушения личный досмотр не затрагивает честь и достоинство гражданина, так как производится на законных основаниях, в

соответствии с предлагаемой редакцией ч. 4 ст. 27.7 КоАП РФ. При осуществлении личного досмотра на месте выявления административного правонарушения сотрудники полиции обязаны исключить присутствие лиц, не принимающих участие в личном досмотре.

5. Личный досмотр, досмотр вещей следует проводить, используя определенную аналогию со ст. 12.27 КоАП РФ, когда освидетельствование на состояние алкогольного опьянения проводится, во-первых, уполномоченными должностными лицами органов внутренних дел (полиции) на месте выявления правонарушения и, во-вторых, медицинское освидетельствование на состояние опьянения проводится медицинскими работниками в медицинской организации. По результатам применения рассматриваемых мер обеспечения производства составляются отдельные документы — акты. Невозможно провести медицинское освидетельствование в медицинской организации в рамках ст. 12.27 КоАП РФ, не предложив правонарушителю на месте пройти процедуру освидетельствования на состояние алкогольного опьянения.

6. В протоколе о личном досмотре, досмотре вещей, находящихся при физическом лице, обязательно указывать не только предусмотренную ст. 27.7 КоАП РФ дату его проведения, но и время начала и окончания досмотра на месте обнаружения события административного правонарушения. При этом необходимо предусмотреть и графу, в которой будет указано, что досмотр продолжен в ином месте, отдельном помещении после доставления.

Исходя из вышеизложенного предлагается ч. 4 ст. 27.7 КоАП РФ изложить в следующей редакции:

«4. В исключительных случаях при наличии достаточных оснований полагать, что при физическом лице находятся наркотические средства, психотропные вещества

или их аналоги, либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, и (или) оружие или иные предметы, используемые в качестве оружия, личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, обязательно производится должностным лицом на месте выявления административного правонарушения в присутствии двух понятых того же пола.

В случаях, если на месте выявления административного правонарушения невозможно обеспечить присутствие понятых того же пола, что и досматриваемое лицо, допускается участие понятых иного пола или проведение личного досмотра без понятых, но с применением видеозаписи. Личный досмотр на месте выявления административного правонарушения может производиться и должностным лицом иного пола, чем досматриваемое лицо, совершившее административное правонарушение.

В случаях, если на месте выявления административного правонарушения личный досмотр осуществляется должностным лицом иного пола, в присутствии понятых иного пола или без понятых, но с применением видеозаписи, досматриваются только имеющиеся на физическом лице элементы и предметы верхней одежды, в том числе складки и карманы.

При наличии достаточных оснований полагать, что у досматриваемого физического лица и после личного досмотра на месте выявления административного правонарушения имеются предметы и (или) орудия совершения административного правонарушения, личный досмотр продолжается после доставления в отдельном помещении территориального органа или подразделения полиции, в помещении муниципального органа, в ином служебном помещении.

Личный досмотр, осуществляемый после доставления, производится с соблюдением требований части 3 настоящей статьи».

Список литературы

1. Соколов А.Ю. Развитие законодательства о досмотре как мере административного принуждения в советский период // История государства и права. 2011. N 21. С. 10-13.
2. Сергеев М.В., Дизер О.А. Вопросы регламентации досмотровых и осмотровых мероприятий, осуществляемых сотрудниками полиции в отношении физических лиц // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. N 3 (45). С. 38-45.

3. Труфанов М.Е. Проблемы административно-правового регулирования применения личного досмотра // Актуальные проблемы современной науки: материалы III междунар. науч.-практ. конф. 2014. Вып. 3. Т. 1. Ставрополь, 2014. С. 177-179.
4. Газизов Д.А., Мягков А.В., Радько С.Ф. Процедура применения милицией досмотра // Полицейское право. 2005. N 3. С. 58-63.
5. Мягков А.В. Досмотр как мера административно-процессуального обеспечения, применяемая милицией // Полицейское право. 2006. N 1 (5). С. 26-32.
6. Зубкова О.Ю. Личный досмотр как мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении // Научные открытия 2018: материалы XXXVIII междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь, 2018. С. 243-244.
7. Черкасова Е.К. Особенности правового регулирования и производства личного досмотра // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. N 1. С. 57-60.
8. Сошин А.А., Желтобрюх А.В. О некоторых вопросах применения личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице, сотрудниками полиции // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: материалы XXII междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Т. 1. Иркутск: Восточно-Сибирский ин-т Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 134-139.
9. Безгачев Ф.В., Крупин В.А. Актуальные проблемы проведения личного и наружного досмотра сотрудниками органов внутренних дел // NovaUm.Ru. 2017. N 10. С. 203-207. URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 20 февр. 2019 г.).
10. Темников А.Ю. О некоторых вопросах проведения наружного досмотра сотрудниками полиции // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. ст. по материалам ежегодной всерос. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения) / под общ. ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 438-440.
11. Бабин С.В. К вопросу о законности применения полицией наружного досмотра // NovaUm.Ru. 2018. N 15. С. 245-248. URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 20 февр. 2019 г.).
12. Равнюшкин А.В. Наружный досмотр как мера обеспечения личной безопасности сотрудника полиции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. N 3 (41). С. 137-141.
13. Ткаченко В.В., Никулин А.И. Правовые основания проведения наружного досмотра сотрудниками полиции // Ленинградский юридический журнал. 2018. N 2 (52). С. 230-238.
14. Белов С.В., Водяная М.Ю. Наружный досмотр как мера личной безопасности сотрудника полиции // Актуальные проблемы административной деятельности полиции: материалы всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Краснодарский ун-т Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. С. 338-343.
15. Дубровин А.К. Наружный досмотр как норма материального права // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов 20-й междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2015. С. 112-115.
16. Пронина С.А., Агеев М.А. Наружный досмотр как мера обеспечения личной безопасности сотрудника полиции // Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов: сб. науч. тр. / под общ. ред. Г.Н. Суловой. Тверь, 2018. С. 139-143.

References

1. Sokolov A.Yu. Razvitiye zakonodatel'stva o dosmotre kak mere administrativnogo prinuzhdeniya v sovetskiy period [The development of legislation on inspection as a measure of administrative coercion in the Soviet period]. Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law, 2011, no. 21, pp. 10-13.
2. Sergeev M.V., Diser O.A. Voprosy reglamentatsii dosmotrovyyh i osmotrovyyh meropriyatiy, osushchestvlyаемых sotrudnikami politzii v otnoshenii fizicheskikh lits [The regulation of inspection and examination activities carried out by police officers against individuals]. Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika – Legal science and law enforcement practice, 2018, no. 3 (45), pp. 38-45.
3. Trufanov M.E. Problemy administrativno-pravovogo regulirovaniya primeneniya lichnogo dosmotra [Problems of administrative and legal regulation of the use of personal inspection]. Aktual'nye problemy sovremennoy nauki [Actual problems of modern science. Issue 3. Volume 1]. Stavropol, 2014. Pp. 177-179.
4. Gazizov D.A., Myagkov A.V., Rad'ko S.F. Protsedura primeneniya militsiy dosmotra [The procedure for the use of the police search]. Politseyskoe parvo – Police Law, 2005, no. 3, pp. 58-63.
5. Myagkov A.V. Dosmotr kak mera administrativno-protseessual'nogo obespecheniya, primenyaemaya militsiy [Inspection as a measure of administrative and procedural security applied by the police]. Politseyskoe parvo – Police Law, 2006, no. 1 (5), pp. 26-32.
6. Zubkova O.Yu. Lichniy dosmotr kak mera obespecheniya proizvodstva po delu ob administrativnom pravonarushenii [Personal search as a measure to ensure the production of an administrative offense case]. Nauchnye otkrytiya 2018 [Scientific discoveries 2018]. Stavropol, 2018. Pp. 243-244.

7. Cherkasova E.K. Osobennosti pravovogo regulirovaniya i proizvodstva lichnogo dosmotra [Features of legal regulation and production of personal inspection]. Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015, no. 1, pp. 57-60.

8. Soshin A.A., Zheltobryuh A.V. O nekotorykh voprosakh primeneniya lichnogo dosmotra, dosmotra veshchey, nahodyashchihся pri fizicheskom litse, sotrudnikami politsii [On some issues of the use of personal inspection, inspection of things that are in the presence of an individual, by police officers]. Deyatel'nost' pravoohranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh [Law enforcement agencies in modern conditions. In 2 volumes. Volume 1]. Irkutsk, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017. Pp. 134-139.

9. Bezgachev F.V., Krupin V.A. Aktual'nye problemy provedeniya lichnogo i naruzhnogo dosmotra sotrudnikami organov vnutrennih del [Actual problems of conducting personal and external screening by employees of the internal affairs bodies]. Novaum, 2017, no. 10. Available at: <https://elibrary.ru> (Accessed February 20, 2019).

10. Temnikov A.Yu. O nekotorykh voprosakh provedeniya naruzhnogo dosmotra sotrudnikami politsii [On some issues of external inspection by police officers]. Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava [Actual problems of administrative and administrative procedural law]. St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. Pp. 438-440.

11. Babin S.V. K voprosu o zakonnosti primeneniya politsies naruzhnogo dosmotra [To the question of the legality of the police use of external inspection]. Novaum, 2018, no. 15, pp. 245-248. Available at: <https://elibrary.ru> (Accessed February 20, 2019).

12. Ravnyushkin A.V. Naruzhniy dosmotr kak mera obespecheniya lichnoy bezopasnosti sotrudnika politsii [Outdoor inspection as a measure to ensure the personal safety of a police officer]. Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika – Legal science and law enforcement practice, 2017, no. 3 (41), pp. 137-141.

13. Tkachenko V.V., Nikulin A.I. Pravovye osnovaniya provedeniya naruzhnogo dosmotra sotrudnikami politsii [Legal grounds for conducting an external search by police officers]. Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal – Leningradsky legal journal, 2018, no. 2 (52), pp. 230-238.

14. Belov S.V., Vodyanaya M.Yu. Naruzhniy dosmotr kak mera lichnoy bezopasnosti sotrudnika politsii [Outdoor inspection as a measure of personal safety of a police officer]. Aktual'nye problemy administrativnoy deyatel'nosti politsii – Actual problems of the administrative activities of the police. Krasnodar, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2015. Pp. 338-343.

15. Dubrovin A.K. Naruzhniy dosmotr kak norma material'nogo prava [Outdoor inspection as a norm of substantive law]. Deyatel'nost' pravoohranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh [The activities of law enforcement agencies in modern conditions]. Irkutsk, 2015. Pp. 112-115.

16. Pronina S.A., Ageev M.A. Naruzhniy dosmotr kak mera obespecheniya lichnoy bezopasnosti sotrudnika politsii [Outdoor inspection as a measure to ensure the personal safety of a police officer]. Obespechenie prav cheloveka v deyatel'nosti pravoohranitel'nykh organov [Ensuring human rights in the activities of law enforcement agencies]. Tver, 2018. Pp. 139-143.

ЗАБАВКО Р.А., кандидат юридических наук, zra1985@gmail.com Кафедра общеправовой подготовки; Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 664017, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110	ZABAVKO R.A., Candidate of Legal Sciences, zra1985@gmail.com Chair of general legal training; East Siberian Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Lermontov St. 110, Irkutsk, 664074, Russian Federation

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕОКОНЧЕННУЮ ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Анализ материалов уголовных дел, материалов доследственных проверок о совершенных экологических преступлениях позволил выделить закономерность: уголовные дела о приготовлениях и покушениях на экологические преступления практически не возбуждаются. Это обусловлено рядом обстоятельств, связанных прежде всего со спецификой законодательных конструкций составов рассматриваемых преступлений. Анализ доктринальных положений уголовного права, фактических особенностей совершения указанных преступлений, бланкетного по отношению к нормам главы 26 УК РФ законодательства позволяет сделать вывод о том, что возможности дифференциации уголовной ответственности за неоконченную преступную деятельность при совершении экологических преступлений практически не используются. В статье предлагаются решения, при определенных условиях позволяющие привлекать виновных к уголовной ответственности за неоконченную преступную деятельность. В частности, сделан вывод о возможности квалифицировать покушение на незаконную охоту при наличии цели на причинение крупного ущерба. Решение указанной проблемы не связано с внесением изменений и дополнений в текст уголовного закона, так как оно основано на доктринальных позициях уголовного права и требует изменения подходов к толкованию отдельных норм, устанавливающих ответственность за экологические преступления.

Ключевые слова: экологические преступления; уголовная ответственность; незаконная охота; приготовление к преступлению; покушение на преступление.

DIFFERENTIATION OF THE CRIMINAL LIABILITY FOR NOT COMPLETED CRIMINAL ACTIVITY WHEN COMMITTING ENVIRONMENTAL CRIMES

Annotation. The analysis of the materials of criminal cases and pre-investigation checks concerning the committed environmental crimes allowed the author of the article to establish the following pattern: criminal cases of preparations and attempts to commit environmental crimes are practically not initiated. It is determined by a number of circumstances connected primarily with the specifics of the legislative structure of the elements of the considered crimes. The study of the doctrinal provisions of criminal law and the actual characteristics concerning the commission of these crimes, being blanket in relation to the norms of chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation, allows to conclude that the possibilities of differentiation of criminal liability for not completed criminal activity when committing environmental crimes are hardly used. The author of the article formulates the proposals that, under certain circumstances, make it possible to bring to criminal liability those involved in incomplete criminal activity. In particular, the possibility to qualify the attempted illegal hunting if it was aimed at causing major damage is substantiated. The solution of the analyzed problem does not require amending the criminal law, as it based on criminal law doctrines and requires changing the approaches to the interpretation of certain norms establishing responsibility for environmental crimes.

Keywords: environmental crimes; criminal liability; illegal hunting; preparation for crime; attempted crime.

Юридическое значение стадий неоконченного преступления выражается в дифференциации уголовной ответственности. В частности, в соответствии со ст. 66

УК РФ срок и размер наказания за приготовление к преступлению не могут превышать половины срока или размера наиболее строгого наказания, а за покушение на

преступление — трех четвертей наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Неоконченное преступление представляет, как правило, меньшую общественную опасность и требует дифференцированного подхода при решении вопросов о привлечении виновного лица к уголовной ответственности, на что указывают ученые [1, с. 1079-1092; 2, с. 80; 3, с. 75-82]. Наличие нескольких кардинально различающихся между собой стадий совершения преступления, в том числе и тех, которые не требуют реакции со стороны правоохранительных органов, сложности в их разграничении требуют уяснения ряда принципиальных вопросов, связанных с моментом окончания экологических преступлений. Это особенно справедливо для дифференциации уголовной ответственности за экологическое преступление, так как на практике существуют определенные сложности с определением момента окончания незаконной добычи водных биологических ресурсов, незаконной охоты, незаконной рубки лесных насаждений и других преступлений, предусмотренных главой 26 УК РФ.

Критерии оконченого преступления установлены в ч. 1 ст. 29 УК РФ: «преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ». Это означает, что для констатации факта оконченого преступления требуется тщательное изучение конкретных составов преступлений, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ. В частности, буквальное толкование понятия незаконной охоты позволяет считать оконченной такую охоту, которая уже началась (например, виновный ожидает дичь в охотничьем схроне на солонце или выслеживает ее), хотя на практике такое деяние до момента фактической добычи квалифицируется как покушение на незаконную охоту, или, что происходит чаще, как административное правонарушение.

Формулировка понятия оконченого преступления, приведенная выше, вступает в некоторые противоречия с основанием уголовной ответственности, указанным в ст. 8 УК РФ как «совершение деяния, содержащего все признаки состава престу-

пления, предусмотренного УК РФ». Такое определение при его буквальном толковании не позволяет привлекать к уголовной ответственности лицо, в деянии которого не содержится всех признаков преступления, например, последствий. Полагаем, что законодатель в ст. 8 УК РФ указал основание уголовной ответственности исключительно для оконченого преступления и допустил применение уголовной ответственности с определенными ограничениями за деяние, не содержащее всех признаков состава преступления и вследствие этого являющееся приготовлением к преступлению или покушением на преступление.

Уголовно-правовое значение этих двух стадий не равнозначно, прерывание преступной деятельности на одной из них влечет за собой определенные последствия, как было отмечено выше, связанные с назначением наказания и применением иных аспектов уголовной ответственности. Кроме того, указанные стадии следует отличать от предшествующих им формирования и обнаружения умысла, которые вообще не являются уголовно наказуемыми.

На стадии формирования (зарождения) умысла происходит возникновение и развитие идеи на совершение преступления без проявления ее вовне, она не подвластна уголовному праву, так как является одним из вариантов будущего поведения человека, который лишь может в последующем его реализовать. Попытки придать указанной стадии уголовно-правовое значение, имевшие место в истории отечественного уголовного законодательства, заканчивались резким уклоном уголовного права в сторону репрессивности. Это в полной мере относится и к уголовной ответственности за экологические преступления. Лица, у которых формируется умысел на совершение таких деяний, не подлежат уголовной ответственности ввиду отсутствия выраженной вовне противоправной общественно опасной деятельности.

Обнаружение умысла ученые связывают с окончанием формирования умысла и его закреплением устно, письменно или в иной форме, который, однако, не нашел еще выражения в объективной действительности в активном или пассивном поведении человека [4, с. 50]. Эта стадия

также не влечет за собой уголовной ответственности, что вполне оправданно: объективно общественная опасность деяния в этот момент еще отсутствует, нет даже угрозы причинения вреда охраняемым общественным отношениям.

От стадии обнаружения умысла следует отграничивать приготовление к преступлению, при осуществлении которого проявляется общественная опасность преступления, так как виновный осуществляет действия, непосредственно предшествующие преступлению, необходимые для его успешного совершения и сокрытия.

Приготовление к преступлению согласно ч. 1 ст. 30 УК РФ составляют «приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления».

Применительно к преступлениям, предусмотренным главой 26 УК РФ, приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления наиболее выражено во всех видах браконьерства. Оно состоит в приискании орудий лова и убийства животных либо в их приспособлении, прибытие к месту их добычи и т.д.

Под приисканием соучастников при совершении экологических преступлений следует понимать склонение других лиц к совершению преступления посредством уговора, подкупа, угрозы и т.д.

При этом грамматически словосочетание «приискание соучастников» следует толковать таким образом, что приготовление образует не только успешное привлечение к преступлению других лиц, но и попытки привлечения.

Сговором следует признавать успешное достижение совместной договоренности двух или более лиц на совершение экологических преступлений.

Уголовный закон, помимо указанных способов приготовления к преступлению, которые следует признавать основными, допускает и иное умышленное создание условий для совершения преступлений, под которым понимаются, например, изучение местности, прокладка дорог, разработка плана охоты и т.д.

Например, приготовлением следует признать деяния Д. и Г., которые для реализации совместного корыстного преступного умысла, направленного на совершение незаконной рубки деревьев группой лиц по предварительному сговору, в виде устной обоюдной договоренности, состоявшейся до непосредственного исполнения указанными лицами объективной стороны данного преступления, взяв в качестве инструмента для спиливания деревьев и рубки чурок колун, пришли в квартал сельского участкового лесничества*.

Определение покушения на преступление, закрепленное в ч. 3 ст. 30 УК РФ, согласно которому им признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, менее конкретно, чем определение приготовления к преступлению. Указание на действия (бездействие) означает, что покушение составляет начало совершения деяния, предусмотренного конкретной статьей Особенной части УК РФ, либо его полное совершение до момента наступления общественно опасных последствий.

Покушение на преступление является стадией, непосредственно предшествующей оконченому преступлению. Она имеет специфические черты, позволяющие отграничивать ее от иных стадий. Следует согласиться с Е.В. Благовым, который выделяет следующие признаки покушения:

- 1) покушение совершается посредством выполнения общественно опасного деяния, предусмотренного УК РФ в качестве преступления;
- 2) покушение возможно только на умышленное преступление;
- 3) содеянное не доводится до конца [5, с. 71-72].

При квалификации покушения на преступление стадия приготовления утрачивает самостоятельное значение и по правилам дифференциации уголовной ответственности наказание назначается только за покушение.

В уголовном праве относительно конструкции объективной стороны пре-

* Приговор Усть-Баргузинского районного суда Республики Бурятия от 25 марта 2010 г. по уголовному делу в отношении Д. и Г. // Архив Усть-Баргузинского районного суда Республики Бурятия.

ступлений, предусмотренных главой 26 УК РФ, нет определенности. Большинство составов преступлений предусматривают законодательное указание на последствия, в этом случае, безусловно, их можно считать материальными по конструкции объективной стороны. Однако среди перечисленных есть несколько составов, определение конструкции объективной стороны которых вызывает затруднения и неоднозначные решения на практике.

Так, отсутствует указание на последствия в ч. 1 ст. 247 УК РФ. Преступление признается оконченным, «если эти деяния создали угрозу причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде». В уголовном праве отношение к составам с такой конструкцией неоднозначно. Например, некоторые ученые считают, что такая опасность должна быть предельно конкретной [6, с. 14], непосредственно угрожающей общественным отношениям [7, с. 141], а потому ее определение в уголовном законе не совсем удачно. Другие же связывают относительную жизнеспособность ст. 247 УК РФ в отличие, например, от составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 250-252, 254 УК РФ, именно с тем, что законодатель сформулировал ее как состав поставления в опасность, а не указал в качестве последствий конкретные негативные изменения, считая, что нельзя формулировать состав как формальный, это приведет к смешению его с административным проступком [8, с. 75].

Такие составы преступлений рассматриваются как формальные (так как отсутствуют общественно опасные последствия и законодатель лишь указывает на возможность их наступления).

Полагаем, что правы те авторы, которые признают составы поставления в опасность разновидностью материальных [9, с. 72; 10, с. 141-142], так как создание реальной опасности — особая разновидность последствий.

Прием конструирования, примененный в ст. 247 УК РФ, указывает на особый подход к дифференциации ответственности за нарушение правил обращения с экологически опасными веществами и отходами. В том случае, если деяние, предусмотренное диспозицией ч. 1 ст. 247 УК РФ, совершено, но реальная угроза причинения

существенного вреда здоровью человека или окружающей среде не возникла, лицо подлежит административной ответственности. Если же угроза указанных последствий реальна, то ответственность наступает по ч. 1 ст. 247 УК РФ, а если эти последствия наступили, то по ч. 2 ст. 247 УК РФ. Как представляется, такой подход обеспечивает работоспособность указанной статьи УК РФ. Он может быть применен, в частности, при конструировании и иных составов преступлений, последствия которых в настоящее время трудноустановимы.

Формальными по конструкции объективной стороны являются составы преступлений, предусмотренных частями 1 и 2 ст. 253 УК РФ. Отсутствие законодательно предусмотренных последствий позволяет считать данные преступления оконченными с момента совершения хотя бы одного из деяний, указанных в диспозиции ч. 1 и ч. 2. При этом покушение будет считаться состоявшимся уже в начале выполнения указанных деяний независимо от успешности их совершения. Между тем ответственность за оконченное и неоконченное покушение ввиду различности их общественной опасности и несовпадающей степени реализации умысла виновного не одинакова. Суды должны назначать более строгое наказание за совершение оконченного покушения. Это позволяет выделить такое средство дифференциации уголовной ответственности, как вид покушения, в зависимости от степени реализованного преступного умысла.

Определенные сложности возникают при квалификации всех видов браконьерства. Анализ материалов доследственных проверок, производимых органами дознания по фактам незаконной добычи водных биологических ресурсов, показывает, что органы дознания незаслуженно игнорируют такое средство дифференциации уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 256 УК РФ, как стадии их совершения.

Обнаружение добычи водных биологических ресурсов на стадиях приготовления или покушения на преступление затруднительно, вследствие чего правоохранительные органы не расценивают как, например, приготовление, выдвижение лиц к месту незаконного лова рыбы

и нереста, даже с необходимыми механическими транспортными плавающими средствами. Такие деяния необоснованно остаются вне поля зрения уголовного законодательства. Например, уголовное дело в отношении гр. З. было прекращено в связи с тем, что стоимость незаконно добытой им рыбы составляет размер меньший, чем крупный. В то же время при нем были обнаружены орудия лова – рыболовецкие сети, средство передвижения – резиновая лодка, емкости и упаковка для добычи*. Решение о прекращении уголовного дела противоречит интересам уголовно-правовой охраны, учению о неоконченном преступлении и дифференциации уголовной ответственности за его совершение.

Слишком узкое толкование положений п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2010 г. N 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (ч. 2 ст. 253, ст. 256, ст. 258.1 УК РФ)** не позволяет квалифицировать ни как оконченное преступление, ни даже как покушение на него действия виновных в тех случаях, когда у них не оказывалось при себе добытых водных биологических ресурсов, но они при этом находились в самоходном транспортном плавающем средстве либо в местах нереста или на миграционных путях к ним при наличии цели на добычу таких ресурсов.

В итоге подавляющая масса материалов о случаях незаконной добычи (вылове) водных биологических ресурсов реализуется либо как оконченное преступление, либо как материалы, по которым признаки преступлений не устанавливаются. Такое средство дифференциации уго-

* Постановление N 22-4864/13 от 22 авг. 2013 г. по делу N 22-4864/13 в отношении гр. З. об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 256 УК РФ // Архив Приморского краевого суда.

** О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (ч. 2 ст. 253, ст. 256, ст. 258.1 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 нояб. 2010 г. N 26 // Рос. газ. 2010. N 271.

ловной ответственности как стадии преступления фактически игнорируется.

Схожие проблемы присутствуют и при квалификации незаконной охоты (ч. 1 ст. 258 УК РФ). Несмотря на то, что в большинстве источников составы преступления, сформулированные в ч. 1 ст. 258 УК РФ (за исключением п. «а»), указаны как формальные, уголовные дела о случаях незаконной охоты, когда отсутствует крупный ущерб, практически не возбуждаются.

Между тем определение понятия незаконной охоты, сформулированное в п. 5 ст. 1 Федерального закона от 24 июня 2009 г. N 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон N 209-ФЗ), как деятельности, связанной с «поиском, выслеживанием, преследованием охотничьих ресурсов, их добычей, первичной переработкой и транспортировкой»***, предполагает, что деяние следует признавать оконченным как в момент непосредственной добычи дичи, так и на стадии ее поиска, выслеживания и преследования. Кроме того, сама добыча, которая осуществляется, например, посредством установки силков, капканов и других приспособлений для отлова дичи, также составляет оконченное деяние составов, предусмотренных пп. «б-г» ч. 1 ст. 258 УК РФ, независимо от успешности завершения такой добычи.

Например, за оконченное преступление следовало привлечь к уголовной ответственности П. и В., которые вступили в предварительный сговор друг с другом с целью незаконной добычи дикого животного – медведя, после чего, действуя умышленно, осознавая противоправный характер своих действий, достоверно зная о том, что добыча диких животных осуществляется лишь по лицензии, а без нее запрещена и уголовно наказуема, в нарушение п. 35 Типовых правил охоты в Российской Федерации, действуя из корыстных побуждений, имея целенаправленный

*** Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 24 июня 2009 г. N 209-ФЗ // Рос. газ. 2009. N 137.

преступный умысел добыть браконьерским путем мясо дикого животного (медведя) для использования его в пищу, взяв с собой 4 металлических троса, на мотоцикле, принадлежащем П., приехали в лесной массив, где расставили две ловушки на медведя, но были задержаны сотрудниками правоохранительных органов*. Данное преступление окончено с момента начала незаконной охоты, то есть совершения деятельности, связанной с поиском, отслеживанием, преследованием охотничьих ресурсов, их добычей, первичной переработкой и транспортировкой (п. 5 ст. 1 Федерального закона N 209-ФЗ). Как правило, такие деяния квалифицируются как административные правонарушения (если лица не установлены), покушение на преступление (если лица установлены, но деятельного раскаяния не проявляют), оконченное преступление (если лица «готовы» к деятельному раскаянию).

Как представляется, в п. «а» ч. 1 ст. 256 и п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ содержатся альтернативные составы преступлений, предусмотренные последующими пунктами указанных частей первых ст.ст. 256 и 258 УК РФ, а не их конструктивными составляющими. Наличие признаков, предусмотренных пунктами «б-г» частей первых указанных статей, и крупного ущерба указывает на совокупность преступлений.

Тем самым механизмы дифференциации уголовной ответственности за указанные виды преступлений существенно искажены. С одной стороны, происходит злоупотребление ими, и как покушение квалифицируется фактически оконченное преступление, с другой – случаи покушения на преступления и приготовления к ним игнорируются. Содеянное при этом квалифицируется как административное правонарушение.

Сказанное в полной мере актуально и для составов преступлений, предусмотренных чч. 1-3 ст. 258.1 УК РФ, поскольку деяние образовано указанными в диспозициях ст.ст. 256 и 258 УК РФ (а

также иными) действиями и бездействием. Между тем на практике, как правило, нет проблем с установлением стадий преступлений, предусмотренных ст. 258.1 УК РФ. Приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам, квалифицируются как приготовление к рассматриваемому преступлению, а незаконная добыча предметов, указанных в ч. 1 ст. 258.1 УК РФ, – как оконченное преступление независимо от успешности такой добычи.

Составы преступлений, предусмотренные чч. 1-3 ст. 260 УК РФ, сформулированы как материальные. Для квалификации оконченного преступления требуется наличие значительного (ч. 1), крупного (ч. 2) и особо крупного размеров рубки лесных насаждений. Между тем правоохранительные органы незаслуженно игнорируют покушение и приготовление к совершению данного преступления при отсутствии указанных размеров содеянного. Согласно ст. 8.28 КоАП РФ незаконная рубка, повреждение лесных насаждений или самовольное выкапывание в лесах деревьев, кустарников, лиан при отсутствии значительного размера должны квалифицироваться как административное правонарушение. Это справедливо только для тех случаев, когда обстоятельства содеянного и показания правонарушителей указывают на явное отсутствие умысла на совершение преступления, предусмотренного одной из частей ст. 260 УК РФ.

В тех же случаях, когда используемые значительные средства, орудия совершения преступления (большое количество транспорта, бензопил и т.п.), наличие большого количества соучастников, договоренность с покупателями на приобретение значительного количества древесины и другие факты свидетельствуют о наличии умысла на незаконную рубку в значительном, крупном и особо крупном размере, содеянное следует квалифицировать как приготовление или покушение на совершение преступления, предусмотренно-

* Постановление Прибайкальского районного суда Республики Бурятия от 8 сент. 2010 г. о прекращении уголовного дела N 1-259/2010 в отношении П. и В. в связи с деятельным раскаянием // Архив Прибайкальского районного суда Республики Бурятия.

го ст. 260 УК РФ, в зависимости от стадии прекращения преступной деятельности по обстоятельствам, не зависящим от воли виновных. В противном случае виновные лица необоснованно не привлекаются к уголовной ответственности.

Определенные проблемы вызывает законодательная конструкция преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 261 УК РФ. Несмотря на то, что данный состав прямо не указывает на общественно опасные последствия, полагаем, что он сформулирован как материальный, и преступление признается оконченным в момент уничтожения или повреждения лесных и иных насаждений, на что указывает фраза «в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности». Квалифицировать приготовление или покушение на данное преступление невозможно, так как оно может быть совершено лишь с неосторожной формой вины.

Материальный состав преступления предусмотрен и в ч. 3, а также в ч. 4 ст. 261 УК РФ. Это позволяет дифференцировать уголовную ответственность за указанные преступления в зависимости от стадии реализации преступного умысла как приготовление к преступлению или покушение на преступление.

Стадии совершения преступлений, помимо законодательного ограничения размера санкции, предусматривают еще один аспект дифференциации уголовной ответственности. Согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям. Таким образом, вне зависимости от формы вины преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 247, чч. 1 и 2 ст. 248, чч. 1 и 2 ст. 249, чч. 1 и 2 ст. 250, чч. 1 и 2 ст. 251, чч. 1 и 2 ст. 252, чч. 1 и 2 ст. 253, чч. 1 и 2 ст. 254, ст. 255, чч. 1 и 2 ст. 256, ст. 257, чч. 1 и 2 ст. 258, ч. 1 ст. 258.1, ст. 259, ч. 1 ст. 260, ч. 1 ст. 261 УК РФ и прекращенные на стадии приготовления, уголовной ответственности виновных лиц не влекут.

Большинство составов преступлений, предусмотренных главой 26 УК РФ, сформулированы как материальные, то есть окончание преступления связано с наступлением общественно опасных последствий. В том случае, если преступление является умышленным, возможна квалифи-

кация приготовления к нему и покушения на него, что позволяет дифференцировать уголовную ответственность. Наибольшие проблемы связаны с квалификацией незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, незаконной охоты при отсутствии значительного ущерба, а также незаконной рубки лесных насаждений при отсутствии значительного размера предмета преступления.

В случае с применением пп. «б-г» частей первых ст.ст. 256 и 258 УК РФ необоснованно не признается совершение оконченного преступления даже и при отсутствии крупного ущерба. При незаконной рубке лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) не задействуются механизмы дифференциации уголовной ответственности за неоконченное преступление. По нашему мнению, решение данных проблем не связано с недостатками законодательных формулировок указанных составов преступлений, проблема часто состоит в неверном толковании их правовых механизмов, а также в игнорировании доктринальных положений уголовного права о приготовлении к преступлению и покушении на преступление.

Таким образом, момент окончания экологических преступлений связан с законодательной конструкцией состава преступления. Ввиду того, что большинство составов преступлений, предусмотренных главой 26 УК РФ, сконструированы как материальные, для квалификации оконченного преступления требуется наступление общественно опасных последствий, находящихся в прямой причинно-следственной связи с деянием. При этом в качестве последствий часто указаны вред здоровью и жизни человека, экономике, который, в свою очередь, опосредован вредом, причиненным окружающей среде. На практике нередко установление такой сложной причинно-следственной связи невозможно, что влечет за собой отказы в возбуждении уголовных дел и их прекращение ввиду отсутствия состава преступления.

Гораздо более «работоспособными» являются такие составы, которые хоть и являются материальными, однако последствия напрямую связывают с оценкой размера предмета преступления. По этой причине разработанные методики определения значительного, крупного, осо-

бо крупного ущерба при квалификации различных видов браконьерства особых сложностей не вызывают.

В целях решения проблемы уголовно-правовой оценки приготовления и покушения на совершение экологического преступления следует дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. N 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»* пунктом 16.1 сле-

* О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 окт. 2012 г. N 21 // Рос. газ. 2012. N 251.

дующего содержания: «При квалификации неоконченных преступлений, предусмотренных статьями 256, 258, 260 УК РФ, следует учитывать цель виновного. В случае наличия цели на причинение крупного ущерба при совершении преступлений, предусмотренных ст. 256 и ст. 258 УК РФ, а также цели на совершение преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, в значительном размере, содеянное следует квалифицировать как приготовление или покушение на соответствующее преступление в зависимости от обстоятельств. Незаконную охоту следует признавать оконченной, если действия виновного пресечены в процессе поиска, выслеживания, преследования охотничьих ресурсов, если у него имеется цель на причинение крупного ущерба».

Список литературы

1. Ролик А.И. Преступление, предусмотренное ст. 228.1 УК РФ: спорные вопросы характеристики // Lex Russica. 2014. N 9. С. 1079-1092.
2. Благов Е.В. Назначение наказания (теория и практика): монография. Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 2002. 173 с.
3. Мацнев Н.И., Становский А.М. Назначение наказания за неоконченное преступление // Известия вузов. Правоведение. 2009. N 4. С. 75-82.
4. Николаев К.Д. Понятие, признаки, виды и значение стадий совершения умышленного преступления // Вестник Омской юридической академии. 2015. N 3 (28). С. 49-51.
5. Благов Е.В. Квалификация покушения на преступление // Журнал российского права. 2005. N 8 (104). С. 71-72.
6. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: науч.-практ. пособие / Ю.И. Антонов, В.Б. Боровиков, А.В. Галахова и др.; под ред. А.В. Галаховой. М.: Норма, 2014. 736 с.
7. Дубовик О.Л. Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А.Э. Жалинского. М., 2006. 1086 с.
8. Коростылев О.И. Уголовно-правовая характеристика угрозы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 163 с.
9. Соктоев З.Б. Причинность и объективная сторона преступления: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. 256 с.
10. Кругликов Л.Л. Проблемы теории уголовного права: избранные статьи, 2000-2009 гг. Ярославль, 2010. 591 с.

References

1. Rolik A.I. Prestuplenie, predusmotrennoe st. 228.1 UK RF: spornye voprosy harakteristiki [The crime under Art. 228.1 of the Criminal Code: controversial issues characteristics]. Lex Russica, 2014, no. 9, pp. 1079-1092.
2. Blagov E.V. Naznachenie nakazaniya (teoriya i praktika) [Sentencing (theory and practice)]. Yaroslavl: Yaroslavl State University, 2002. 173 p.
3. Matsnev N.I., Stanovskiy A.M. Naznachenie nakazaniya za neokonchennoe prestuplenie [Sentencing for unfinished crime]. Izvestiya vuzov. Pravovedenie – News of higher educational institutions. Jurisprudence, 2009, no. 4, pp. 75-82.
4. Nikolaev K.D. Ponyatie, priznaki, vidy i znachenie stadiy soversheniya umyshlennogo prestupleniya [The concept, characteristics, types and significance of the stages of the commission of an intentional crime]. Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii – Bulletin of Omsk Law Academy, 2015, no. 3 (28), pp. 49-51.
5. Blagov E.V. Kvalifikatsiya pokusheniya na prestuplenie [Qualification of attempted crime]. Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian law, 2005, no. 8 (104), pp. 71-72.

6. Antonov Yu.I., Borovikov V.B., Galahova A.V. i dr. Otsenochnye priznaki v Ugolovnom kodekse Rossiyskoy Federatsii: nauchnoe i sudebnoe tolkovanie [Estimated features in the Criminal Code of the Russian Federation: scientific and judicial interpretation]. Moscow, Norma Publ., 2014. 736 p.

7. Dubovik O.L. Uchebno-prakticheskiy kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Educational and practical commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, 2006. 1086 p.

8. Korostylev O.I. Ugolovno-pravovaya harakteristika ugrozy. Kand. Diss. [Criminal legal characteristic of the threat. Cand. Diss.]. Moscow, 2005. 163 p.

9. Soktoev Z.B. Prichinnost' i ob'ektivnaya storona prestupleniya [Causality and the objective side of the crime]. Moscow, NORMA, INFRA-M Publ., 2015. 256 c.

10. Kruglikov L.L. Problems of the theory of criminal law: selected articles, 2000-2009 [Problems of the theory of criminal law: selected articles, 2000-2009]. Yaroslavl, 2010. 591 p.

Раздел 9. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ГОРБУНОВА М.Ю., GORBUNOVA M.Yu.,
mg612@yandex.ru mg612@yandex.ru
Кафедра теории государства и права; Chair of theory of state and law;
Саратовская государственная Саратов State Law Academy,
юридическая академия, Volskaya St. 1, Saratov, 410056,
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1 Russian Federation

ПРИНЦИПЫ УСТАНОВЛЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ПООЩРЕНИЙ В ПРАВЕ КАК ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Аннотация. Целью статьи является обоснование необходимости исследования технико-юридического оформления поощрений и изучение особенностей их закрепления в российском законодательстве, а также рассмотрение принципов установления и применения поощрений в качестве основных правил юридической техники. Актуальность выбранной темы обусловлена существованием определенных технико-юридических правил, соблюдение которых является необходимым условием эффективного использования регулирующего потенциала данных юридических средств, максимально полной защиты прав и свобод личности. Благодаря правильному оформлению поощрений в нормативно-правовом материале, грамотному их применению выявляется предназначение и ценность права как социального регулятора. В статье при помощи различных методов (системного, функционального, формально-юридического и других) рассматриваются основные требования к формулированию положений нормативных правовых актов, регламентирующих поощрения, и правила, определяющие их реализацию. В результате проведенного исследования предлагается авторское определение понятия правил юридической техники в сфере поощрительной деятельности, а также их перечень, включающий принципы объективной обусловленности (детерминированности), обоснованности (адекватности), индивидуализации (персонификации), системности (иерархичности), исключительности (значимости) и обязательности (гарантированности) поощрений.

Ключевые слова: поощрение; поощрительные нормы; установление поощрений; применение поощрений; юридическая техника; правила юридической техники; государственные награды.

PRINCIPLES OF ESTABLISHING AND APPLICATION OF ENCOURAGEMENTS MEASURES IN THE LAW AS THE BASIC RULES OF LEGAL TECHNIQUE

Annotation. The purpose of the research is to substantiate the need to investigate the technical and legal implementation of encouragement measures and to analyze the peculiarities of fixing them in the Russian legislation, as well as to consider the principles of establishing and application of encouragements measures as the basic rules of legal technique. The relevance of the chosen topic is based on the fact that there are certain technical and legal rules, the observance of which is a necessary condition for the effective use of the regulatory potential of these legal means and the maximum protection of personal rights and freedoms. Due to the correct fixing of encouragement measures in the legislation and their proper application, the purpose and value of law as a social regulator is revealed. The main requirements for the formulation of the provisions of normative legal acts regulating the encouragement measures and the rules governing their implementation are considered in the article by means of different methods (systemic, functional, formal legal and others). As a result of the research, the author offers her own definition of the concept of the rules of legal technique in the sphere of encouraging activities, as well as their list including the principles of objective conditionality (determinism), validity (adequacy), individualization (personification), consistency (hierarchy), exclusivity (significance) and obligatoriness (guarantee) of encouragement measures.

Keywords: encouragement; encouraging rules; establishing the encouragement measures; application of encouragement measures; legal technique; rules of legal technique; state awards.

Любое направление человеческой деятельности основывается на определенных базовых идеях — началах, которые воплощают ее сущность (природу) и выполняют роль непререкаемого абсолюта. Их традиционно называют принципами и рассматривают в качестве неотъемлемой характеристики юридического явления, в том числе деятельности, связанной с установлением и применением поощрений.

Вопрос основных начал (принципов) поощрений в праве, их закрепления и реализации неоднократно становился предметом научного анализа. Исследователями используется различная терминология для определения основного объекта исследования, при этом подразумевается, в сущности, одно и то же явление.

Например, В.В. Волкова оперирует понятием «принципы поощрительной деятельности», к которым относит обоснованность, гласность, разнообразие и оперативность [1, с. 44]. Н.А. Гущина выделяет принципы поощрительных норм права, которыми, по ее мнению, выступают: 1) принцип глобального гуманизма; 2) следование только за заслуженное социально полезное поведение; 3) сочетание стимулирования и ограничения; 4) законность и юридическая гарантированность; 5) справедливость; 6) социальная свобода; 7) персонифицированный характер [2, с. 225-228].

Е.В. Трофимов концентрирует внимание на высшем уровне поощрения и занимается разработкой категории «принципы наградного дела», к которым причисляет принципы:

- наградной автономии;
- исключительности;
- защищенности наград;
- гарантированности статуса награжденных;
- стабильности;
- демонстрации;
- социальной справедливости;
- целесообразности;
- непринудительности [3, с. 567-578].

Кроме того, предпринимаются попытки сформулировать специальные принципы поощрений в той или иной отрасли (сфере) общественных отношений. Например, Т.Р. Сабитов в качестве специальных принципов поощрения позитивного пове-

дения в уголовном праве рассматривает принципы гарантированности, экономии мер поощрения и персонального поощрения [4, с. 54-57]. Однако перечисленные принципы, на наш взгляд, имеют универсальный характер и в полной мере могут быть распространены на иные сферы общественных отношений.

Вопрос принципов (условий, требований) установления и применения поощрений (в целом либо конкретного вида) так или иначе затрагивается в нормативных правовых актах различного уровня. Чаше всего подобные положения касаются наград как наиболее значимой (высшей) формы поощрений. Например, согласно Закону г. Москвы от 5 сентября 2001 г. N 38 «О наградах и почетных званиях г. Москвы» принципами вручения наград являются: единство требований и равенство условий, законодательно установленных к порядку награждения наградами и представления к присвоению почетных званий для всех граждан и организаций; гласность; разграничение полномочий органов власти г. Москвы в области наград и почетных званий на основе соблюдения принципа разделения властей; поощрение граждан исключительно за личные заслуги и достижения*.

В соответствии с Законом Алтайского края от 12 декабря 2006 г. N 135-ЗС «О наградах Алтайского края» награждение наградами Алтайского края производится на основе следующих принципов:

- 1) равенства условий награждения наградами Алтайского края;
- 2) открытости и гласности;
- 3) награждения исключительно за личные заслуги и достижения граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства**.

В проект предлагаемого в литературе Наградного кодекса Российской Федерации также включают специальную главу, посвященную основным принципам национальной наградной системы, в качестве которых называют:

- 1) равенство всех перед законом;

* См.: Ведомости Московской городской Думы. 2001. N 10. Ст. 166.

** См.: Сборник законодательства Алтайского края. 2006. N 128. Ч. 1. Ст. 57.

- 2) законность;
- 3) обоснованность и объективность;
- 4) многоуровневость заслуг;
- 5) обязательность и справедливость;
- 6) однократность;
- 7) последовательность;
- 8) альтернативность;
- 9) признание;
- 10) исключительность [5, с. 65-69].

Анализ приведенных выше точек зрения, а также иной литературы по данному вопросу дает основания утверждать, что системное видение по вопросу основных начал закрепления и применения поощрений в праве на настоящий момент времени отсутствует. Между тем значимость соблюдения принципов как основных правил юридической техники установления и реализации поощрений сложно переоценить. Они выполняют роль ориентирующих начал для законодателя при подготовке поощрительных норм и руководящих положений для правоприменителя в процессе их претворения в жизнь. Итак, рассмотрим, что следует расценивать в качестве отправных, исходных начал, то есть принципов, в рассматриваемой сфере.

Объективная обусловленность. Данный принцип, на наш взгляд, является одним из основных, поскольку поощрение (как и любое юридическое средство) представляет ценность для социума не само по себе, а ввиду того, что помогает решать конкретные задачи, актуализирующиеся на определенном историческом этапе развития. Н.А. Гущина верно подчеркивает, что поощрительные нормы, как и правовая система в целом, не должны быть «выше» общества [6, с. 10]. Общество, напротив, является источником их развития, нуждаясь в юридических средствах, адекватно отражающих развитие общественных отношений, торжество свободы и демократии.

А.В. Малько справедливо замечает, что существующая в определенный исторический момент времени система поощрений в государстве представляет собой своеобразную «зеркальную реакцию» на злободневные проблемы и наиболее важные потребности, выступая одновременно мощным правовым инструментом решения актуальных задач, стоящих перед страной на данном этапе развития [7, с. 11].

Требование объективной обусловленности подразумевает постоянную работу законодателя по приведению системы поощрений в соответствие с меняющимися условиями действительности. В частности, присоединение к Российской Федерации Республики Крым детерминировало принятие Федерального закона от 22 декабря 2014 г. N 421-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений, связанных с предоставлением мер социальной защиты (поддержки), а также выплат по обязательному социальному страхованию отдельным категориям граждан, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»*, в котором затрагиваются, помимо прочего, вопросы установления поощрения в виде дополнительного ежемесячного материального обеспечения граждан Российской Федерации за выдающиеся достижения и особые заслуги перед Российской Федерацией.

Принцип индивидуализации (персонализации) поощрений, согласно которому должны поощряться только личные достижения, на первый взгляд, аксиоматичен и не требует какого-либо пояснения либо закрепления. Однако случаи его нарушения на практике все-таки имеют место. Так, на локальном уровне (на отдельных предприятиях) иногда бывает, что за заслуги одного лица поощряется несколько работников или даже тот, кто не имеет прямого отношения к достигнутым результатам. Подобные ситуации, конечно, крайне нежелательны, однако их урегулирование, как правило, не выходит за рамки локального уровня.

Принцип адекватности применительно к поощрениям означает, что конкретная мера должна соответствовать, с одной стороны, характеру достигаемого результата, с другой — тем усилиям, которые для этого затрачиваются. Данный принцип основывается на взаимосвязи поощрения и заслуги как основания и результата, причины и следствия, корреспондируя такому базовому началу права, как справедливость.

* См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 52 (ч. 1). Ст. 7532.

Впрочем, данный принцип, как и любое другое правило, имеет свои исключения. В частности, медалью «За спасение погибавших» согласно Указу Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 г. N 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации...» (далее — Указ Президента РФ N 1099) награждаются граждане за спасение людей во время стихийных бедствий, на воде, под землей, при тушении пожаров и при других обстоятельствах, сопряженных с риском для жизни*. Однако гражданин может быть награжден данной медалью даже в том случае, если при спасении погибавших непосредственно не подвергал свою жизнь опасности, но принес в жертву другие интересы, например, имущество, обладающее большой стоимостью. Это объясняется тем, полагает Е.В. Трофимов, что в заслуге рассматриваемого поощрения (награждения медалью «За спасение погибавших») определяющим моментом (условием) является спасение жизни человека, обладающей высшей ценностью [3, с. 571].

Принцип адекватности можно рассматривать еще в одном ключе. Нормы, закрепляющие поощрения для государственных служащих, в частности, сотрудников органов внутренних дел, как правило, «соседствуют» со статьями, предусматривающими ответственность за те или иные дисциплинарные проступки. При этом последние обычно занимают более значительное место, нежели поощрительные нормы, что вполне объяснимо, поскольку во взаимоотношениях с гражданами государственный служащий — всегда более «сильная сторона», что должно быть уравновешено перспективой наступления юридической ответственности за злоупотребление правами. В этом плане показателен Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором регулированию стимулов (мер поощрения) посвящена одна статья (ст. 48), а ограничений (дисципли-

нарных взысканий) — целый ряд статей (ст.ст. 49, 50, 50.1, 51, 51.1, 52)**.

Несмотря на отмеченную выше особенность правового статуса государственных служащих, нуждающегося в детальной регламентации, прежде всего, ограничительной сферы — рамок их полномочий, за которые они не могут выходить во избежание злоупотребления правами, вопросы их поощрения также должны быть качественным образом урегулированы. Повышенную ответственность за выполнение обязанностей необходимо адекватно «уравновешивать» возможностью получения особых преференций, дополнительных благ за безупречную службу, иные заслуги, иначе теряется привлекательность такого рода работы и ставится под угрозу реализация многих функций государства. Все это предполагает адекватную степень конкретности и практической реализуемости соответствующих ограничивающих и стимулирующих (поощрительных) норм.

Принцип системности поощрений охватывает два момента. Во-первых, системным должно быть само установление поощрений, иными словами, поощрительное законодательство. Это требование представляется особенно важным ввиду того, что появляются все новые и новые виды поощрений, в частности, наград, которые должны быть в обязательном порядке «вписаны» в уже существующую систему. Указом Президента Российской Федерации от 16 марта 2015 г. N 133 «Об учреждении медали “За заслуги в освоении атомной энергии” и установлении почетного звания “Заслуженный работник атомной промышленности Российской Федерации”»*** были не только введены указанные награды, но и внесены соответствующие изменения в Указ Президента РФ N 1099.

Во-вторых, системность необходимо соблюдать и в применении поощрений. Поощрительная система является многоуровневой, и поощрения в ней располагаются по степени значимости. Именно в таком порядке они, как правило, и применяются. За выдающиеся заслуги лицо может быть награждено наградой более высокой

* См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 37. Ст. 4643.

** См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 49 (ч. I). Ст. 7020.

*** См.: Там же. 2015. N 12. Ст. 1738.

степени, минуя формально обязательные низшие (младшие) степени награды.

При этом в ряде случаев специально оговаривается вопрос сроков применения поощрений. В частности, в базовом Указе Президента РФ N 1099, регулирующем наградные отношения, установлено, что очередное награждение государственной наградой производится за новые заслуги и достижения не ранее чем через пять лет после предыдущего награждения, за исключением награждения за совершение подвига, проявленные мужество, смелость и отвагу. При этом повторное награждение лица государственной наградой может быть произведено и до истечения 5-летнего срока, но только по решению Президента Российской Федерации.

В то же время поощрение должно быть своевременным, иначе его ценность нивелируется. Следует согласиться с П.А. Сорокиным, что влияние одной и той же награды тем больше, чем она ближе [8, с. 120].

Одним из важнейших условий обеспечения эффективного воздействия поощрений на создание и поведение людей выступает их безусловная ценность и значимость для поощряемого субъекта. В особенности это касается высшей формы поощрений – государственных наград.

В некоторых случаях данный принцип закрепляется в нормативных правовых актах. Например, в Инструкции о порядке награждения наградами и почетными званиями г. Москвы определено, что представление граждан (коллективов, организаций) к награждению наградами и присвоению почетных званий не должно носить массового характера*. Оно является строго избирательным и применяется в тех случаях, когда другие меры поощрения исчерпаны, либо когда применение этих мер не будет соответствовать значимости заслуг или достижений.

Инициатива законодателя находит поддержку и в научном сообществе. В част-

ности, В.В. Волкова подчеркивает, что законодателю необходимо соблюдать принцип умеренности в применении высших форм правовых поощрений, чтобы избежать их обесценивания и в целях сохранения их особой значимости [9, с. 68-71].

Само существование принципа обязательности, относящегося не столько к закреплению, сколько к применению поощрений, является предметом научных дискуссий. Например, О.Ю. Кокурина отмечает, что востребование награды не соответствует наградной традиции в российском праве [10, с. 7]. В.М. Баранов занимает противоположную позицию: «традиция государственного наградного всевластия» чрезвычайно вредна и ее надо преодолевать всеми возможными способами. Наиболее перспективное направление в этом отношении – максимально четкая фиксация (при возможности – в количественном выражении) сущности заслуги, выступающей основанием для конкретной награды [11, с. 366].

Сегодня многие нормы о поощрении сформулированы таким образом, что их применение выступает лишь правом субъекта, но не его обязанностью. Например, согласно буквальному толкованию текста Трудового кодекса Российской Федерации, поощрять работников за добросовестный и эффективный труд – это именно право работодателя (ст. 22). Между тем специалисты в сфере трудового права настаивают на аксиоматичности того факта, что добросовестный труд должен быть отмечен работодателем [12, с. 200-203].

Однако возникает вопрос о том, что является некорректным – формулировка, избранная законодателем, или сам подход к сущности поощрения в рассматриваемой сфере.

Современный взгляд на сущность поощрения заключается в том, что возможность его получения рассматривается как неотъемлемое субъективное право граждан, а его применение – как обязанность соответствующих субъектов. При этом формулирование поощрительных норм должно основываться на сбалансированном сочетании прав и обязанностей сторон поощрительных (наградных) отношений: с одной стороны, необходимо четко определить заслуги перед государ-

* Инструкция о порядке награждения наградами и почетными званиями г. Москвы: утв. указом Мэра Москвы от 30 авг. 2002 г. N 35-УМ «О мерах по выполнению Закона города Москвы “О наградах и почетных званиях города Москвы”» (см.: Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2002. N 47).

ством или иным субъектом (условия, при которых осуществляется поощрение), с другой – параллельно следует закрепить ответственность (дисциплинарную, а возможно, и административную – в отношении государственных наград) – за непредставление к поощрению тех, кто его заслужил, то есть выполнил необходимые условия [13, с. 16].

Обязанность применить поощрения в определенных случаях можно (и нужно) устанавливать в юридических нормах. На этом настаивают, в частности, специалисты в сфере трудового права, предлагая закреплять (например, в трудовом договоре) обязанности работодателя применить к работнику поощрительные нормы за особые трудовые заслуги [14, с. 124-129].

Таким образом, основными началами – принципами установления и применения правовых поощрений выступают:

– принцип объективной обусловленности (детерминированности), предполагающий зависимость особенностей системы поощрений конкретного государства от условий реальной действительности на определенном историческом этапе развития общества;

– принцип обоснованности (адекватности), заключающийся в соответствии вида (меры) поощрения сложности и общественной значимости заслуженного поведения, а также требующий сбалансированного сочетания (уравновешения) позитивных и негативных стимулов;

– принцип индивидуализации (персонификации) поощрений, обозначающий то, что поощрение следует только за личные заслуги и достижения;

– принцип системности (иерархичности) поощрений, отражающий многоуровневость поощрительной системы, разнообразие видов поощрений, последовательность их применения и необходимость соблюдения установленных сроков;

– принцип исключительности (значимости) поощрений, основывающийся на редкости, ценности и востребованности благ, полагающихся за заслуженное поведение, и способствующий формированию действенных побудительных мотивов к такому поведению;

– принцип обязательности (гарантированности) применения поощрения,

предполагающий закрепление права лица на поощрение в определенных случаях и корреспондирующей обязанности уполномоченных субъектов его применить.

Перечисленные требования (условия) к установлению и применению поощрений можно рассматривать как правила юридической техники в соответствующей сфере. Это означает, что любой нормативный или правоприменительный акт должен как по форме, так и по содержанию соответствовать данным основополагающим идеям и не может им противоречить.

Однако парадоксальным является тот факт, что, несмотря на их безусловную значимость, закрепить их на уровне нормативного правового акта вряд ли получится. Если допустить такую возможность, то возникают вопросы о форме настоящего акта и его юридической силе, способах обеспечения его исполнения и, как следствие, ответственности за нарушение его положений.

В связи с этим, на наш взгляд, принципы поощрительной деятельности не подлежат закреплению в какой-либо отдельной, самостоятельной норме, выступая доктринальными положениями (как и принципы права в целом), однако они должны быть отражены как в принимаемых поощрительных нормах, так и в действиях правоприменителя при их реализации, что подтверждает их статус как правил юридической техники.

Другое дело – принципы, определяющие правила установления и применения высшей формы поощрения – государственных наград. Их закрепление на уровне соответствующих нормативных правовых актов представляется оправданным. В случае издания предлагаемого в литературе кодифицированного закона, регулирующего наградные отношения (наградного кодекса), целесообразно закрепить перечень основополагающих начал, то есть принципов, в соответствующей сфере.

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Правила юридической техники в сфере поощрительной деятельности – это основные начала (принципы) установления и применения правовых поощрений, отражающие их сущность как юридическо-

го средства, а также способствующие достижению максимальной эффективности в процессе правового регулирования.

2. Основными началами — принципами установления и применения правовых поощрений выступают требования объективной обусловленности (детерминированности), обоснованности (адекватности), индивидуализации (персонализации), системности (иерархичности), исключительности (значимости) и обязательности (гарантированности) поощрений, которым должен соответствовать по форме и по содержанию любой норматив-

ный или правоприменительный акт в рассматриваемой сфере.

3. Вышеперечисленные принципы не подлежат официальному закреплению, однако должны быть отражены как в принимаемых поощрительных нормах, так и в действиях правоприменителя при их реализации. В то же время закрепление принципов, определяющих правила установления и применения высшей формы поощрения — государственных наград, на уровне соответствующих нормативных правовых актов представляется оправданным и целесообразным.

Список литературы

1. Волкова В.В. Поощрение государственных служащих: понятие, основные принципы // Право и практика. 2010. N 1. С. 41-47.
2. Гущина Н.А. Поощрительные нормы российского права: теория и законодательная практика. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 294 с.
3. Трофимов Е.В. Принципы наградного дела // Право и политика. 2011. N 4. С. 567-578.
4. Сабитов Т.Р. Принципы поощрения в уголовном праве // Уголовное право. 2006. N 1. С. 54-57.
5. Сарсембаев А.С. О кардинальном реформировании и консолидации государственного наградного механизма в Российской Федерации // Вестник Курганского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. N 1 (40). С. 65-69.
6. Гущина Н.А. Поощрение в праве: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. 37 с.
7. Малько А.В. Льготная и поощрительная правовая политика. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 233 с.
8. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
9. Волкова В.В. Некоторые вопросы повышения эффективности применения мер правового поощрения // Современное право. 2014. N 10. С. 68-71.
10. Кокурина О.Ю. Государственные награды в России: телеологические и аксиологические основания правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 58 с.
11. Баранов В.М. Логико-гносеологические, аксиологические, технико-юридические проблемы наградного права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. N 1 (33). С. 361-370.
12. Кармова А.Б. О мерах поощрения за труд // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2016. N 4-3 (76). С. 200-203.
13. Винокуров В.А. Юридическая обязанность государства пожаловать награду // Юрист. 2010. N 17. С. 9-16.
14. Попова В.В. Проблемы поощрительных норм современного российского трудового права // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2011. N 3. С. 124-129.

References

1. Volkova V.V. Pooshchrenie gosudarstvennyh sluzhashchih: ponyatie, osnovnye printsipy [Encouragements of state services: notion, basic principles]. Pravo i praktika – Law and practice, 2010, no. 1, pp. 41-47.
2. Gushchina N.A. Pooshchritel'nye normy rossiyskogo prava: teoriya i zakonodatel'naya praktika [Encouraging rules of the Russian law: theory and legislative practice]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2003. 294 p.
3. Trofimov E.V. Printsipy nagradnogo dela [Principles of awarding rules]. Pravo i politika – Law and policy, 2011, no. 4, pp. 567-578.
4. Sabitov T.R. Printsipy pooshchreniya v ugovolnom prave [Principles of encouragements in criminal law]. Ugolovnoe pravo – Criminal law, 2006, no. 1, pp. 54-57.
5. Sarsembaev A.S. O kardinal'nom reformirovanii i konsolidatsii gosudarstvennogo nagradnogo mehanizma v Rossiyskoy Federatsii [About cardinal reform and consolidation of state awarding mechanism in the Russian Federation]. Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Bulletin of the Kurgan State University. Series: Humanities, 2016, no. 1 (40), pp. 65-69.

6. Gushchina N.A. Pooshchrenie v prave: teoretiko-pravovoe issledovanie. Avtoref. Dokt. Diss. [Encouragement in law: theoretical-legal research. Autoabstract Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2004. 37 p.
7. Mal'ko A.V. L'gotnaya i pooshchritel'naya pravovaya politika [Preferential and encouraging legal policy]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2004. 233 p.
8. Sorokin P.A. Chelovek. Tsvilizatsiya. Obshchestvo [Human. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 543 p.
9. Volkova V.V. Nekotorye voprosy povysheniya effektivnosti primeneniya mer pravovogo pooshchreniya [Some questions of increasing of application of measures of legal encouragements' efficiency]. *Sovremennoe pravo – Modern law*, 2014, no. 10, pp. 68-71.
10. Kokurina O.Yu. Gosudarstvennye nagrody v Rossii: teleologicheskie i aksiologicheskie osnovaniya pravovogo regulirovaniya. Avtoref. Dokt. Diss. [State awards in Russia: theological and axiological basis of legal regulation. Autoabstract Doct. Diss.]. Moscow, 2015. 58 p.
11. Baranov V.M. Logiko-gnoseologicheskie, aksiologicheskie, tehniko-yuridicheskie problemy nagradnogo prava [Logical-gnoseological, axiological, technical-legal problems of awarding law]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2016, no. 1 (33), pp. 361-370.
12. Karmova A.B. O merax pooshhreniya za trud [About measures of encouragement for labour]. *Novaya nauka: Strategii i vektory` razvitiya – New science: Strategies and vectors of development*, 2016, no. 4-3 (76), pp. 200-203.
13. Vinokurov V.A. Yuridicheskaya obyazannost' gosudarstva pozhalovat' nagradu [Legal obligation of a state to give an award]. *Yurist – Lawyer*, 2010, no. 17, pp. 9-16.
14. Popova V.V. Problemy pooshchritel'nyh norm sovremennogo rossiyskogo trudovogo prava [Problems of encouraging norms of the modern Russian labour law]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo – Vestnik of Omsk university. Series: Law*, 2011, no. 3, pp. 124-129.

САРАНЧИН Д.В., t14235@yandex.ru Кафедра оперативно-разыскной деятельности и оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	SARANCHIN D.V., t14235@yandex.ru Chair of detective activities and crime detection technical actions of the internal affairs bodies; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 151.2 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В 2017 году в Уголовный кодекс Российской Федерации была включена статья, предусматривающая ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего. В ходе исследования сделан вывод о том, что анализируемое преступление посягает на отношения, обеспечивающие благоприятные условия как нравственного, так и физического развития несовершеннолетних. Дается оценка предложенного в теории уголовного права дополнительного признака несовершеннолетнего как предмета преступления применительно к составу вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни. При этом выделяется четыре варианта психического отношения потерпевшего к девиантному поведению: а) несовершеннолетним полностью осознается противоправный характер действий и их опасность для жизни; б) осознается только противоправность действий, но не их опасность для жизни; в) осознается только опасность действий для жизни, но не их противоправность; г) не осознается ни противоправный характер действий, ни их опасность для жизни. Автором статьи обосновывается необходимость расширения уголовно-процессуального понятия потерпевшего за счет наделения таким статусом несовершеннолетних, подвергнутых вовлечению в девиантное поведение.

Ключевые слова: объект преступления; предмет преступления; уголовная ответственность; девиантное поведение; несовершеннолетний; опасность.

OBJECT AND SUBJECT OF THE CRIME PROVIDED BY ARTICLE 151.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. In 2017, the Criminal Code of the Russian Federation was amended by the article providing the liability for involving a minor in committing acts that pose a danger to the life of a minor. While conducting the research, the author came to the conclusion that the analyzed crime encroaches on the relations that provide favorable conditions for both moral and physical development of minors. The assessment of the additional element of a juvenile as a subject of crime regarding the corpus delicti consisting of involving a minor in the commission of the acts that pose a danger to his life, proposed in the criminal law theory, is given. Four variants of the mental attitude of the victim to deviant behavior are identified: 1) minors are fully aware of the illegal nature of the actions and their danger to life; 2) minors are aware of the illegal nature of the actions, but not of their danger to life; 3) minors are aware of the danger of actions to life, but not of their unlawfulness; 4) neither the illegal nature of actions nor their danger to life is realized by minors. The author of the article substantiates the need to expand the criminal procedure concept of the victim by giving such status to minors being involved in deviant behavior.

Keywords: object of crime; subject of crime; criminal liability, deviant behavior, minor; danger.

Исследование вопроса об определении непосредственного объекта преступления обычно зависит от его положения в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). В то

же время основой построения Особенной части действующего УК РФ являются родовая и видовая объекты преступления. Родовой объект — это совокупность охраняемых уголовным законом родственных

общественных отношений, составляющих определенную сферу жизни общества (политическую, экономическую, социальную, личную). Видовой объект — это узкая группа охраняемых уголовным законом общественных отношений, отражающих определенный спектр отдельной сферы общественной жизни [1, с. 109-110]. Родовой объект объединяет схожие по направленности преступления в относительно большую отдельную группу в разделе Особенной части УК РФ. По видовому объекту преступления объединяются в главы. Соответственно, название раздела характеризует родовой объект, а название главы — видовой объект уголовно-правовой охраны [2, с. 45].

Исходя из месторасположения ст. 151.2 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего), родовым объектом этого состава преступления являются общественные отношения, обеспечивающие основные права и свободы личности.

Видовым объектом анализируемого преступления являются законные интересы семьи и несовершеннолетних (глава 20 УК РФ) — однородной группы общественных отношений, создающих условия для деятельности семьи и обеспечивающих право на нравственное и физическое развитие несовершеннолетних [3, с. 3].

Что касается определения непосредственного объекта состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни, то в теории уголовного права единое мнение по этому вопросу не сформировалось, поскольку данный уголовно-правовой запрет введен недавно.

Для создания дополнительных механизмов противодействия действиям, направленным на побуждение детей к суицидальному поведению, в УК РФ введена ст. 151.2*. Согласно пояснительной записке к

проекту Федерального закона N 118634-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» данной нормой предполагалось «... восполнить пробел в уголовном законодательстве и установить ответственность не только за вовлечение взрослыми лицами несовершеннолетних в преступную или антиобщественную деятельность, но также и в совершение иных противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего»**.

По этой причине вопрос об общественно опасном характере нового состава законодателем был предрешен — вовлечение несовершеннолетних в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетних, поставлено наравне с социально опасным поведением в отношении несовершеннолетних, предусмотренным ст.ст. 150 и 151 УК РФ. Соответственно, правовой основой для нового уголовно-правового запрета стала глава 20 УК РФ («Преступления против семьи и несовершеннолетних»).

С точки зрения теории уголовного права целесообразность решения законодателя о закреплении состава вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, подтверждает то, что глава 20 УК РФ полностью соответствует характеристикам теоретически разработанной концепции преступления против несовершеннолетнего.

В частности, Ю.Е. Пудовочкин описывает это как сознательное социально опасное, незаконное поведение взрослых, в том числе родителей, предусмотренное УК РФ, которое наносит вред физическому, психическому и социальному развитию несовершеннолетних [4, с. 84]. К основным признакам преступлений против

* О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: федер. закон от 7 июня 2017 г. N 120-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. N 24. Ст. 3489.

** Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности // Государственная Дума: официальный сайт. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru>

несовершеннолетних им отнесены объект (общественные отношения, обеспечивающие физическое, духовное и социальное развитие несовершеннолетнего), потерпевший (человек, не достигший восемнадцатилетнего возраста), субъект (совершеннолетнее лицо) [4, с. 70-84].

Считаем, что описание признаков объективной стороны, предусмотренных ст. 151.2 УК РФ, демонстрирующих сходство состава с составами вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, является еще одним существенным свойством, характеризующим группу преступлений против несовершеннолетних. Основу данных преступных посягательств составляет процесс противоправного информационного воздействия на несовершеннолетнего, который заключается в вовлечении подростка в девиантное поведение. Это свидетельствует о том, что ст.ст. 150, 151, 151.2 УК РФ являются смежными и характеризуют однородное социально опасное поведение.

По этой причине выявление непосредственного объекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, опасных для жизни несовершеннолетнего, должно основываться на определении непосредственных объектов смежных преступлений (ст.ст. 150, 151 УК РФ). В науке уголовного права общественные отношения, обеспечивающие физическое, духовное и социальное развитие несовершеннолетних, являются видовым (родовым) объектом преступлений, предусмотренным главой 20 УК РФ, что поддерживается большинством авторов [4, с. 78-79]. Вместе с тем непосредственные объекты преступлений, предусмотренных ст.ст. 150, 151 УК РФ, характеризуются авторами по-разному.

По мнению А.С. Якубова, основным объектом вовлечения несовершеннолетнего в преступление следует признать общественные отношения, обеспечивающие право ребенка на защиту от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, которое гарантировано ст. 17 Конвенции о правах ребенка [5, с. 97]. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий нару-

шает его право на информацию, агитацию и пропагандистскую защиту и причиняет вред здоровью и развитию. [6, с. 18].

В.Б. Боровиков считает, что непосредственный объект преступлений, предусмотренных ст.ст. 150 и 151 УК РФ, – это общественные отношения, создающие условия для правильного нравственного и физического развития личности несовершеннолетних [3, с. 10].

В отличие от мнения В.С. Савельевой, в основе которого лежат цели государственной политики в отношении интересов детей, непосредственные объекты этих преступлений, закрепленные в ч. 4 Федерального закона от 24 июня 1998 г. N 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», представляется верной позиция, в соответствии с которой непосредственным объектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления являются общественные отношения, связанные с обеспечением необходимыми условиями для формирования и развития личности как законопослушного гражданина [7, с. 23, 32]. Такое понимание объекта преступления, закрепленного ст. 151 УК РФ, является более широким в связи с уголовно-правовой охраной физического развития несовершеннолетних. Кроме того, В.С. Савельева под физическим развитием понимает процесс завершения, комплектования и укрепления всех внутренних и внешних частей и органов растущего человека, приобщение к искусству и воспитание в духе верности принципам и нормам универсальной морали человеческой цивилизации [6, с. 13].

Полагаем, что непосредственные объекты преступлений, предусмотренных ст.ст. 150 и 151 УК РФ, являются тождественными по своей форме (общественные отношения, обеспечивающие благоприятные условия развития несовершеннолетнего), но отличаются друг от друга по содержанию и объему. Исходя из специфики составов каждого преступления, а именно характера девиантного поведения, в которое виновный вовлекает подростка, следует вывод, что непосредственным объектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления являются общественные отношения, обеспечивающие благоприятные условия нравствен-

ного (морального, духовного) развития несовершеннолетних. Поскольку преступная деятельность, в которую вовлекается подросток, не предполагает обязательного причинения вреда его собственному здоровью или гибели, постольку данный вид девиации сам по себе не угрожает нормальному физическому развитию несовершеннолетнего.

Если использовать аналогичный подход к оценке непосредственного объекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (определение объекта исходя из характера девиантного поведения), то следует вывод, что соответствующее преступление посягает на отношения, обеспечивающие благоприятные условия как нравственного, так и физического развития несовершеннолетних. Здесь девиантным поведением являются противоправные действия, представляющие опасность для жизни несовершеннолетнего. Поскольку эти действия носят противоправный (незаконный) характер, то вовлечение подростка в их совершение, с одной стороны, подрывает его нормальное нравственное (духовное, моральное) развитие. Вместе с тем указанные действия создают опасность для жизни, поэтому вовлечение в их совершение напрямую угрожает физическому развитию несовершеннолетнего, создавая риск его гибели, а также причинения здоровью вреда различной степени тяжести. В числе признаков состава преступления, характеризующих объект преступления, выделяют предмет преступления, то есть «какой-либо структурный элемент общественного отношения, путем воздействия на который виновный причиняет вред объекту преступления» [7, с. 148]. В качестве предмета преступления может выступать либо предмет общественного отношения, либо участники (субъекты) отношения, либо социальная связь между участниками отношения. Во многих составах преступлений в роли предмета выступает правореализующий субъект нарушаемого отношения, приобретающий в таком случае статус потерпевшего [4, с. 82, 150].

В исследуемом составе преступления предмет также является обязательным признаком. Предмет данного преступле-

ния – несовершеннолетний, то есть лицо, не достигшее ко времени совершения преступления возраста восемнадцати лет, поскольку именно на несовершеннолетнего оказывается противоправное информационное воздействие в виде склонения или иного вовлечения в совершение противоправных действий, представляющих опасность для его жизни. При этом нижнюю возрастную границу понятия несовершеннолетнего в нормах главы 20 УК РФ законодатель не фиксирует. Это дает основания считать со ссылкой на ст. 21 Гражданского кодекса Российской Федерации, ст. 1 Федерального закона от 24 июля 1998 г. N 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»* и ст. 1 Конвенции о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.**, что предметом соответствующих преступлений является любое лицо, которому на момент противоправного вовлечения в девиантное поведение не исполнилось восемнадцати лет. В связи с этим сложно согласиться с В.М. Гармановым, считающим, что по делам о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления потерпевшим может быть лицо, достигшее 14-летнего, но не достигшее 18-летнего возраста [8, с. 9].

В учебной и научной литературе по уголовному праву несовершеннолетние жертвы преступлений, предусмотренных ст.ст. 150, 151, 151.2 УК РФ, как правило, не определяются в качестве признака того или иного элемента состава преступления. Например, В.Б. Боровиков определяет несовершеннолетнего как вовлекаемого [3, с. 6], что не соответствует традиционной системе признаков элементов состава преступления. Напротив, рассмотрение несовершеннолетнего вовлекаемого как предмета состава преступления по ст. 151.2

* Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 1998 г. N 124-ФЗ: ред. от 27 дек. 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 31. Ст. 3802; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.). Конвенция ратифицирована Постановлением ВС СССР от 13 июня 1990 г. N 1559-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УК РФ позволяет решить некоторые вопросы, связанные с гарантией защиты прав несовершеннолетних по уголовным делам этой категории.

Ю.Е. Пудовочкин на основании определения понятия «потерпевший», разработанного в науке уголовного права, указывает на то, что жертвы преступлений, предусмотренных ст.ст. 150-157 УК РФ, должны признаваться потерпевшими. Однако во многих рассмотренных им уголовных делах не было принято процессуальное решение о признании несовершеннолетних потерпевшими преступления (по уголовным делам, возбужденным по ст.ст. 150, 151 УК РФ, оно отсутствовало в 100 % случаев). Между тем признание лица жертвой преступления выступает в качестве юридической предпосылки для широкого спектра уголовно-процессуальных прав, в том числе права человека на дачу показаний. По словам Ю.Е. Пудовочкина, неоправданное лишение потерпевшего процессуального статуса не позволяет суду всесторонне рассмотреть уголовное дело в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством и дает основание для отмены приговора при условии, что оно помешало суду принять законное решение [4, с. 82].

Следует согласиться с Ю.Е. Пудовочкиным в том, что отсутствие процессуального решения по уголовному делу по ст.ст. 150, 151, 151.2 УК РФ о признании вовлекаемого несовершеннолетнего потерпевшим от преступления является препятствием к реализации последним процессуальных прав одного из основных участников уголовного судопроизводства, что в конечном итоге приводит к нарушению прав ребенка, закрепленных в Конвенции о правах ребенка и Федеральном законе от 24 июля 1998 г. N 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». Однако аргументы исследователя для решения проблемы, как представляется, основаны на том, что понятие потерпевшего в уголовном праве смешивается с понятием потерпевшего в уголовном процессе.

Уголовное законодательство не содержит понятия потерпевшего, а с позиции учения о составе преступления жертву преступления, подвергшуюся преступному

посягательству, более правильно рассматривать как предмет преступления, что, в свою очередь, позволяет решать вопросы квалификации преступления. Понятие квалификации, как известно, предполагает установление тождества между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, один из которых — предмет преступления. Юридическое понятие потерпевшего закреплено в УПК РФ, поэтому является исключительно уголовно-процессуальным. Согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевший — физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

Исходя из этого признать несовершеннолетнего, которого виновный склонил или вовлек в совершение противоправных действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, потерпевшим по уголовному делу по ст. 151.2 УК РФ возможно, если такому несовершеннолетнему непосредственно в результате данного преступления будет причинен физический, имущественный или моральный вред. При этом склонение или вовлечение несовершеннолетнего должно происходить посредством таких способов, как насилие, угроза применением насилия, уничтожения или повреждения имущества либо иная противоправная угроза, поскольку данные способы преступления сами по себе влекут причинение физического и морального (психического) вреда [9, с. 100]. В случае использования виновным уговоров, предложений, обещаний, обмана или иных ненасильственных способов склонения или вовлечения подростка в девиантное поведение, опасное для жизни, прямой физический, имущественный, моральный вред жертве преступного воздействия не причиняется.

Кроме того, диспозиция ч. 1 ст. 151.2 УК РФ, предусматривающая основной состав преступления, не фиксирует каких-либо общественно опасных последствий. То же самое можно сказать применительно к преступлениям, предусмотренным ст.ст. 150 и 151 УК РФ. Это объясняет то обстоятельство, что на практике по уголовным делам данной категории достаточно

редко выносятся процессуальные решения о признании несовершеннолетнего потерпевшим от преступления, так как явных последствий в виде причинения несовершеннолетнему физического, имущественного или морального вреда нет.

Для того чтобы восстановить нарушенный баланс прав и законных интересов несовершеннолетних жертв преступного вовлечения, требуется совершенствование не уголовного, а уголовно-процессуального законодательства. Полагаем, что для этого следует расширить уголовно-процессуальное понятие потерпевшего за счет надления таким статусом несовершеннолетних, подвергнутых вовлечению в девиантное поведение, предусмотренное ст.ст. 150, 151, 151.2 УК РФ. В статью 42 УПК РФ после слов «моральный вред», необходимо добавить фразу: «несовершеннолетний в случаях, предусмотренных статьями 150, 151, 151.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».

В теории уголовного права характеристика несовершеннолетнего как предмета преступлений, предусмотренных главой 20 УК РФ, не исчерпывается указанием на возраст потерпевшего. Например, В.Б. Боровиков важным для квалификации по ст. 150 УК РФ считает также достижение вовлекаемым несовершеннолетним определенного уровня физического, психического, социального развития, который позволяет ему давать адекватную оценку действиям, совершаемым в отношении его, составляющим суть процесса вовлечения. Если же малолетний по своему уровню социального, нравственного, физического развития не способен правильно оценить действия взрослого, направленные на его приобщение к преступной деятельности, то вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления не будет [3, с. 6]. Аналогичное мнение высказывает А.В. Хабаров [10, с. 252, 255]. Однако возникает вопрос о том, какая характеристика предмета преступления применима к составу преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ.

Полагаем, что оценку предлагаемого В.Б. Боровиковым признака предмета преступления, связанного с вовлечением несовершеннолетнего в девиантное поведение (ст.ст. 150, 151, 151.2 УК РФ), следует осуществлять исходя из непосредственного

объекта соответствующего преступления. Как уже отмечалось, непосредственным объектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления признаются общественные отношения, обеспечивающие благоприятные условия нравственного развития несовершеннолетних. Безусловно, посягательство на данный объект будет налицо, когда вовлекаемый в преступление подросток осознавал общественную опасность и противоправность деяния, в которое он был вовлечен, особенно когда несовершеннолетний достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность за соответствующее преступление.

Однако благоприятные условия нравственного развития несовершеннолетнего подвергаются опасности и в том случае, если вовлекаемый в преступление в силу малолетства, отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, или в силу наличия у него психического расстройства не мог в полной мере осознавать общественную опасность и противоправность соответствующего деяния либо вовсе не осознавал эти свойства преступления. Например, взрослый предлагает малолетнему или психически больному ребенку развести костер путем поджога припаркованного автомобиля или жилого дома. Здесь благоприятные условия нравственного развития несовершеннолетнего нарушаются тем, что ему прививается тип объективно противоправного поведения, в результате чего у него создается стереотип допустимости и правомерности подобного рода действий, общественную опасность, а тем более противоправность которых несовершеннолетний не осознает.

Напротив, состав преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, на наш взгляд, отсутствует, если виновный, применяя обман, вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления и при этом скрывает фактические обстоятельства, характеризующие общественную опасность и противоправность деяния. Более того, он даже убеждает подростка в правомерности тех действий, которые ему предлагается совершить (например, уговаривает несовершеннолетнего оказать помощь в переносе якобы своих вещей, не раскры-

вая при этом того обстоятельства, что это чужое имущество, которое фактически похищается). В таком случае несовершеннолетний, будучи убежден в том, что его действия правомерны и одобряемы, не осознает их общественной опасности, противоправности и вообще какой-либо предосудительности. В связи с этим нарушения его нормального нравственного развития не происходит, что исключает наличие объекта преступления в поведении взрослого. Последний будет нести уголовную ответственность за совершенное преступление как посредственный исполнитель (ч. 2 ст. 33 УК РФ).

С этих позиций следует дать оценку предложенного в теории уголовного права дополнительного признака несовершеннолетнего как предмета преступления применительно к составу вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего. Указанное преступление имеет своим непосредственным объектом отношения, обеспечивающие благоприятные условия и нравственного, и физического развития несовершеннолетних, поскольку девиантное поведение, в которое вовлекается несовершеннолетний, характеризуется как противоправностью, так и опасностью для жизни. При этом несовершеннолетний может по-разному относиться к оценке противоправных действий, представляющих опасность для его жизни, в которые его вовлекает взрослый. Можно выделить четыре варианта психического отношения потерпевшего к такому девиантному поведению:

1) несовершеннолетний полностью осознает как противоправный характер действий, в которые его вовлекает взрослый, так и их опасность для жизни;

2) несовершеннолетний осознает только противоправность действий, представляющих опасность для жизни, однако последнее обстоятельство им не осознается (например, незаконное проникновение на объект, охраняемый сторожевыми собаками без привязи, о чем несовершеннолетний не знал и не был уведомлен взрослым);

3) несовершеннолетний осознает только опасность действий для его жизни, однако о противоправности таких дей-

ствий не догадывается (например, проникновение на высотный объект, запрещенный для посещения посторонними, нахождение на котором связано с риском для жизни, о чем несовершеннолетний не знает);

4) несовершеннолетний полностью не осознает как противоправный характер действий, в которые его вовлекает взрослый, так и их опасность для жизни (например, вовлечение в отдельные виды сталкерства*, о противоправности и опасности которого несовершеннолетний не был осведомлен).

Полагаем, что во всех таких случаях при вовлечении несовершеннолетнего в совершение действий, которые объективно являются противоправными и представляют опасность для его жизни, имеет место посягательство на отношения, обеспечивающие благоприятные условия как нравственного, так и физического развития несовершеннолетних. Если даже несовершеннолетним не осознается противоправный или опасный характер действий, в которые его вовлекают, он понимает фактический характер совершаемых действий, которым учится не давать адекватную оценку и в отношении которых у него может формироваться стереотип их правомерности и допустимости. К подобным видам девиаций относится руфинг**, который широко рекламируется, например, в Санкт-Петербурге (при помощи надписей на тротуарах и стенах домов, а также в сети Интернет) в виде «безобидных» туристических призывов, например «Прогулки по крышам», «Экскурсии по крышам Санкт-Петербурга» и т.п. Очевидно, что некоторыми несовершеннолетними такие «рекламные акции» могут восприниматься в качестве одного из легальных и безопасных направлений туристической индустрии.

* Сталкерство (от англ. stalker – ловец, охотник; от to stalk – преследовать) – посещение покинутых (заброшенных) объектов (оставленных жилых домов, районов, бывших поселений, промышленных зон и т.п.).

** Руфинг (от англ. roof – крыша) – проникновение на различные высотные объекты и пребывание на них (крыши жилых домов, зданий, конечные точки различных строений и сооружений).

Выводы:

1. Непосредственным объектом вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, следует считать общественные отношения, обеспечивающие благоприятные условия как нравственного, так и физического развития несовершеннолетних.

2. Предметом преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ, является несовершеннолетний, то есть лицо, не достигшее ко времени совершения преступления возраста восемнадцати лет.

3. В целях расширения уголовно-процессуального понятия потерпевшего за счет наделения таким статусом несовершеннолетних, подвергнутых вовлечению в девиантное поведение, предусмотренное ст.ст. 150, 151, 151.2 УК РФ, ст. 42 УПК РФ после слов «моральный вред» необходимо дополнить словами: «несовершеннолетний в случаях, предусмотренных ста-

тьями 150, 151, 151.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Вне зависимости от того, как несовершеннолетний относится к оценке противоправных действий, представляющих опасность для его жизни, в которые его вовлекает совершеннолетний субъект (полностью осознает как противоправный характер действий, так и их опасность для жизни; осознает только противоправность действий, представляющих опасность для жизни; осознает только опасность действий для жизни; полностью не осознает как противоправный характер действий, так и их опасность для жизни), при вовлечении несовершеннолетнего в совершение действий, которые объективно являются противоправными и представляют опасность для его жизни, имеет место посягательство на отношения, обеспечивающие благоприятные условия нравственного и физического развития несовершеннолетних, а следовательно, имеется основание уголовной ответственности по ст. 151.2 УК РФ.

Список литературы

1. Уголовное право России. Общая часть: курс лекций для вузов / под науч. ред. А.В. Шеслера. Тюмень, 2006. 394 с.
2. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. 560 с.
3. Боровиков В.Б. Преступления против семьи и несовершеннолетних: лекция. М., 2000. 33 с.
4. Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. СПб., 2002. 293 с.
5. Якубов А.С. Уголовно-правовые меры борьбы с вовлечением несовершеннолетних в пьянство и потребление наркотических средств. Ташкент, 1992. 121 с.
6. Савельева В.С. Уголовная ответственность за преступления против несовершеннолетних: учеб. пособие. М., 2012. 128 с.
7. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Р.Д. Шарапова. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. 583 с.
8. Гарманов В.М. Квалификация вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления: учеб.-практ. пособие. Тюмень, 2008. 98 с.
9. Шарапов Р.Д. Преступное насилие. М., 2009. 496 с.
10. Хабаров А.В. Уголовное право Российской Федерации. Особая часть: учеб. пособие и курс лекций для студентов дистанционной формы обучения. Тюмень, 2005. Ч. 1. 255 с.

References

1. Uголовное право Rossii. Obshchaya chast' [Criminal law of Russia. a common part]. Tyumen, 2006. 394 p.
2. Naumov A.V. Rossiyskoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast' [Russian criminal law. A common part]. Moscow, 1996. 560 p.
3. Borovikov V.B. Prestupleniya protiv sem'i i nesovershennoletnih [Crimes against family and under age]. Moscow, 2000. 33 p.
4. Pudovochkin Yu.E. Otvetstvennost' za prestupleniya protiv nesovershennoletnih po rossiyskomu ugovnomu pravu [Responsibility for crimes against minors under Russian criminal law]. St. Petersburg, 2002. 293 p.
5. Yakubov A.S. Uголовно-pravovye mery bor'by s вовлечением несовершеннолетних в пьянство и потребление наркотических средств [Criminal law measures to combat the involvement of minors in drunkenness and the use of narcotic drugs]. Tashkent, 1992. 121 p.

6. Savel'eva V.S. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya protiv nesovershennoletnih [Criminal liability for crimes against minors]. Moscow, 2012. 128 p.
7. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast' [Criminal law of Russia. A common part]. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2013. 583 p.
8. Garmanov V.M. Kvalifikatsiya vovlecheniya nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya [Qualification of the involvement of a minor in the commission of a crime]. Tyumen, 2008. 98 p.
9. Sharapov R.D. Prestupnoe nasilie [Criminal violence]. Moscow, 2009. 496 p.
10. Habarov A.V. Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Osobennaya chast' [Criminal law of the Russian Federation. Part 1]. Tyumen, 2005. 255 p.

ХОЛОДНЯК И.В., KHOLODNYAK I.V.,
irina.neporyadkina@mail.ru, irina.neporyadkina@mail.ru
Адъюнктура; Post graduate courses;
Ростовский юридический институт Rostov Law Institute of the
Министерства внутренних дел Ministry of the Interior
Российской Федерации; of the Russian Federation,
344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83 Eremenko St. 83, Rostov-on-Don, 344015,
Russian Federation

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРАЖИ ПРИРОДНОГО ГАЗА ИЗ ГАЗОПРОВОДА

Аннотация. Изучение проблем расследования незаконного отбора природного газа относится к актуальным задачам современной криминалистической науки, в том числе в части разработки криминалистической характеристики таких деяний. В статье раскрывается значение криминалистической характеристики в частной методике расследования преступного деяния, ее влияние на оперативность раскрытия краж природного газа из газопровода. Целью статьи является разработка на основе анализа криминалистической характеристики рекомендаций по совершенствованию типовой методики расследования незаконного отбора природного газа из газопровода. Проведенное исследование основано на анализе научной литературы и правоприменительной практики. Криминалистическую характеристику рассматриваемого преступления составляют: предмет преступного посягательства, подготовка к совершению преступления, способ совершения преступного деяния, механизм следообразования, обстановка совершения преступления и личность преступника. Нестандартность предмета преступного посягательства обуславливает не менее специфичные способ и обстановку совершения преступления. В большинстве случаев несанкционированная врезка в газопровод осуществляется собственниками незаконно газифицированного жилья подручными средствами. Автор статьи приходит к выводу, что криминалистическая характеристика кражи рассматриваемого вида помогает следствию сформулировать организационно-тактические особенности расследования несанкционированной врезки в газопровод.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступления; природный газ; газопровод, преступление; несанкционированная врезка.

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE THEFT OF NATURAL GAS FROM A GAS PIPELINE

Annotation. The study of the problems concerning the investigation of the natural gas thefts is one of the urgent problems of modern forensic science, including the development of criminalistic characteristics of such acts. The article reveals the importance of criminalistic characteristics in the private methods of investigating the criminal act, its influence on the efficiency of solving the thefts of natural gas from a gas pipeline. The purpose of the article is to develop the recommendations for improving the standard methods of investigation of stealing natural gas from a gas pipeline, basing on the analysis of criminalistic characteristics. The methodology of the conducted research is based on the analysis of scientific literature and law enforcement practice. The criminalistic characteristics of the analyzed crime consists of: the object of criminal encroachment, the preparation for the commission of a crime, the method of committing a criminal act, specific types of trace materials, the circumstances of the crime and the identity of the offender. Non-standard nature of the object of criminal encroachment determines no less specific ways and circumstances of crime commission. In most cases, unauthorized tapping into gas pipeline is carried out by the owners of illegally gasified housing by improvised means. The author of the article comes to the conclusion that the criminalistic characteristics of natural gas theft helps the investigation bodies to formulate the organizational and tactical peculiarities of the investigation of unauthorized tapping into gas pipeline.

Keywords: criminalistic characteristics of crime; natural gas; gas pipeline; crime; unauthorized tapping into gas pipeline to steal gas.

Современная российская экономика является уязвимой для преступных посягательств. Весомую долю при учете преступности в указанной сфере занимают преступления против собственности, характеризующиеся посягательством на чужое имущество и наличием корыстной мотивации. Одним из видов хищений является хищение гражданами природного газа из газопровода. Рациональное использование запасов газа имеет для Российской Федерации стратегическое значение. В связи с этим вопросы борьбы с хищениями газа из газопровода остаются актуальными.

Успешное расследование уголовного дела, в том числе возбужденного по факту кражи природного газа из газопровода, в немалой степени зависит от владения сотрудниками органов предварительного следствия криминалистической характеристикой данного преступления.

Профессор П.И. Люблинский еще в 1927 году одним из первых охарактеризовал преступное деяние сквозь призму криминалистической характеристики преступления, рассматривая композицию древнеримской формулы: «кто – что – где – с чьей помощью – почему – каким образом – когда» [цит. по: 1, с. 32].

Применительно к методикам расследования дефиницию «криминалистическая характеристика преступления» раскрывает А.Н. Колесниченко, связывая «общую криминалистическую характеристику преступления» с частной методикой расследования преступного деяния [2, с. 10].

Р.С. Белкин, проанализировав и обобщив имеющиеся позиции ученых-криминалистов, пришел к выводу о том, что криминалистическую характеристику отдельного вида преступления образуют: способ совершения и сокрытия преступления, личность преступника, мотивы и цели преступления, некоторые обстоятельства совершения преступления (место, время, обстановка) [3, с. 192]. Криминалистическая характеристика кражи природного газа из газопровода, как и иных видов хищений, предусматривает следующие составляющие: предмет преступного посягательства; способ совершения преступления, включающий в себя подготовку, совершение и сокрытие преступного деяния; обстановку преступления; субъект преступления.

Предметом преступного посягательства при совершении хищения рассматриваемого вида является природный газ. Однако предметом преступления в указанном составе нередко называют углеводородное сырье. Такое истолкование представляется нецелесообразным, поскольку оно размывает границы сущности данного понятия. Предмет хищения не только имеет свои особенности, он уникален. При оценке следственной ситуации необходимо учитывать физико-химические свойства газа.

Исключительность предмета преступного посягательства по рассматриваемому составу преступления отчасти раскрывается в том, что природный газ на момент совершения кражи не обособлен, осуществляется его непрерывная транспортировка по газовой трубе. В свою очередь, газопровод является опасным производственным объектом, по которому транспортируется воспламеняющееся и горючее вещество. Если при несанкционированной врезке целостность распределительного газопровода будет разрушена, поступление газа прекратится и газопровод перестанет использоваться по прямому и функциональному назначению, то в такой ситуации правомерно квалифицировать действия преступного лица по совокупности п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 215.3 УК РФ.

Газопроводы имеют различные рабочие характеристики. Например, имеется типология газопроводов в зависимости от действующего в них давления. Так, в газопроводах может действовать высокое давление первой и второй категории, а также среднее и низкое. Все эксплуатационные свойства газопроводов обязательно должны быть обозначены в материалах уголовного дела, состав которого квалифицируется по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Нестандартность предмета преступного посягательства обуславливают не менее специфичные способы совершения краж рассматриваемого вида. Успех в расследовании уголовного дела предопределяет информация о подготовке преступника к умышленному деянию, непосредственно совершение преступления и сокрытие следов.

По мнению В.Г. Танасевича и В.А. Образцова, «именно через способ совершения в первую очередь отражается преступ-

ный акт в окружающей среде» [4, с. 23]. С точки зрения криминалистики способ совершения преступления понимается как взаимосвязанная система действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления.

Рассматривая несанкционированную врезку не в магистральный, а в распределительный газопровод, расположенный в зоне населенных пунктов, можно заключить, что этап подготовки к совершению такого вида преступления имеет поверхностный характер. Это явление объясняется тем, что для совершения хищения природного газа не требуется обладание специальными познаниями. Кроме того, момент совершения преступления рассматриваемой категории заранее не планируется. Он наступает, как правило, накануне отопительного сезона по причине сложной жизненной, финансовой ситуации.

Например, осужденный В., домовладение которого работниками Батайского участка ООО «Газпром межрегионгаз Ростов-на-Дону» за систематическую неплату было отключено от подачи газа, не имел материальной возможности оплачивать отопление домовладения, в котором проживали он сам и его малолетние дети. В светлое время суток, убедившись, что за его действиями никто не наблюдает, В. ручной дрелью просверлил отверстие в надземном распределительном газопроводе низкого давления, находящемся рядом с его домовладением, подвел с помощью штуцера к просверленному отверстию в газопроводе резиновый кислородный шланг. После этого, продолжая реализовывать свой преступный умысел, направленный на тайное хищение природного газа, предвидя наступление последствий в виде причинения ущерба, В. протянул указанный шланг к газовой плите, расположенной внутри его домовладения. После этого природный газ стал незаконно поступать к газовой плите В.*

Приведенный и ряд других примеров показывают, что чаще всего лицо совершает несанкционированную врезку подручными средствами, имеющимися в

каждом подсобном хозяйстве. Орудиями преступления служат сварочные аппараты, сверла и ручные дрели, фланцы, патрубки, резиновые шланги.

Нарушение целостности газопровода тщательно маскируется. В месте незаконной врезки преступник специально складывает железо, старые вещи, элементы мебели, габаритный мусор, делает земляную насыпь, строит временные кладовые, высаживает растения. Иными словами, он осуществляет действия по сокрытию преступления. Их отсутствие или выполнение ненадлежащим образом может способствовать обнаружению преступного деяния еще до совершения самой кражи. В связи с этим к сокрытию следов преступного деяния можно отнести и коррупционную сторону – подкуп представителей газовых организаций и сотрудников правоохранительных органов. Таким образом правонарушители пытаются избежать уголовной ответственности.

К сокрытию следов преступления по делам рассматриваемой категории также можно отнести неявку подозреваемого (обвиняемого) лица по вызову оперативно-следственных органов, дачу подозреваемым (обвиняемым) лицом ложных показаний при проведении допроса и отказ от дачи показаний, симуляцию болезни, смену места жительства.

Еще одной значимой составляющей криминалистической характеристики изучаемых краж является обстановка совершения преступления. В научной литературе обстановка преступления рассматривается как обязательная часть криминалистической характеристики преступлений. Между тем единая позиция относительно того, что именно входит в содержание рассматриваемого понятия, отсутствует. Место, время и иные обстоятельства совершения преступления чаще всего указываются при перечислении элементов обстановки преступления. Однако при более широком рассмотрении определения приходится учитывать административно-территориальное, географическое и экономическое положение районов (регионов), их социально-экономическую характеристику, охват территории в ходе реализации преступного замысла, национальный состав населения, его обычаи.

* Уголовное дело N 2015038068 // Архив Батайского городского суда Ростовской области. 2015 г.

Анализ научных трудов позволяет обобщить содержание обстановки совершения преступления, включающее в себя информацию о пространственно-временных, предметно-вещных, а также поведенческо-психологических обстоятельствах, типичных для преступлений рассматриваемой категории. Так, посредством пространственно-временной категории составляется описание места и времени совершения преступления.

Место совершения преступления ограничено территориальным компонентом. Наружный газопровод проходит через земельный участок собственника, на котором находится дом. Преступник действует в черте своего владения. Это дает нарушителю закона возможность неоднократно совершать хищение природного газа на протяжении длительного периода времени. Однако местонахождение газопровода в жилом секторе обуславливает проверки газовых служб и системы контроля утечек сырья, позволяющие отслеживать недобросовестных абонентов.

Тайное хищение газа из газопровода в условиях несанкционированной врезки чаще совершается в городах и крупных районных центрах, поселках городского типа, чем в сельской местности. Это объясняется тем, что в населенных пунктах с большей численностью жителей количество абонентов, потребляющих газ, выше. Соответственно, количество лиц, жилые помещения которых отключены от подачи газа, в таких населенных пунктах будет также выше. Существенную роль играет факт менее эффективного надзора со стороны газовых служб за плательщиками сельских поселений, в связи с чем несанкционированные врезки в распределительные газопроводы там выявляются реже.

Необходимо обозначить проблему «географии» преступления. Хищение природного газа значительно преобладает в республиках Северо-Кавказского федерального округа. По данным ООО «Газпром межрегионгаз», специализирующемся на реализации газа в пределах Российской Федерации, 97 % потерь газа приходится на регионы СКФО*. Тревожное «лидерство» занимает Республика Даге-

стан, в которой только за 2017 г. было выявлено 3000 таких фактов. Сумма ущерба составила 664 млн рублей. Несанкционированные врезки в газопровод здесь носят стихийный характер. Для подключения к газовым сетям с целью хищения природного газа местные жители распространено используют бытовые шланги (например, от стиральных машин). Физические лица совершают 92 % хищений природного газа. Из юридических лиц несанкционированной врезкой в распределительный газопровод занимаются предприятия строительной отрасли. Однако благодаря слаженной работе правоохранительных органов и предпринятым ООО «Газпром межрегионгаз» мерам в 2017 г. к уголовной и административной ответственности за хищение газа было привлечено 4163 гражданина, вынесено 119 приговоров, по которым 118 человек осуждены. Возмещен ущерб на общую сумму 751,74 млн рублей**.

Сведения о временных характеристиках хищений природного газа из газопровода показывают, что большинство из них происходит в отопительный сезон (холодный период года). Именно в этот период похищаемый газ подается к обогревательным газовым приборам внутри дома, поэтому преступления рассматриваемого вида можно охарактеризовать как «сезонные». Как правило, несанкционированные врезки совершаются в ночное время суток, когда вероятность появления очевидцев преступления минимальная.

Механизм слеодообразования, способствующий оперативному раскрытию любого преступления, проявляется в предметно-вещной характеристике обстановки несанкционированной врезки в газопровод.

Следы, образованные преступлением, дают возможность поэтапно воссоздать его картину, получить сведения о личности и навыках преступника, материально-техническом оснащении последнего в целом, использованных им орудиях и средствах. В частности, при производстве обысков у подозреваемых (обвиняемых) необходимо направить усилия на отыскание орудия преступления, участка поврежденного газопровода с уже имеющимися «заглушка-

* Федеральное агентство новостей: официальный сайт. URL: <https://riafan.ru>

** Взгляд. URL: <https://vz.ru>

ми», одежды совершившего преступление лица, на которой могут остаться запаховые следы предмета преступления.

Необходимо помнить, что механические следы-отображения и материальные следы, образованные химическим веществом, возникают в результате воздействия на поверхность газовой трубы при незаконном отборе газа.

Для осмотра места происшествия следователем в обязательном порядке должен быть привлечен не только эксперт-криминалист, но и квалифицированный специалист в области газификации, который определит тот или иной следообразующий объект, что, в свою очередь, даст возможность более полно анализировать и оценивать сложившуюся следственную ситуацию с целью дальнейшего ее разрешения. Грамотное обнаружение, фиксация и изъятие следов и объектов, несущих на себе криминалистически значимую информацию, служит залогом для выдвижения безошибочной версии по делу.

Кроме того, для формирования правильной доказательственной базы в рамках предварительного следствия специалист в обязательном порядке должен быть допрошен следователем. В протоколе допроса целесообразно отобразить сведения о способе хищения газа, о том, как осуществлялось подключение к газопроводу, проводился ли монтаж газового оборудования, выводились ли из строя приборы учета газа, является ли газовое оборудование самодельным, могло ли привести незаконное подключение газа к нарушению нормальной работы распределительного газопровода.

Следует отметить, что заключение специалиста не ограничивается умозрительной консультацией (оно может иметь форму аргументированного квалифицированного суждения) [5, с. 51]. Именно специалистом обозначаются технические характеристики газораспределительной трубы, целостность которой была нарушена, дается оценка изношенности трубы и ее повреждения, вносятся дополнительные разъяснения. Это способствует качественному исследованию обстоятельств в процессе расследования преступления.

К уголовному делу о хищении природного газа из газопровода необходимо

приобщить план газификации поселения (части города, поселка) с указанием адреса домовладения, в котором несанкционированно производился отбор газа, план газификации этого дома, паспорт газораспределительной трубы, в которую была осуществлена незаконная врезка, акты о подключении и об отключении абонента к подаче газа. Сведения в указанных документах имеют значение для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Поведенческо-психологические обстоятельства, характеризующие обстановку совершения преступления, находятся в прямой зависимости от личности преступника и его свойств. В большинстве случаев несанкционированное хищение газа из газопроводов совершается собственниками газифицированного домовладения или лицами, проживающими в нем по договору аренды. В соответствии с Федеральным законом от 31 марта 1999 г. N 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации»* собственником газа является поставщик (газоснабжающая организация), осуществляющий поставку газа потребителям по договору. В случае хищения газа ущерб будет нанесен газоснабжающей организации.

Лицо, осуществляющее врезку в газопровод, совершает преступное деяние, как правило, после отключения работниками газовых организаций его домовладения от газоснабжения в связи с неоплатой потребленного газа, а также из-за грубых нарушений договорных обязательств потребителем (например, самовольная установка не соответствующего техническим требованиям газового оборудования, подключение дополнительных не предусмотренных договором объектов – гаражей, построек и т.д.).

Обстоятельства, влияющие на решение человека преступить закон, разнообразны. Однако практика показывает, что личность преступника, умыслом которого является хищение природного газа, характеризуется невысоким уровнем до-

* О газоснабжении в Российской Федерации: федер. закон от 31 марта 1999 г. N 69-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. N 14. Ст. 1667.

хода, отсутствием постоянного заработка или вообще его источника. Подавляющее большинство анализируемых преступных деяний совершается мужчинами средних лет. Это, как правило, граждане, состоящие в браке, воспитывающие детей, внуков. Образовательный уровень лица, совершившего хищение газа, в большинстве случаев ограничивается наличием среднего образования. Значительно обогатит криминалистическую характеристику личности преступника информация о привлечении к административной или уголовной ответственности.

Учитывая вышесказанное, можно составить следующий типичный портрет субъекта рассматриваемого вида преступления: организаторами и исполнителями краж газа из газопроводов чаще всего являются мужчины в возрасте от 35 до 65 лет, безработные, имеющие среднее образование, состоящие в браке (на попечении которых находятся дети, внуки). Обычно они не обладают большим преступным опытом, действуют «кустарным способом», ранее привлекались к административной ответственности за мелкое хищение. В большинстве случаев кража газа из газопровода осуществляется собственниками незаконно газифицированного жилья.

Рассмотренные элементы криминалистической характеристики кражи газа из газопровода в условиях несанкциони-

рованной врезки являются основой для построения методики расследования уголовных дел рассматриваемой категории, что позволяет следственным органам получить информацию для правильной организации предварительного следствия. Своевременная консультация следователя со специалистами в области газификации позволит определить тактику производства отдельных следственных действий.

Таким образом, знание и использование в деятельности криминалистической характеристики кражи газа из газопровода помогает сотрудникам правоохранительных органов:

- 1) в осуществлении квалифицированного оперативного анализа и оценки сложившейся следственной ситуации;
- 2) определении версий о профессиональных навыках и материально-техническом обеспечении преступника;
- 3) установлении аналогии с однотипными хищениями газа и факта их совершения одним и тем же лицом;
- 4) построении предположения о личности возможного преступника, о его мотивах и целях совершенного криминального деяния.

Это создает возможность целенаправленного проведения неотложных следственных действий и сбора максимального количества доказательств, необходимых для привлечения виновных к ответственности.

Список литературы

1. Крылов И.Ф. Криминалистическая характеристика и ее место в системе науки криминалистики и в вузовской программе // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984. С. 31-34.
2. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. 27 с.
3. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1979. 480 с.
4. Танасевич В.Г., Образцов В.А. Методика расследования и криминалистическая классификация преступлений // Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений. Свердловск, 1978. 104 с.
5. Айвазова О.В. Заключение специалиста как специфическая разновидность реализации специальных знаний при расследовании по уголовным делам: некоторые дискуссионные вопросы // Юрист-Правоведь. 2017. N 4 (83). С. 50-54.

References

1. Krylov I.F. Kriminalisticheskaya harakteristika i ee mesto v sisteme nauki kriminalistiki i v vuzovskoy programme [Criminological characteristics and its place in the system of science of criminology and in the University program]. Kriminalisticheskaya harakteristika prestupleniy [Criminalistic characteristics of crimes]. Moscow, 1984. Pp. 31-34.

2. Kolesnichenko A.N. Nauchnye i pravovye osnovy rassledovaniya otchel'nyh vidov prestupleniy. Avtoref. Dokt. Diss. [Scientific and legal basis for the investigation of certain types of crimes. Autoabstract Doct. Diss.]. Kharkov, 1967. 27 p.

3. Belkin R.S. Kurs sovetskoy kriminalistiki. V 3 t. T. 3: Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendatsii [Course of Soviet criminology. Volume 3: Forensic tools, techniques and recommendations]. Moscow, 1979. 480 p.

4. Tanasevich V.G., Obraztsov V.A Metodika rassledovaniya i kriminalisticheskaya klassifikatsiya prestupleniy [Methods of investigation and criminalistic classification of crimes]. Kriminalisticheskie harakteristiki v metodike rassledovaniya prestupleniy [Criminalistic characteristics in methods of investigation of crimes]. Sverdlovsk, 1978. 104 p.

5. Ayvazova O.V. Zaklyuchenie spetsialista kak spetsificheskaya raznovidnost' realizatsii spetsial'nyh znaniy pri rassledovanii po ugovolnym delam: nekotorye diskussionnye voprosy [Conclusion of the specialist as a specific kind of implementation of special knowledge in the investigation of criminal cases: some controversial issues]. Yurist-Pravoved" – Lawyer, 2017, no. 4 (83), pp. 50-54.

Раздел 10. Обзоры, рецензии, критика

МАЙОРОВ В.И., доктор юридических наук, профессор,
1955715@rambler.ru
Кафедра административной деятельности
органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

MAYOROV V.I.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
1955715@rambler.ru
Chair of administrative activity
of the internal affairs bodies;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen,
625049, Russian Federation

ЛЕТАЕВА Е.А., кандидат юридических наук,
letaeva_lena@mail.ru
Кафедра административной деятельности
органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

LETAEVA E.A.,
Candidate of Legal Sciences,
letaeva_lena@mail.ru
Chair of administrative activities
of the internal affairs bodies;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen,
625049, Russian Federation

**РЕЦЕНЗИЯ НА ДИССЕРТАЦИЮ М.Ю. ВОДЯНОЙ «АДМИНИСТРАТИВНАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГРАЖДАН ЗА ПОЯВЛЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННЫХ
МЕСТАХ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ»***

Аннотация. Рецензируемая работа содержит комплексный теоретико-прикладной анализ состава правонарушения, предусмотренного статьей 20.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, характеристику специфики компетенции полиции и Росгвардии по пресечению данных административных правонарушений, а также рекомендации по совершенствованию практики привлечения к административной ответственности за их совершение. Следует согласиться с доводом соискателя о том, что до настоящего времени реализация административной ответственности лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения в общественных местах, а также содержание указанных лиц до вытрезвления является неразрешенной проблемой. Анализ проблем в данной сфере проведен впервые, что подтверждает новизну диссертационного исследования, а также его актуальность и большую практическую значимость, сформулированные соискателем выводы и предложения позволяют определить имеющиеся в законодательстве пробелы и возможные варианты их устранения. В рецензии рассмотрены основные результаты работы соискателя, отмечены положительные стороны, а также спорные вопросы и положения, требующие дополнительной аргументации. При этом отмечается значимость проведенного исследования для административно-правовой науки и решения проблем, связанных с административной ответственностью граждан за появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения.

Ключевые слова: административное правонарушение; административная ответственность; общественное место; алкогольное опьянение; общественная безопасность; общественный порядок; нравственность; меры социальной направленности; административное задержание.

* Водяная М.Ю. Административная ответственность граждан за появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14: защищена 02.11.2018. Омск, 2018. 215 с.

REVIEW OF THE THESIS BY M.Yu. VODYANAYA "ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF CITIZENS FOR APPEARANCE IN PUBLIC PLACES WHILE INTOXICATED"

Annotation. The reviewed paper contains the comprehensive theoretical and applied analysis of the offence provided by article 20.21 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, the characteristics of the specific competence of the police and National Guard of Russia to suppress these administrative offences, as well as the recommendations for improving the practice of bringing the offenders to administrative responsibility for their commission. It is necessary to agree with the argument of the applicant that, so far, the implementation of administrative responsibility of persons being under the influence of alcohol in public places, as well as the maintenance of these persons until sobering up is an unsolved problem. The analysis of the problems in this field is carried out for the first time, which confirms the novelty of the research, as well as its relevance and great practical importance. The conclusions and proposals formulated by the applicant make it possible to identify the gaps in the legislation and suggest possible solutions. The main results of the applicant's work are examined in the review, the positive aspects, as well as the controversial issues and provisions requiring additional argument, are noted. The significance of the conducted research for the administrative and legal science and solving the problems related to the administrative responsibility of citizens for appearing in public places while intoxicated is underlined.

Keywords: administrative offence; administrative responsibility; public place; alcohol intoxication; public safety; public order; moral; social measures; administrative detention.

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – одна из приоритетных обязанностей государства, основное направление деятельности всех правоохранительных органов. Важнейшим элементом стабильного существования любого государства является общественный порядок. Правоохранительные органы прилагают значительные усилия для его поддержания на должном уровне. Государство несет ответственность как перед отдельным гражданином, так и перед обществом в целом в части укрепления правопорядка, противодействия противоправным деяниям, среди которых одно из центральных мест по своей массовости занимают правонарушения, связанные с появлением в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения.

К традиционным полицейским обязанностям относится обеспечение общественного порядка, среди нарушений которого особое место по своему негативному влиянию, массовости и опасности занимают правонарушения, совершенные в состоянии опьянения. При этом в условиях современного законодательства и реформирования органов внутренних дел возникает множество вопросов как правового, так и организационного характера. Однако эффективность и законность административной деятельности полиции, реализации государственно-властных полномочий

по применению мер административного принуждения зависят от четкой нормативной регламентации оснований, порядка и процедуры их реализации.

Таким образом, выбранная М.Ю. Водяной тема диссертационной работы «Административная ответственность граждан за появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения» отражает современные тенденции изучения данного вопроса, обладает актуальностью и высокой практической значимостью.

Анализируя содержание работы, необходимо отметить, что успешному решению поставленных в ней научно-исследовательских задач во многом способствовала логично выстроенная структура диссертации, включающая введение, две главы, объединяющие шесть параграфов, заключение, список использованных источников, приложение.

Объект и предмет исследования верно определены и соответствуют теме работы. В качестве объекта своего исследования диссертант избрал общественные отношения в сфере применения административной ответственности за правонарушения, связанные с появлением в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения, а также мер административно-правового принуждения в указанной сфере. В качестве предмета исследования были определены: нормы российского за-

конодательства, устанавливающие административную ответственность за правонарушения, связанные с появлением в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения; нормы, определяющие компетенцию органов внутренних дел в рассматриваемой сфере; материалы судебной практики и правоприменительной деятельности сотрудников полиции. Обосновывая актуальность и практическую значимость темы диссертационного исследования, диссертант определил в качестве цели научной работы комплексную оценку проблем административной ответственности за появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения и разработку научно обоснованных рекомендаций и предложений, направленных на совершенствование правоприменительной деятельности органов внутренних дел (полиции) в ходе реализации административной ответственности за появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения. Для достижения цели соискателем сформулированы задачи, результатом решения которых являются выносимые на защиту положения и практические рекомендации по совершенствованию правового регулирования деятельности уполномоченных субъектов по применению административной ответственности, что, несомненно, характеризует представленное исследование как имеющее существенное значение для административно-правовой науки.

В основу диссертации положен диалектический метод познания социально-правовых явлений и процессов. Использовалась также герменевтическая методология, с помощью которой автору удалось грамотно интерпретировать нормы права, регулирующие ответственность за появление в состоянии опьянения.

Достоверность полученных результатов, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, подтверждают умелое использование соискателем статистических данных и грамотная интерпретация результатов проведенного анкетного опроса сотрудников полиции, уполномоченных составлять протоколы и рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.21 КоАП РФ, материалов судебной практики

судов общей юрисдикции Российской Федерации, а также результатов изучения целого массива дел об административных правонарушениях, связанных с появлением граждан в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения, рассмотренных в Омской, Тюменской и Курганской областях за период с 2013 по 2016 г. Достаточно полно представлена теоретическая и нормативная база научного труда.

Диссертанту в ходе исследования удалось выявить основные проблемы в механизме реализации административной ответственности лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения в общественных местах, а также содержания указанных лиц до вытрезвления, которые до настоящего времени не были предметом самостоятельного научного исследования, что подтверждает его новизну. Осуществляя комплексный анализ применения административной ответственности в отношении лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения в общественных местах, автор предлагает новый подход к решению проблем конструирования и применения норм административной ответственности за появление в состоянии опьянения.

В диссертации проанализированы основные квалифицирующие признаки состава указанного правонарушения, выявлены их особенности, а также специфика компетенции полиции и Росгвардии в деятельности по пресечению административных правонарушений, связанных с появлением в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения.

Весьма интересными представляются выработанные рекомендации по совершенствованию практики привлечения к административной ответственности за совершение правонарушений, предусмотренных ст. 20.21 КоАП РФ. В частности, предложено создание вытрезвителей – специализированных учреждений для помещения на вытрезвление лиц, находящихся в состоянии опьянения, осуществляющих свою деятельность в целях защиты жизни и здоровья данных граждан, а также поддержания состояния защищенности общества от прямых и косвенных угроз, связанных с появлением граждан в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения.

Несомненным преимуществом исследования является то, что в нем не только представлены результаты выявления пробелов законодательства, а также проблем, возникающих в деятельности органов внутренних дел в ходе производства по данным делам об административных правонарушениях, но и предложены пути их решения.

Заслуживает внимания разработанный диссертантом понятийный аппарат, в том числе посредством формулирования определений понятий «административное правонарушение, связанное с появлением в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения», «общественная нравственность», «общественная безопасность», «недобровольные меры защиты социальной направленности» и других, которые эффективно используются автором при подготовке предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Кроме того, научные предложения, выводы и рекомендации для законодателя в виде проекта Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и иные законодательные акты Российской Федерации», направленного на корректировку диспозиции ст. 20.21 КоАП РФ, носят авторский характер и базируются на объемном научном, нормативном и практическом материале, который подвергнут критическому осмыслению. Автор поэтапно достигает цели своей работы, поскольку в завершение каждого параграфа формулируются выводы, полученные в ходе исследования, представляющие научную новизну.

Первая глава диссертации посвящена исследованию вопросов развития административной ответственности за появление в состоянии опьянения, анализу особенностей состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.21 КоАП РФ, изучению системы административных наказаний за названные правонарушения. Исследование научных трудов и законодательства позволило соискателю сформулировать авторское определение понятия общественной безопасности, под которой предлагается понимать обеспе-

чиваемое государством состояние защищенности жизни, здоровья, благополучия граждан и духовно-нравственных ценностей общества от внешних и внутренних угроз, преступных посягательств, нарушений общественного порядка и иных неправомерных действий.

На наш взгляд, совершенно справедливо суждение диссертанта о том, что эффективность наказания зависит от правильности выбора той или иной меры воздействия на нарушителя. При этом необходимо учитывать множество факторов: социально-экономическое положение лица, его культурный и правовой уровень, семейное положение и др. Для достижения основной цели административных наказаний, а именно предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами, предлагается внести изменения в санкцию ст. 20.21 КоАП РФ, дополнив ее таким видом наказаний, как обязательные работы. Кроме того, следует согласиться с автором в части необходимости установления особых требований к поведению лиц, привлекаемых к административной ответственности. К таким требованиям диссертант относит запрет на нахождение в общественных местах в состоянии опьянения и запрет на посещение организаций, осуществляющих розничную продажу алкогольной продукции при оказании услуг общественного питания.

Во второй главе автором уделено внимание исследованию проблем реализации административной ответственности за появление в состоянии алкогольного опьянения. Диссертант отмечает, что в действующем административном законодательстве недостаточно четко определены основания и процедура применения отдельных мер административного принуждения, что негативно отражается на результатах деятельности российской полиции по пресечению правонарушений, связанных с появлением в общественных местах в состоянии опьянения.

Достаточно интересной представляется позиция автора по распределению мер административного принуждения в три группы: в первую группу мер административного пресечения диссертант включает доставление и административ-

ное задержание; во вторую — меры, направленные на обеспечение производства по делам об административных правонарушениях, такие как медицинское освидетельствование на состояние опьянения и освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, и в третью — добровольные меры защиты социальной направленности, к которым соискатель относит помещение на вытрезвление и принудительное лечение от алкоголизма. При этом определяет, что третья группа мер административного принуждения нацелена, во-первых, на ограждение общества от общественно опасного поведения лиц, находящихся в состоянии опьянения, во-вторых, на защиту здоровья самого гражданина и, в-третьих, на принятие мер социальной реабилитации.

Кроме того, диссертант обосновывает необходимость воссоздания вытрезвителей, определяя при этом четкие границы взаимодействия органов внутренних дел с такими учреждениями в условиях современного законодательства и реформы органов внутренних дел.

Таким образом, диссертационная работа является комплексным самостоятельным исследованием, основные научные положения, выводы, предложения и рекомендации которого достаточно логичны и аргументированны. Их можно считать значимыми для правоприменительной практики и имеющими научную новизну.

Однако, несмотря на общую положительную оценку диссертационного исследования, в нем, как и в любой творческой работе, присутствуют дискуссионные положения, требующие дополнительной аргументации.

Во-первых, во втором параграфе первой главы автор делает вывод о том, что объектом административного правонарушения, предусмотренного статьей 20.21 КоАП РФ, следует считать общественную безопасность. Вряд ли можно согласиться с данным мнением диссертанта. Как отмечает автор, в большинстве случаев правонарушитель причиняет вред самому себе, а если рассматривать это в качестве стратегического национального приоритета согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от

31 декабря 2015 г. N 683*, в части распространения алкоголизма (с. 67-68), то более верно, на наш взгляд, отнести данные правонарушения к деяниям, посягающим на здоровье населения и общественную нравственность, и, соответственно разместить данную статью в шестой главе КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность».

Во-вторых, спорным является предложение соискателя об обязательности составления протокола о доставлении (с. 140). В части третьей статьи 27.2 КоАП РФ должностным лицам, осуществляющим доставку, предоставлена определенная степень процессуальной свободы: они могут либо составить протокол о доставлении, либо зафиксировать факт доставления в протоколе об административном правонарушении (что на практике чаще всего и делается); факт доставления может быть отражен и в протоколе об административном задержании. На наш взгляд, обязательность составления протокола доставления, вместо упрощения процедуры рассматриваемой меры обеспечения и непосредственно самого производства по делам об административных правонарушениях, наоборот, вызовет увеличение количества процессуальных документов. В то же время следует допустить возможность введения обязательности составления протокола о доставлении в конкретных случаях, например, при доставлении лица, находящегося в состоянии опьянения.

В-третьих, в рамках второго параграфа второй главы диссертант предлагает наделить полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях, подведомственных органам внутренних дел, должностных лиц, соответствующих квалификационным требованиям, предъявляемым к должностям, выполнение обязанностей по которым предусматривает расследование уголовных дел, а именно дознавателей и оператив-

* О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 дек. 2015 г. N 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 1 (ч. II). Ст. 212.

ных уполномоченных, входящих в состав дежурной смены (с. 148). На наш взгляд, уточнение о вхождении в состав дежурной смены является избыточным и повлечет за собой определенные трудности в ситуациях обжалования принятых постановлений, поскольку кассационной или надзорной инстанции необходимо будет запрашивать соответствующие документы, подтверждающие вхождение сотрудника в такой состав субъектов, и, соответственно, легитимность принятого решения.

Необходимо обратить внимание на то, что выявленные недостатки и изложенные замечания не снижают научной и практической значимости работы, во многом носят дискуссионный характер и

не могут влиять на положительную оценку подготовленного диссертационного исследования. Содержание работы, ее высокий научный уровень позволяют заключить, что диссертационное исследование Водяной Марии Юрьевны «Административная ответственность граждан за появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения» будет способствовать развитию административно-правовой науки и решению проблем, связанных с реализацией государственно-властных полномочий по применению мер административного принуждения и привлечению граждан к административной ответственности за появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения.

СУМАЧЕВ А.В., доктор юридических наук, профессор, alekssumachev@mail.ru Кафедра административной деятельности органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	SUMACHEV A.V., Doctor of Legal Sciences, professor, alekssumachev@mail.ru Chair of administrative activity of the internal affairs bodies; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation

ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ Т.Р. САБИТОВА «УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ: ПОНЯТИЕ, СИСТЕМА И ВИДЫ»*

Аннотация. Современная теория уголовно-правовых принципов представляет собой лишь совокупность разрозненных идей, а при внесении многочисленных изменений в уголовное законодательство данные принципы не всегда учитываются. В связи с этим актуальность темы диссертационного исследования сомнений не вызывает. В отзыве на диссертацию отмечается научная новизна работы и авторский подход к определению места уголовно-правовых принципов в правовой системе; конкретизации сущности уголовно-правового принципа; установлению признаков и функций такого рода принципов; разработке соответствующих предложений по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения. Уделено внимание идее построения системы уголовно-правовых принципов в соответствии с компонентами правовой системы – статическим и динамическим. В порядке дискуссии высказывается замечание относительно непризнания диссертантом в качестве принципа уголовного права диспозитивности, а также вывода соискателя о необходимости распространить содержание части 1 статьи 6 Уголовного кодекса Российской Федерации «Принцип справедливости» «на все меры уголовно-правового воздействия, применяемые к лицу, совершившему преступление». В то же время констатируется, что высказанные замечания не влияют на общую положительную оценку диссертационной работы.

Ключевые слова: правовая система; принципы уголовного права; уголовно-правовые принципы; сущность уголовно-правового принципа; функции принципов; совершенствование уголовного законодательства.

REVIEW OF THE THESIS BY T.R. SABITOV "CRIMINAL LAW PRINCIPLES: CONCEPT, SYSTEM AND TYPES"

Annotation. The modern theory of criminal law principles is only a set of disparate ideas, and when making numerous changes to the criminal legislation, these principles are not always taken into account. In this regard, the relevance of the theme of the research is beyond doubt. The reviewer notes the scientific novelty of the research and the author's approach to determining the place of criminal law principles in the legal system; concretization of the essence of the criminal law principle; establishing the characteristics and functions of such principles; working out the appropriate proposals for improving the criminal legislation and the practice of its application. The reviewer also pays attention to the idea of creating the system of criminal law principles in accordance with the components of the legal system – static and dynamic. As a matter of discussion, the comments regarding the non-recognition of the dispositivity as a principle of criminal law by the author of the dissertation, as well as the conclusion of the applicant about the need to extend the content of part 1 of article 6 of the Criminal Code of the Russian Federation "The principle of justice" "to all criminal law measures applied to the person who committed the crime", are made. At the same time, it is stated that the comments made do not affect the overall positive assessment of the thesis.

Keywords: legal system; principles of criminal law; criminal law principles; essence of criminal law principle; functions of principles; improvement of criminal legislation.

* Сабитов Т.Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08: защищена 19.04.19. Екатеринбург, 2019. 421 с.

Диссертация Сабитова Тимура Рашидовича посвящена исследованию сущности уголовно-правовых принципов и разработке целостной концепции их системы и видов.

Значимость правовых принципов сложно недооценить: они определяют правовую политику государства, законодательную и правоприменительную деятельность. Когда же речь идет об уголовно-правовых принципах, то актуализация разработки их системы кратно увеличивается, поскольку уголовно-правовая сфера непосредственно связана с обеспечением безопасности человека и общества в целом.

Следует заметить, что, на первый взгляд, учение о принципах уголовного права ввиду большого количества научных работ по данной проблематике кажется достаточно разработанным. Однако, как справедливо отмечает соискатель, современная теория уголовно-правовых принципов представляет собой лишь совокупность разрозненных идей (с. 5 диссертации). Кроме того, многочисленные изменения уголовного законодательства Российской Федерации в последние два десятилетия порой осуществлялись без учета уголовно-правовых принципов, о чем также указывает диссертант.

В связи с этим разработка целостной концепции уголовно-правовых принципов, их системы и видов представляется задачей весьма своевременной и актуальной.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в разработке статико-динамической концепции системы уголовно-правовых принципов. Также в работе ярко выражен авторский подход:

- к определению места уголовно-правовых принципов в правовой системе;
- конкретизации сущности уголовно-правового принципа;
- установлению признаков и функций такого рода принципов;
- разработке соответствующих предложений по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения.

Исключительно новой в диссертации является авторская идея построения системы уголовно-правовых принципов не в зависимости от структурных элементов системы права, а в соответствии с компо-

нентами правовой системы – статическим и динамическим.

Наиболее значимыми теоретическими положениями, разработанными соискателем и характеризующими научную новизну диссертации, следует признать:

1) предложение о необходимости различать уголовно-правовые принципы и принципы уголовного права, где первые относятся к сфере уголовно-правового регулирования вообще, а вторые – охватывают позитивное право (отражаются в законодательстве) (с. 12, 142, 149-156);

2) разработку системы динамических уголовно-правовых принципов, в рамках которой Т.Р. Сабитов выделяет пять групп, а именно: принципы уголовного-правового нормотворчества; принципы криминализации и декриминализации (пенализации и депенализации); принципы квалификации уголовно-правовых деяний; принципы назначения наказания; принципы уголовно-правового поощрения (с. 13, 155);

3) определение условий (критериев) для выделения динамических уголовно-правовых принципов. Они: а) характерны для одного из направлений уголовно-правовой политики; б) обладают существенной спецификой по отношению к статическим принципам, которую им придает соответствующее направление уголовно-правовой политики; в) благодаря признаку системности их правомерно выделять только тогда, когда они реализуют конкретный статический принцип или несколько таких принципов (с. 13).

Кроме того, в рецензируемой диссертации имеются и другие научные достижения, положения и рекомендации, представляющие интерес для теории уголовного права и правоприменительной практики. В частности, в рамках проведенного исследования:

– обоснована необходимость изложения ч. 2 ст. 3 УК РФ в следующей редакции: «Ответственность за деяние, уголовная наказуемость которого прямо не предусмотрена настоящим Кодексом, не допускается» (с. 14, 208);

– в статье 4 УК РФ вместо принципа «равенства граждан перед законом» предложено закрепить принцип «личной ответственности» (с. 14, 252, 258-259);

– высказана и обоснована идея о необходимости заменить формулировку закрепленного в ст. 5 УК РФ принципа вины на принцип «виновной ответственности», отразив в его содержании не только отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию и (или) наступившим общественно опасным последствиям, но и осознание всех других относящихся к составу преступления объективных обстоятельств содеянного (с. 14, 221);

– сформулированы действительно юридически значимые предложения, связанные с установлением круга динамических уголовно-правовых принципов, а также определено содержание таковых (с. 15-16, 286, 296, 305, 341, 358).

Разработанные Т.Р. Сабитовым и выносимые на публичную защиту положения, выводы и рекомендации аргументированы, подкреплены данными авторских конкретно-социологических исследований, экспертными оценками научных работников и правоприменителей. В связи с этим сформулированные научные положения, выводы и рекомендации представляются достоверными, обоснованными и заслуживающими доверия.

Теоретико-прикладное значение данного исследования заключается в том, что оно демонстрирует новый подход к изучению вопросов уголовно-правовых принципов, основанный, как отмечалось, на статико-динамической концепции системы уголовно-правовых принципов.

Структура диссертации логична, обусловлена целями и задачами исследования и включает в себя введение, четыре главы, объединенные в два раздела, заключение, список использованной литературы и приложения.

Текстом диссертации подтверждается, что методологическую основу исследования составляют принципы, способы и правила познания, выработанные в философии, социологии, отдельных отраслях права. В качестве основного метода диссертантом применялся диалектический метод познания. Исследование проводилось посредством исторического, лингвистического, системно-структурного, формально-логического, сравнительно-правового, гносеологического и других методов познания социально-правовых явлений.

Заслуживает внимания эмпирическая основа исследования: собственные конкретно-социологические исследования (результаты анкетирования 184 научных работников и правоприменителей) и данные других специалистов; статистические данные ООН; материалы Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, президиумов краевых (областных) судов, а также районных судов (свыше 450 приговоров, вынесенных с 1994 по 2018 г.); интернет-ресурсы. Кроме того, значимым показателем достоверности выводов является то, что Т.Р. Сабитов проанализировал уголовное законодательство 20 (!) зарубежных стран.

Материалы диссертационного исследования убедительно свидетельствуют о том, что апробация и внедрение результатов являются достаточными и соответствуют предъявляемым требованиям. Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в публикациях автора, в том числе в двух монографиях, двух комментариях к Уголовному кодексу Российской Федерации, девяти учебниках и учебных пособиях, 63 научных статьях, 20 из которых опубликованы в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России.

Автореферат соискателя в полной мере отражает основные научные положения, содержащиеся в диссертации.

Вместе с тем в данной работе имеют место спорные и недостаточно аргументируемые, на наш взгляд, суждения.

1. Так, не вполне понятно, почему Т.Р. Сабитов не признает в качестве принципа уголовного права диспозитивность (с. 22, 40). Диспозитивность как принцип правового регулирования определяет правовую способность частного лица самостоятельно решать вопросы о пользовании теми или иными правомочиями в конкретной сфере правового регулирования. Более того, с общетеоретических и общеметодологических позиций «диспозитивность» можно рассматривать (и рассматривают) как «особую модель построения правовой материи», что вполне соотносится с идеей соискателя о таких динамических уголовно-правовых принципах, как принцип уголовно-правового нормот-

ворчества и принципы криминализации и пенализации. В частности, в процессе уголовно-правового нормотворчества законодатель, реализуя принцип криминализации и пенализации, основывается на идее уголовно-политической адекватности – идее целесообразности применения мер уголовно-правового воздействия (с. 15). Например, отдельные случаи причинения вреда с согласия человека исключают преступность деяния – законодатель и правоприменитель вполне солидарны с этой идеей.

2. Кроме того, дискуссионным представляется и другой, более частный, вывод Т.Р. Сабитова – о необходимости распространить содержание части 1 ст. 6 УК РФ «Принцип справедливости» (в авторской редакции – «Принцип соразмерности») *«на все меры уголовно-правового воздействия»* (курсив наш. – А. С.), применяемые к лицу, совершившему любое предусмотренное УК деяние» (с. 14, 231). Дело в том, что в ч. 1 ст. 6 действующего УК РФ указывает не только на наказание, но и на «иные меры уголовно-правового характера». Соответственно, данное положение не вполне логично.

В то же время высказанные замечания не ставят под сомнение концепцию диссертационного исследования Т.Р. Сабитова, носят дискуссионный характер и ни в коей мере не влияют на общую положительную оценку диссертационной работы. На осно-

ве изложенного можно констатировать, что поставленная автором цель достигнута, задачи решены, а положения, разработанные в диссертации, представляются научно обоснованными и аргументированными.

Таким образом, диссертационное исследование Сабитова Тимура Рашидовича на тему «Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды» представляет собой завершённую научно-квалификационную работу, в которой на основании выполненных соискателем исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как крупное достижение в области науки уголовного права, имеющее важное прикладное значение для формирования направлений уголовной политики, законодательской и правоприменительной деятельности. Данная диссертация соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. N 842 (в ред. от 01.10.2018 г.) и научной специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Автор диссертации – Сабитов Тимур Рашидович – достоин присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Раздел 11. Спецтема: Обсуждаем законопроект

СЕРГЕЕВ А.Б., доктор юридических наук, профессор, Sergeev_ab@bk.ru Кафедра организации расследования преступлений и судебных экспертиз; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	SERGEEV A.B., Doctor of Legal Sciences, professor, Sergeev_ab@bk.ru Chair of crime detection and forensics; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ПРОЕКТА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Аннотация. В 2009 году Конституционным Судом Российской Федерации, а позднее Пленумом Верховного Суда Российской Федерации выявлены существенные недостатки Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», регламентирующего производство судебных экспертиз. С целью разрешения проблем и формирования благоприятных условий (факторов) для высокого качества экспертных исследований Правительством Российской Федерации был подготовлен проект Федерального закона N 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Разработчики проекта предлагают расширить перечень учреждений, которым следственные органы и суды на законном основании вправе поручать проведение экспертных исследований. Ими разработан механизм, позволяющий сделать «прозрачным» и понятным алгоритм экспертных действий. Названы правовые средства повышения качества методического обеспечения экспертных исследований, контроля качества экспертного производства. В работе анализируются отдельные положения законопроекта: сертификация методик экспертных исследований, порядок подтверждения компетентности самих экспертов. Дается оценка правовому регулированию допуска к проведению экспертиз негосударственных учреждений. Автор статьи исследует высказанные специалистами замечания по отдельным положениям проекта и предлагает способы их устранения. Обосновывается необходимость принятия данного законопроекта.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность; экспертное заключение; методика экспертного исследования; проект федерального закона; сертификация.

CRITICAL ANALYSIS OF THE CERTAIN PROVISIONS OF THE DRAFT FEDERAL LAW "ON FORENSIC ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION"

Annotation. In 2009, the Constitutional Court of the Russian Federation, and later the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, revealed significant shortcomings of the Federal Law "On state forensic expert activities in the Russian Federation", which regulates conducting forensic examinations. To solve the related problems and create favorable conditions (factors) for conducting high quality forensic examinations, the Government of the Russian Federation has developed a draft federal law No. 306504-6 "On forensic activities in the Russian Federation". The drafters of the bill propose to expand the list of institutions that may be legally entrusted to conduct forensic examinations by the investigative bodies and courts. They have also developed a mechanism to make the algorithm of expert actions transparent and understandable. The legal means for improving the quality of methodological support of forensic examinations and controlling their quality are named. Certain provisions of the bill are analyzed in the article: the certification of the methods for conducting forensic examinations and the procedure for confirming the competence of the forensic experts. The assessment of the legal regulation of admitting non-state institutions to conduct forensic examinations is given. The comments concerning the certain provisions of the draft are examined and the ways to eliminate them are proposed. The necessity of the adoption of this bill is substantiated.

Keywords: forensics activities; expert opinion; methods of conducting forensic examination; draft federal law; certification.

Одной из сложно решаемых задач уголовного судопроизводства является производство судебных экспертиз. Можно выделить несколько факторов, негативно влияющих на качество экспертных заключений и, соответственно, оказывающих сдерживающее влияние на отправление правосудия в целом.

Фактор 1. Большая загруженность государственных экспертных учреждений Минюста России, МВД России, Минздрава России, ФСБ России, а также экспертных учреждений Минобороны России, ФТС России, Федеральной противопожарной службы МЧС России.

Фактор 2. Недостаточно высокий уровень экспертных заключений при производстве экспертиз.

С целью разрешения этих проблем, формирования благоприятных условий (факторов) для высокого качества экспертных исследований в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации Правительством Российской Федерации внесен проект Федерального закона N 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»* (далее – Законопроект). Посредством разработки правовых механизмов судебно-экспертной деятельности в законопроекте предлагается:

– расширить перечень учреждений, которым следственные органы и суды на законном основании вправе поручать проведение экспертных исследований;

– сделать «прозрачным» и понятным алгоритм действий, позволяющий получить профессию судебного эксперта;

– повысить качество методического обеспечения экспертных исследований;

– создать контроль качества экспертного производства.

В связи с этим следует рассмотреть решение каждой из задач, поставленных в Законопроекте.

1. Расширение перечня учреждений, которым следственные органы, суды вправе поручать проведение экспертных исследований.

* О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: проект Федерального закона N 306504-6 // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru>

Суть проблемы связана с делом, рассмотренным в Конституционном Суде Российской Федерации**. Следователь, доказывая виновность Р.Л. Лебедева в совершении преступления, назначил судебно-экономическую экспертизу, поручив ее производство ООО «Экономико-правовая фирма “Консалтинг”». Результаты проведенной экспертизы подтвердили обвинительную версию следователя, но были обжалованы сначала в прокуратуру, а затем в Конституционный Суд Российской Федерации. В жалобе обращено внимание на то, что редакция п. 60 ст. 5 УПК РФ позволяет расширительно толковать его содержание и допускает ситуации, когда проводить экспертизы может «иное (экспертное) учреждение», то есть коммерческое, сотрудники которого являются лицами заинтересованными.

Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание на то, что механизм подготовки и производства экспертизы определяется другими нормами уголовно-процессуального законодательства. В частности, в соответствии со ст. 198 УПК РФ сторону защиты знакомят с постановлением о назначении судебной экспертизы. Заинтересованная сторона вправе заявить отвод эксперту (учреждению), избранному следователем в качестве лица, обладающего соответствующей компетенцией. Она может заявить ходатайство и предложить провести экспертизу другому экспертному учреждению, назвать конкретное лицо или учреждение. При составлении перечня вопросов, подлежащих разрешению экспертом, как и сторона обвинения, заинтересованная сторона также вправе сформулировать собственные вопросы, ответы на которые могут усилить позицию обвиняемого. Таким образом, констатировано: «пункт 60 статьи 5 УПК Российской Федерации не нарушает конституционные права заявителя».

** Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лебедева Руслана Львовича на нарушение его конституционных прав пунктом 60 статьи 5 и частью третьей статьи 124 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 февр. 2009 г. N 88-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Следует согласиться с выводом Конституционного Суда Российской Федерации. Однако при глубоком исследовании сути заявленной жалобы необходимо признать наличие неточности правового определения понятия иного лица. С заявителем следует согласиться в том, что риск необъективного заключения экспертного исследования, проведенного коммерческой организацией, высок. Основная цель коммерческих организаций – извлечение прибыли. При этом защита интересов общества не является приоритетным направлением их деятельности [1, с. 42].

Содержащуюся в редакции п. 60 ст. 5 УПК РФ потенциальную угрозу правосудию Пленум Верховного Суда Российской Федерации попытался устранить, определив в своем постановлении от 21 декабря 2010 г. N 28 понятие «иного учреждения» более узко, как негосударственное судебно-экспертное учреждение. Данное учреждение осуществляет экспертную деятельность в соответствии с Федеральным законом от 12 января 1996 г. N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», а также принятым уставом. Цель деятельности – защита прав, законных интересов граждан и организаций, разрешение споров и конфликтов, оказание юридической помощи, а также иные цели, направленные на достижение общественных благ (чч. 2-3 ст. 2)*. Экспертное учреждение не может быть коммерческой организацией («некоммерческим партнерством, частным учреждением или автономной некоммерческой организацией»)**.

В целом своевременная и правильная позиция Верховного Суда Российской Федерации по исследуемой проблеме не поставила точку в разрешении вопроса о негосударственных учреждениях, к которым могут обратиться следственные органы с постановлением о проведении экспертных исследований и составлении

соответствующих заключений. При всей своей значимости для отправления правосудия и формирования единой практики положения Пленума Верховного Суда Российской Федерации не являются источником права.

В его решениях содержится толкование норм федерального законодательства [2, с. 28-30]. Таким образом, не исключены ситуации, когда следователь поручит производство экспертизы коммерческой организации, мотивируя решение объективными обстоятельствами, объясняя, почему он не может следовать рекомендации Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Такое экспертное заключение суд первой инстанции должен будет принять в качестве допустимого доказательства и проверить на предмет достоверности, как и другие собранные по делу доказательства.

Разработчиками Законопроекта принята попытка решения данной проблемы. В части 2 ст. 13 Законопроекта негосударственными судебно-экспертными организациями названы только некоммерческие организации, «к основным видам деятельности которых относится судебно-экспертная деятельность, осуществляемая в соответствии с установленными требованиями к производству судебной экспертизы».

2. Другую проблему – проблему уровня подготовки эксперта в законопроекте предлагается решить посредством учреждения института сертификации. В соответствии с законопроектом предполагается создать Государственный реестр экспертов, имеющих сертификат подтверждения уровня их квалификации. Ведение реестра экспертов планируется поручить Минюсту России. В реестр будут включаться эксперты, обладающие высоким уровнем профессионализма.

Достоинством реестра (базы данных) станет возможность быстрого поиска судами эксперта нужной специализации и поручение ему проведения исследования по делу. Подтверждением уровня высокой компетенции и основанием для включения лица в реестр будет результат его аттестации.

Данное новшество достаточно позитивно оценивается специалистами. Поступают предложения по наполнению

* О некоммерческих организациях: федер. закон от 12 янв. 1996 г. N 7-ФЗ; ред. от 29 июля 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 3. Ст. 145; 2018. N 31. Ст. 4849.

** О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 дек. 2010 г. N 28 // Рос. газ. 2010. 30 дек.

реестра экспертов максимально полной информацией о них, «...не ограничиваясь лапидарными формулировками типа “специалист в области технической экспертизы документов”, а фиксируя те вопросы, отвечая на которые эксперт в состоянии представить компетентное заключение» [3, с. 39].

Вопрос о добровольности такой аттестации в Законопроекте решается дифференцированно. Для государственных служащих прохождение сертификации — обязательное условие заключения с ними договора о замещении должности в государственном экспертном учреждении. Для специалистов из негосударственных учреждений прохождение сертификации — процесс добровольный. Дифференцированный подход вызывает недоумение не только у критиков*, но и у тех, кто законопроект поддерживает. «По мысли разработчиков проекта Закона, прохождение сертификации квалификации — дело добровольное, но без нее негосударственный судебный эксперт не может быть включен во всероссийский реестр судебных экспертов. Это фактически почти полностью закрывает возможность такому судебному эксперту участвовать в проведении экспертиз, назначаемых судами и органами предварительного расследования» [3, с. 36-41].

Изложенный разработчиками Законопроекта подход к решению данного вопроса представляется правильным по следующей причине. Повышенные требования к профессионализму экспертов, являющихся государственными служащими, проявившиеся в Законопроекте в виде положения об обязанности прохождения сертификации, обусловлены целями правового государства. Цель — обеспечить защиту прав и законных интересов участников уголовного процесса, в данном случае посредством наполнения базы данных (реестра) сведениями о лицах, спо-

собных на действительно высоком уровне провести экспертное исследование и дать объективное и достоверное заключение, обеспечивающее отправление правосудия фактического, а не декларируемого.

В отношении негосударственных служащих требование об обязательной сертификации отсутствует. Иное (возложение обязанности проходить сертификацию) могло быть расценено как нарушение конституционного права гражданина на свободу выбора действий.

С другой стороны, законопроект предусматривает отказ во внесении в реестр негосударственных служащих, обладающих специальными познаниями, но не прошедших сертификацию. Такая редакция также может восприниматься как ограничивающая права граждан использовать свои профессиональные качества — невозможность быть назначенным в качестве эксперта. Здесь возникает дилемма, требующая своего разрешения: обязанность государства обеспечить публичный интерес в правосудии сталкивается с правом отдельных лиц на свободу выбора профессиональной деятельности.

Согласно смыслу законопроекта, на исследуемую конфликтную ситуацию распространяется позиция Конституционного Суда Российской Федерации, которая заключается в следующем: интересы публичные имеют приоритет перед интересами отдельных лиц. Следовательно, предусмотренная законопроектом обязанность государственного служащего пройти сертификацию для того, чтобы быть включенным в реестр экспертов, не противоречит Конституции Российской Федерации. Возложение на государственных служащих дополнительных обязательств Конституционный Суд Российской Федерации объясняет следующим образом: «Само по себе установление для государственных служащих запретов, обусловленных прохождением государственной службы, допустимо, если оно согласуется с основными целями правового регулирования государственной службы в Российской Федерации как социальном правовом государстве, отвечает законным интересам, связанным с ее организацией и эффек-

* Заключение Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству по проекту федерального закона N 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru>

тивным функционированием...»*. Соответственно, возложение такой обязанности на специалистов (экспертов), не являющихся государственными служащими, означало бы несоответствие конституционным положениям. Включение же в реестр специалистов в сфере экспертной деятельности и не прошедших сертификацию означало бы, что правосудие будет подвергаться риску в случаях, когда суд принимает решения на основании заключения лица, компетентность которого не подтверждена. Неподтвержденная компетенция создает угрозу публичным ценностям и публичному интересу, в данном случае – правосудию.

Кроме того, заслуживает поддержки следующая предлагаемая в Законопроекте процедура сертификации методик, используемых экспертом. «Сертификация научно-методического обеспечения судебной экспертизы – процедура подтверждения его соответствия требованиям, предъявляемым к специфическому целевому использованию методик, методов и средств в области судебной экспертизы»**.

По вопросу сертификации критики обращают внимание на то, что законопроектом предусмотрена и сертификация экспертных методик проведения исследований [4, с. 3]. Указывается, что в случае принятия на законодательном уровне решения о сертификации существующих методик реализовать ее на практике будет сложно. «Разнообразие видов судебной экспертизы на сегодняшний день таково, что для подтверждения столь разнообразного вера квалификаций понадобится привлечь огромное количество специалистов, и пригласить их попросту неоткуда... Ведь

нельзя же серьезно полагать, что чиновники столь умны и квалифицированы, что в составе одной (нескольких) комиссий способны качественно определить текущую квалификацию любого судебного эксперта – от химика до дактилоскописта – и дать обоснованное об этом заключение» [3, с. 36-41]. Опасения высказывают и другие специалисты [5, с. 28-30; 6, с. 214-221].

Однако, во-первых, следует признать ошибочным утверждение о том, что процедурой сертификации должна заниматься «одна или несколько комиссий». В Российской Федерации официально зарегистрированы 434 научные специальности. По каждой специальности лица, считающие, что они обладают высоким уровнем познания в той или иной области, проходят аттестацию, представив свое диссертационное исследование. При положительном заключении результатов исследования члены комиссии присуждают соискателю ученую степень. Каждая научная специальность представлена различным количеством диссертационных советов. В каждом совете не менее пяти докторов наук по соответствующей специальности. Это специалисты высокого уровня, известные своими достижениями в науке. Из высоконаучной среды, как представляется, возможно набрать «экспертов над экспертами», экспертов по оценке качества экспертных методик [7, с. 178]. Такие специалисты смогут оценить уровень подготовки лица, проходящего сертификацию в качестве эксперта по соответствующему направлению, а также дать объективную оценку разработанным методикам проведения экспертных исследований.

В связи с этим возможно проведение некой параллели между предлагаемой сертификацией экспертных методик и прохождением обсуждений законопроектов. Исследуемый нами Законопроект получил своеобразную экспертную оценку со стороны членов Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству и членов других профильных комитетов. Общество исходит из презумпции компетентности: члены профильных комитетов Государственной Думы обладают высокими профессиональными качествами и могут дать объективную оценку

* По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20.1 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л.Н. Кондратьевой и А.Н. Мумолина: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 г. N 14-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 28. Ст. 4261.

** Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». URL: <http://asozd2.duma.gov.ru>

содержанию законопроекта [8 с. 73]. Аналогичную позицию следует занять и в отношении аттестации как самих экспертов, так и разрабатываемых ими экспертных методик. Число ошибочных решений будет не больше, чем при принятии решений относительно законопроектов. Но если принятие законов сопровождается сталкиванием конкурирующих интересов политического, экономического и иного характера, то сертификация экспертов, скорее всего, будет осуществляться более объективно. Что касается коррупционного фактора при сертификации методик или профессионального уровня экспертов, то его наличие, как представляется, не будет превышать уровня, который имеет место при принятии важных оценочных решений в других сферах жизнедеятельности. На сертификацию экспертов и экспертных методик, как и на другие коррупционно опасные направления, будет необходимо распространить имеющиеся средства (правовые, организационные, методические) противодействия коррупционным проявлениям.

Изложенные выше обстоятельства позволяют утверждать:

1. Исследования по правовому регулированию сертификации профессиональной экспертной деятельности, существующих методик проведения различных видов экспертиз следует продолжить, а результаты исследований должны получить законодательное закрепление.

2. Проект Федерального закона N 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» после устранения отдельных неточностей следует поддержать.

3. До принятия закона представляется целесообразным в соответствии с предписанием Пленума Верховного Суда Российской Федерации придать законодательную форму понятию «экспертное учреждение», изменив редакцию п. 60 ст. 5 УПК РФ следующим образом: «экспертное учреждение — государственное судебно-экспертное или иное некоммерческое учреждение, которому поручено производство судебной экспертизы...».

Список литературы

1. Муженская Н.Е. Производство судебных экспертиз вне государственных судебно-экспертных учреждений // Законность. 2011. N 12. С. 40-44.
2. Комиссарова Я.В. Проблемные аспекты постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. N 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Рос. судья. 2011. N 3. С. 28-30.
3. Комарицкий С.И. Проект закона о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и проблема участия в проведении судебной экспертизы негосударственных экспертов // Юрист. 2014. N 17. С. 36-41.
4. Белкин А. Судебная экспертиза с государственным уклоном // ЭЖ-Юрист. 2013. N 17-18.
5. Васяев А.А. О постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Адвокат. 2011. N 3. С. 28-34.
6. Быков В.М. Новое постановление Пленума Верховного Суда РФ о судебной экспертизе по уголовным делам: научный комментарий // Право и политика. 2011. N 2. С. 214-221.
7. Попова Т.В., Сергеев А.Б. Психофизиологическая экспертиза: состояние, перспективы использования результатов в уголовном судопроизводстве // Следствие в России: три века в поисках концепции: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М., 2017. С. 176-179.
8. Никулочкин Е.О., Сергеев А.Б. Нормативно-правовая база и судебная практика в обеспечении гражданско-правовыми средствами конфискации имущества в уголовном судопроизводстве // Социум и власть. 2013. N 5 (43). С. 69-74.

References

1. Muzhenskaya N.E. Proizvodstvo sudebnyh ekspertiz vne gosudarstvennyh sudebno-ekspertnyh uchrezhdeniy [The production of forensic examinations outside state forensic institutions]. Zakonnost' – Legality, 2011, no. 12, pp. 40-44.
2. Komissarova Ya.V. Problemnye aspekty postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 21 dekabrya 2010 g. N 28 "O sudebnoy ekspertize po ugovolnym delam" [The problematic aspects of the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2010 No. 28 "On forensic examination in criminal cases"]. Rossiyskiy sud'ya – Russian judge, 2011, no. 3, pp. 28-30.

3. Komaritskiy S.I. Proekt zakona o sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii i problema uchastiya v provedenii sudebnoy ekspertizy negosudarstvennykh ekspertov [The draft law on forensic expertise in the Russian Federation and the problem of participation in the forensic examination of non-state experts]. *Yurist – Lawyer*, 2014, no. 17, pp. 36-41.

4. Belkin A. Sudebnaya ekspertiza s gosudarstvennym uklonom [Forensic examination with a state bias]. *EZh-Yurist – EZh-Lawyer*, 2013, no. 17-18.

5. Vasyaev A.A. O postanovlenii Plenuma Verhovnogo Suda RF "O sudebnoy ekspertize po ugovolnym delam" [On the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On Forensic Expertise in Criminal Cases"]. *Advokat – Lawyer*, 2011, no. 3, pp. 28-34.

6. Bykov V.M. Novoe postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF o sudebnoy ekspertize po ugovolnym delam: nauchniy kommentariy [New Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on forensic expertise in criminal cases: a scientific comment]. *Pravo i politika – Law and Politics*, 2011, no. 2, pp. 214-221.

7. Popova T.V., Sergeev A.B. Psihofiziologicheskaya ekspertiza: sostoyanie, perspektivy ispol'zovaniya rezul'tatov v ugovolnom sudoproizvodstve [Psychophysiological examination: state, prospects of using the results in criminal proceedings]. *Sledstvie v Rossii: tri veka v poiskah kontseptsii [Investigation in Russia: three centuries in search of a concept]*. Moscow, 2017. Pp. 176-179.

8. Nikulochkin E.O., Sergeev A.B. Normativno-pravovaya baza i sudebnaya praktika v obespechenii grazhdansko-pravovymi sredstvami konfiskatsii imushchestva v ugovolnom sudoproizvodstve [Regulatory framework and judicial practice in the provision of civil law means of confiscation of property in criminal proceedings]. *Sotsium i vlast' – Socium and power*, 2013, no. 5 (43), pp. 69-74.